



ПОСЛѢДНІЙ
Н О В Ъ К Ъ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНИИ ЛИФЛЯНДИИ.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.



1833.

ПОСЛѢДНІЙ НОВІКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ
Н О В Ы Й К ъ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СО Ч И Н Е Н І Е

ИВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА.

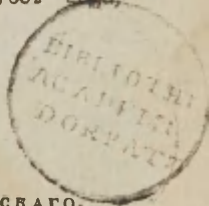
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

*Изданіе второе, съ перваго 1832 года,
съ исправленіями.*

ВЪ МОСКВѢ

ТИПОГРАФІЯ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1833.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи предспавлены
были въ Цензурный Комишешъ шри экземпляра.
Москва, Марша 10 дня 1833 года.

Ценсоръ Лееъ Цедтаевъ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

Глава первая



Исповѣдь дружбы.

*И страшенъ день, и ночь страшна;
И тѣни гробовыя;
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
И въ гасъ глубокой ноги
Бѣжитъ овра его покой,
И сонъ забыли оги.*

Жуковский.

Мы оставили Русскихъ на маршѣ опѣ пепелища Розенгофскаго форпосна къ Сагницу. Нѣмой, какъ мы сказали, служиль имъ вожапымъ. Горы, по которымъ они шли, были шакъ высоки, чпо лошади, съ птяжеспями взбираясь па нихъ (упошреблю

простонародное сравненіе), выпягивались, какъ прутья, а спалзывая съ нихъ, едва не свертывались въ клубокъ. Вѣковые Анценскіе лѣса пробудились тысячами ошголосковъ: обитавшіе въ нихъ звѣрки, испуганные необыкновенною тревогой, бѣжали, сами не зная куда, и попадали прямо въ толпы солдашъ.

Нѣмой, ведя Русскихъ, пошому что приказано ему было вести ихъ, горевалъ при мысли, зачѣмъ такое множество людей идеть на убой себѣ подобныхъ. Но когда передовой опрядъ, при коемъ онъ находился, ворвался въ корчмы, одиноко стоявшія въ Анценскомъ лѣсу и служившія Шведамъ отводными караульнями; когда раздались въ нихъ вопли умправшихъ или просившихъ пощады: онъ плакалъ, спешалъ, бросался въ ноги къ Русскимъ начальникамъ, обнималъ ихъ колѣна и разными краснорѣчивыми движеніями молилъ о жизни для несчастныхъ, или грозилъ, въ противномъ случаѣ, бѣжать и оставить войско безъ проводника. Ему возражали, что

его самого убьютъ за побѣгъ, а онъ — обнажалъ грудь свою. Такимъ прогашельнымъ и смѣлымъ посредничествомъ спасена жизнь нѣсколькимъ Шведскимъ солдатамъ, заспигнувшимъ ночью въ корчмахъ. Рѣдкіе изъ нихъ успѣли выпрыгнуть изъ оконъ и разбѣжались по лѣсамъ. Спрахъ придалъ легкости ногамъ ихъ и предупредилъ Русскихъ въ Сагницѣ.

Надобно сказать, что сія мыза облакачивается къ западу объ гору, довольно далеко пропягивающуюся, къ сѣверо-востоку смоприть на ровныя поля, а къ полдню обогнуша болопомъ, на коемъ ржавѣла прежде сего осадка попопныхъ водъ. Нынѣ, когда человекъ неушомимо допышываетъ все стихіи на свою службу, онъ выжалъ воды сіи, опвелъ имъ пуши, да не выдушъ изъ нихъ, и въ первобышномъ холодномъ ихъ ложѣ добываетъ огонь для своихъ очаговъ и новые источники богатства. Пирамиды и квадраты землянаго угля веселятъ взоры тамъ, гдѣ, бывало, самое легкое живошное не смѣло поставишь по-

ноги своей. Въ то время, которое описываю, была устроена по болоту узкая, бревенчатая гашь, такая удобная и покойная, что ѣзду по ней можно было сравнить развѣ съ рѣчью запки. По сей-то дорогѣ упрямъ 16 Іюля въ безпорядкѣ пянулся къ Плабору опрядъ Шведскій, испуганный вѣстію о приближеніи нечаянныхъ гостей. Опважись на бой неравный не лъзя было и думать. Начальникъ опряда рѣшился, въ ожиданіи извѣстій отъ Шлиппенбаха, перебраться въ добромъ здоровьи за Плаборъ, разрушишь тамъ переправу, потомъ разрубихъ мостъ на Эмбахѣ и шѣмъ задержашъ, хоша на нѣсколько часовъ, ужасную лаву, впекающую съ такою быспропой въ Лифляндію. Но едва успѣлъ онъ вывести на гашь огромнѣйшій обозъ съ тяжестями, какъ показались у Саглицкой кирки шапки Татарскія. Чшобы спасти опрядъ отъ пораженія, оспавалось бросихъ обозъ и шѣмъ заградихъ непріятелю единственную за собою дорогу. Такъ и сдѣлано.

Русскій военачальникъ, не видя возмож-

ности немедленно пачать боевой перего-
воръ съ непріацелемъ и желая дашь оп-
дыхъ войску, упомянутому шруднымъ по-
ходомъ и пригошовишь его къ рѣшишель-
ному сраженію, развернулъ многочислен-
ныя силы свои по пространству поля,
какъ искусный игрокъ колоду карпъ по
зеленому столу. Между шѣмъ выслалъ зна-
чительныя опряды, чшобы заняшь мызу,
осмотрѣшь около нея всѣ мышки норки,
очистишь дорогу черезъ болото и шѣмъ
установишь сообщеніе съ непріацелемъ.

Крики торжества раздались при рас-
хищеніи обоза и мызы. Они опдались въ
спанѣ, и тогда ничто не могло удер-
жашъ войска, въ немъ оставшагося. Какъ
при видѣ жертвы срывающся гончіе псы
со своръ своихъ : такъ понеслись на
добычу тысячи разнородныя и еще ху-
до знакомыя съ дисциплиною. Въ нѣсколь-
ко мннушь весь обозъ разбишь; а шамъ,
гдѣ стояла богатая мыза, возвысились
одиѣ безобразныя шрубы, какъ на пожа-
рищѣ, хотя она и не горѣла. За шо

многіе, перебивая другъ у друга лучшіе кусочки, иные изъ вещи ничтожной, спалкивали и увлекали другъ друга съ шѣсной гапн въ трясины, гдѣ успія вырваться изъ нея еще болѣе въ нее погружали. Добычникъ и добыча, нападавшій и защищавшійся, равно погибали. Видѣ порчащихъ изъ болоша рукъ, ногъ и головъ, ужасъ и безобразіе смерти на лицахъ ушопленниковъ, самая жизнь, бѣснующаяся въ испущеніи спрасней—вопли радости, ругательства борющихся, хохотъ побѣды—все соединилось, чтобы составить изъ сего грабежа адскій пиръ. Съ трудомъ могли высшіе начальники унять его, шѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры сами подали примѣръ безпорядка. Изъ числа попавшихся въ трясины немногіе вытащены изъ нея христіанскимъ состраданіемъ товарищей.

День прошелъ въ опдохновеніи. Въ спаніи молились, пировали, пѣли пѣсни, мѣняли и продавали добычу. Офицеры разбирали по рукамъ плѣнниковъ и плѣнницъ,

назначали ихъ въ подарокъ родшвенникамъ и друзьямъ, въ Россіи находившимся, или шущъ же передавали, подобно ходячей монетѣ, однокорышникамъ, для коихъ не было ничего завѣшнаго.

Къ вечеру прибылъ въ спанъ и Пашкуль безъ носа, разумью, краснаго, и безъ горба, разбросанныхъ имъ по дорогѣ; но, въ замѣну, съ планомъ Гуммельсгофскихъ окрестностей и съ новыми средствами опмспить своему врагу - Государю. Съ нимъ прибыло лице, новое для Русскихъ — вѣрный служитель, Фрицъ, а въ слѣдъ за тѣмъ прикашила на своей тѣлѣжкѣ маркишанша Ильза. Она оплучалась на цѣлыя супки изъ войска Шереметева для развоза вѣстей, которыя нужно было Пашкулю распустить по Лифляндіи. Многихъ въ это время заставила она горевать по себѣ.

Иыѣшній день она не въ обыкновенномъ своемъ духѣ; она грустна и не можеть скрыть своей грусти. Ее не ушѣшають подарки, опдѣленные для нея изъ военныхъ профеевъ. Рингенъ и месць

однѣ въ сердцѣ ея. Она льетъ вино черезъ край мѣрки, забываетъ брать деньги, ей слѣдующія, или пребуешь ужъ заплаченныхъ, опивчаешь несвязно на вопросы, часто вздрагиваешь, говоришь сама съ собою вслухъ непонятныя рѣчи и безъ причины хохочешь. Только Мурзенкѣ спарается она особенно угодить; ухаживаетъ за нимъ, какъ нѣжная дочь; готова отдать ему даромъ все, что имѣешь на своей походной пѣлежкѣ — и не мудрено: Мурзенко навѣрно будешь первый въ Рингенѣ.

Ночь на 17-е послѣдняя для многихъ въ Русскомъ и Шведскомъ войскахъ. Какъ тяжелый свинецъ, пали на грудь иныхъ смущенныя видѣнія; другіе спали крѣпко и сладко за нѣсколько часовъ до борьбы съ вѣчнымъ сномъ. Умъ, справки, честь, страхъ Царскаго гнѣва, надежда на милосердіе Государевы и, по временамъ, любовь къ опечиству работали въ душѣ вождей.

Было гораздо за полночь. Пѣшухи, уцѣлѣвшіе на развалинахъ Сагница, уже въ третій разъ перекликались съ ночными

спражами въ спанѣ Русскомъ. Въ шапкѣ Полковника Семена Ивановича Кропотова свѣспился огонекъ. Грустный, измощенный душевными спраданіями и бессоницею, онъ сидѣлъ согнувшись на соломенномъ ложѣ. Черный пышный парикъ былъ снятъ съ головы, и на обнаженномъ темѣ въперъ, врывавшійся по временамъ въ палашку, шевелилъ два серебряные локона, какъ изсохшія былія на могильномъ черепѣ. Передъ нимъ на колѣнахъ лежала доска съ листомъ бумаги (недавнимъ Указомъ запрещено было употреблять столпцы): это было духовное завѣщаніе, на краю коего дописывалъ онъ послѣднія спроки. Крупныя капли слезъ падали изъ помущившихся глазъ его. Нерѣдко прерываемый въ своемъ зянятіи въперкомъ, слившимся помущишь огарокъ, освѣщавшій его трудъ, онъ охранялъ дрожащею рукою огонекъ, драгоценнѣйшій для него огня Весты. Кончивъ свой трудъ, долго, очень долго смотрѣлъ онъ съ какою-то заботливостію на Полуектова, спавшаго

крѣпкимъ сномъ въ одной съ нимъ палашкѣ. Вдругъ, послѣдній вздрогнувъ, приподнялся съ ложа своего, осмопрѣлся кругомъ и спросилъ поварища, онъ ли его спрашивалъ и что ему надобно.

— Сердце мое спрашивало шебя, ошвъчалъ Кропошовъ, шворя крестное знаменіе: но голоса я не давалъ.

— Спранно! сказалъ Полуекшовъ, по же креспясь: меня кто-то во снѣ полкнулъ подъ бокъ шихонько, въ другой разъ шибче, въ прешій еще сильнѣе у самаго сердца, и проговорилъ довольно внятно: »Вспань. . . друга рѣжущъ Шведы. . . поспѣши къ нему на помощь. Слышишь? Онъ зоветъ шебя.« Но какой ты блѣдный, Семень Ивановичъ! Опять таки всю ночь не спалъ и опять что-то писалъ.

— Навѣрно голосъ, шебя звавшій, былъ голосъ моего Ангела-хранителя. Да, сонъ швой не лживъ; рѣжущъ меня, только не Шведы — собствєнные мои грѣхи. Помогги. Время для меня дорого. Скоро забѣлѣешь утро, можешь спашься, послѣднее

въ жизни моей... и нашей бесѣдѣ могушь помѣшать.

— Что зашьялъ ты новаго, безразсудный? Мученикъ своихъ черныхъ думъ, ты вездѣ видишь смерть, или бѣды. Чего добраго! накличешь ихъ.

— И та и другія идутъ безъ зова, Никиша Ивановичъ! Дни наши въ руку Божіей: ни одной іоты не прибавимъ къ нимъ, когда они сочтены. Вѣрь, и моему земному житію предѣлъ близокъ: сердце въщунъ, не обманщикъ. Лучше умереть, чѣмъ замирать всечасно. Вчера я исповѣдался ошцу духовному и сподобился причаститься Святыхъ Таинъ; нынѣ, если благословишь Господь, исполню еще сей долгъ Христіанскій. Теперь хочу открышь тебѣ душу свою. Ты меня давно знаешь, другъ! но знаешь-ли, какой тяжкій грѣхъ лежишь на пей?

Полукшовъ молчалъ.

— Нѣтъ, никакими спраданіями, никакими молитвами не искуплю своего пресупленія! Какъ тяжелый камень, ле-

лежишь оно на сердце моемъ, давишь мнѣ грудь, не даешь на мигъ вздохнуть свободно.

— Искупитель просилъ и разбойника, а ты. . .

— Хуже его! Въдай, я погубилъ свое родное дѣщище.

— Не можешь спасться, Семень Ивановичъ! Ты не въ умъ своемъ; ты клепешь на себя напраслину.

— Нѣтъ, другъ, воистину говорю тебѣ, какъ духовнику своему: я погубилъ свое дѣщище, и за это наказалъ меня Богъ. Изъ многочисленнаго семейства не осталась у меня никого на утѣшеніе въ старости и по смерти на помиѣ души.

Онъ вынулъ письмо изъ кожаной сумочки, висѣвшей у него на груди вмѣстѣ со крестомъ, дрожащими руками подалъ письмо Полуекшову и произнесъ могильнымъ голосомъ: — Этого подарокъ пришелъ ко мнѣ прешьяго дня вечеромъ отъ старушки жены изъ Москвы: про-

чши и суди, могъ ли я вчера ушромъ бышь половищкомъ въ вашемъ веселии.

Полукшовъ чипаль посланіе съ какимъ-шо внушренимъ, судорожпымъ чувствомъ; видно было, что онъ снѣдалъ грусть свою.

Послѣдняго! пронзнесъ Кропошовъ голосомъ опчаянной скорби: хопъ бы одного Господь оставилъ — не мнѣ — прессарѣлой машери опорю и кормильцемъ. Но... проспи мнѣ, Боже мой! мнѣ-ль ропшашъ па Тебя, неизреченное Милосердіе? Ты наказываешь меня праведно.

— Послѣдняго! повшорилъ Полукшовъ, качая головой; вмѣстѣ съ симъ зашпрунлись слезы по щекамъ его. — И мой пригожій, разумный крестничекъ, Сеня!.. А мы ждали уже его на смѣну опцу!

— Онъ служилъ шеперь Царю Небесному.

— Велико швое испышаніе, Господи! Наслалъ ты шяжкія раны на сердце моего добраго Кропошова.

— Вѣдомо тебѣ, что двухъ еще прежде взялъ Онъ самъ, Топшъ, кому Владыки земные пропивишься не можешь. Но ты не знаешь: у меня былъ чепвертый — и того я самъ погубилъ. Я... продалъ его! Ты смотришь на меня съ удивленіемъ и ужасомъ; ты не вѣришь, чтобы Христіанинъ могъ продавать свое родное дѣтище? Но это было такъ!.. Передъ тобой торгаешь своими кровными — эштошъ вашъ вчерашній вѣрный слуга Царскій, добрый, нѣжный отецъ, православный Христіанинъ! Ты все глядишь на меня и сомнѣваешься, какъ могла земля до сего времени носить такое чудовище? Да, меня носила она, какъ мать мертваго, гнилаго младенца во чревѣ, пока ей не пришло время разрѣшиться отъ сего мерзостнаго бремени. — За сколько, думаешь, продалъ я его?.. Нѣшъ, не скажу, не смѣю сказать; ты на бумагѣ (онъ указалъ на листъ) лучше все увидишь. О! эти паланшы пришли мнѣ дорого, какъ Іудѣ предашело! А вѣда-

ешь ли, кому я продалъ свое дѣшнице? — Коварной Софїи Алексѣевнѣ! Опъ нея перешель онъ къ опшупнику православной вѣры, Князю Мышинскому, а опъ него прямо — къ палачу. Какъ они всѣ пѣсповали его, какъ лелѣяли!

— Успокойся, другъ! ты съ горя мѣшаешься въ умѣ.

— Нѣшъ, я въ полномъ умѣ; я говорю тебѣ правду. Знаваль ли ты послѣдняго Новика?

— Мало, но знаваль.

— Кто онъ шакой былъ?

Полукшовъ молчалъ.

— А! эшого и ты не знаешь? Последнїй Новикъ, воспитанный Царевною Софїею, умершїй на плахѣ — сынъ мой.

— Я эшо слыхаль, но не вѣрилъ. . .

— Знаю: не ты одинъ слышалъ и не вѣрилъ! экого чудовища на Руси, какъ я, не было и не будешъ. Диво ли, что вѣру не имѣли къ эшимъ слухамъ? Такъ знай же: послѣднїй Новикъ былъ сынъ, за-

конный сынъ Русскаго Боярина , Семена Иванова по ошцѣ, Кропошова.

Вдругъ мушныя глаза Кропошова неподвижно уставились прошивъ входа въ палашку. — Видишь, вскрикнулъ онъ: голова моего несчастнаго сына и теперъ виситъ на перекладинѣ; видишь, какъ съ нея каплетъ кровь пресупническая!..

Трясаясь, закрылъ онъ глаза руками и упалъ на солому.

Ординанцѣ * вошелъ въ это время въ палашку и доложилъ Полуектову, что его пребуешь къ себѣ Фельдмаршалъ. Получивъ отвѣтъ, онъ вышелъ.

— Горе помушило твой разумъ, сказалъ Полуектовъ, поднимая своего поварища: голова *ординанца* показалась тебѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ. Успокойся! опчаяніе величайшій изъ грѣховъ. Кто въдаетъ? можешь спастись, обманъ... шайна...

— Обманъ! шайна!.. Какая шупъ шайна? Не воры же ночью ихъ унесли. Господь, самъ Господь двухъ положилъ

* Ордиварецъ, вѣсповой,

передъ глазами матери ихъ: мать не могла же ошибиться въ своихъ дѣлкахъ. Обманъ!.. Ге! что ты мнѣ говоришь, Никиша Ивановичъ? Она сама обмывала ихъ тѣла, укладывала въ гробы, опускала въ землю. Правда, четвертый былъ пайна для многихъ; но и того обезглавленный трупъ мать узнала и сама похоронила.

— Успокойся... хоть ради Христа Спасителя, пострадавшаго за наши грѣхи.

Полуекшовъ одѣлся. — Я совсѣмъ одѣшъ и иду, сказалъ онъ: Фельдмаршалъ пребуешь меня къ себѣ. Можешь спать, пошлюшъ меня въ передовые. Ты просишь меня о чемъ-то?

При этихъ словахъ Кропошовъ очнулся: онъ посмотрѣлъ на друга съ сожалѣніемъ, будто хотѣлъ сказать: за чѣмъ шлюшъ себя? Пошомъ взялъ бумагу, которую писалъ, сложилъ ее бережно, перекрестился и, отдавая ее Полуекшову, примолвилъ: — Возьми это духовное завѣщаніе, и если меня не станеть, будь

хоть ты моей старушкѣ кормильцомъ и сыномъ, будь поминщикъ по душамъ нашимъ.

Полукшовъ взялъ бумагу, спряхалъ ее оспорожно въ боковой карманъ мундира, помолился передъ мѣдною Иконою, висѣвшею въ углу палашки, прижалъ друга къ сердцу, еще крѣпко прижалъ его, и — оба заплакали. Семень Ивановичъ надѣлъ епанчу и проводилъ друга за шаперъ.

Заря уже разыгрывалась по небосклону. — Посмотри, сказалъ Полукшовъ, какъ хорошъ Божій міръ!

— Хорошъ шаковъ, какимъ Господь его создалъ, а не шаковъ, какимъ сдѣлали его грѣхи наши — опвѣчалъ Кропошовъ, вздыхая.

Друзья обнялись еще разъ и молча проспились. Полукшовъ опправился къ Фельдмаршалу, и не возвращался болѣе въ шаперъ свой. Дѣйствительно былъ онъ назначенъ въ авангардъ. Семень Ивановичъ съ какимъ-то предчувствіемъ про-

водилъ его глазами по дорогѣ въ Плашоръ, и послалъ за своимъ духовникомъ.

Черезъ полчаса по всей арміи зашрुбили побудокъ; барабанный бой перекатился по всемъ линіямъ — и 50-тысячное Русское войско, помолясь Опцу Всеобщему и вкусивъ насущнаго хлѣба, пронулось и загремѣло по гапн. Знамена развѣялись; гобои, шрубы, лишавры и фагошы зазычали, и пѣсни, безъ кошорыхъ Русскій нейдешъ — на веселье и на горе, на шоржеспво и на смершь, раздались по полкамъ.



Глава вторая



Битва подъ Гуммельсгофомъ.

Кому-то пастъ?..

Пушкинъ.

Какъ прекрасно встало солнце 17 Юля! Будно послѣ сна расправился сей небесный великанъ: первый лучъ его, какъ блестящій клинокъ меча, успался по ровной, широкой долини, простирающейся на нѣсколько верстъ отъ Эмбаха до Гуммельсгофа, и освѣшилъ поставленные уступами Шведскіе полки. Едва считается въ нихъ до 14 тысячъ. Переправу у Эмбаха охраняешь небольшою опрядъ. Всѣ они съ душою безспрашною гошовой встрѣшишь непріятеля, въ нѣ-

сколько разъ многочисленнѣйшаго. Духъ ихъ окрѣпляетъ имя воиновъ Карла, вездѣ побѣдителя, народная и личная честь, чувство преимущества выгодной позиціи и воинскаго искусства, мщеніе за смерть брашьевъ, зарѣзанныхъ на Розенгофскомъ форпостѣ, и видъ родныхъ жилищъ, откуда дѣши, опцы, жены, просятъ не выдавать ихъ мечу, или плѣну Ташарскому.

Лощина къ Гуммельсгофу кажется высохнувшимъ русломъ широкой рѣки: по обѣимъ ея сторонамъ, въ прямомъ направленіи отъ Эмбаха, тянутся возвышенія, какъ берега. Правое возвышеніе круто, оцѣпинилось мрачнымъ лѣсомъ и оканчивается холмами, на коихъ ель рѣдко и нехотя расшешъ; лѣвое оплого, устѣяно небольшими, пріятными роцями, оканчивается боромъ и примыкаетъ къ горѣ, довольно высокой и, какъ ладонь, обнаженной. На ней стоить полуразрушенная мельница. Природа и искусство сильно укрѣпили ее: орудія обглядываютъ съ нея лощину и выжидаютъ опшуда

своихъ жертвъ. Объ нее должны опирашья всѣ силы Шведскія: это Палладіумъ ихъ чести и благоденствія. Потеря ея есть потеря всего войска, гибель цѣлой Лифляндіи.

Къ подошвѣ горы прислонилась мыза Гуммельсгофъ. Все на ней спокойно: экономка выдаетъ по прежнему кормъ для куръ; Чухонецъ въ углу двора безпечно долбитъ горбушку хлѣба, начиненную масломъ; по прежнему дымокъ, вѣспникъ человѣческихъ заботъ о жизни, вѣпся изъ трубъ. — Ни одного солдата не видно на мызѣ.

Глубокая, тяжелая тишина царствуетъ въ рядахъ, какъ будто самъ Богъ налегъ на нихъ своимъ шанишвеннымъ всемогуществомъ. Войско въ поминпельномъ ожиданіи перваго выстрѣла; и вошь... онъ раздался за Эмбахомъ! Офицеры и рядовые невольно содрогнулись и сняли шляпы. Въ это время подѣхалъ къ нимъ Шлиппенбахъ. Онъ, кажется, переродился и выросъ: въ немъ нельзя узнать ма-

ленькаго, крикливаго хлопошуна и полу-
хипреца Баронессина праздника. Духъ
геройства говоритъ въ его глазахъ, въ
рѣчи и каждомъ движеніи. »Дѣши!« вос-
клицаешь онъ, обращаясь къ войску :
» ваши поварищи начали побѣду; мы до-
» кончимъ ее. Съ кѣмъ имѣемъ нынѣ дѣло ?
» Съ Тапарами, Калмыками и, пожалуй,
» съ Московшами, которые мало чѣмъ
» посмышленѣе ихъ. Много ихъ, гово-
» рящъ: эка бѣда! шѣмъ больше выроемъ
» яму для нихъ въ память будущимъ вѣ-
» камъ, чѣобы незваные госпи не сова-
» лись въ Лифляндію. Вспомните, какъ
» мы оципали эшу сволочь подъ Нарвою:
» тогда еще не было намъ гдѣ развер-
» нушься, а теперь лихое раздолье шпы-
» ку и палашу. Не забываетъ: по лоцинѣ
» каре и каре — стоятъ плотно, дружно,
» какъ ефесь при клинкѣ, какъ голова
» при шѣлѣ. Въ роцахъ засѣли наши
» спрѣлки: по запылку выскочекъ пощел-
» кають орѣшки. Драгуны молодцы! хе,
» хе, хе! прошу васъ, битаго мяса изъ

» Московитскихъ быковъ!.. Знайте, на
 » васъ смошришь Его Величество Карль
 » въ слуховое окошко изъ Варшавы, и
 » просишь васъ попѣшишь его геройское
 » сердце. Да здравспвуешъ Король!» Всѣ
 отвѣчаютъ Генераль-Вахшмейстеру радостнымъ крикомъ: да здравспвуешъ Король! — Не худо бы, сказала одинъ Полковникъ, поставишь отрядъ на Пекгофской дорогѣ для наблюденія за нею. —
 » Пустяки! Московиты ломають всегда прямо и не умѣють пользоваться извилинами: я знаю ихъ хорошо!» вскричалъ Шлиппенбахъ, и видя, что другой Полковникъ хошѣлъ что-то представишь ему, махнулъ съ неперпѣниемъ рукой и поскакалъ впередъ.

Въ свитѣ Генераль-Вахшмейстера находишь Вольдемаръ изъ Выборга. Нынѣшній день онъ въ Шведскомъ мундирѣ, на конѣ и съ оружіемъ. Генераль шупя называешъ его своимъ *Лейбшицомъ* *.

* Тѣлохранишель, оберегательный спрѣлокъ или деньщикъ. — См. Воинскій Усшавъ.

Вольдемаръ усмѣхается на это привѣш-
спвіе, и въ черныхъ глазахъ его горитъ
дикій пламень, какъ у волка на добычу въ
темную ночь.

Калмыки, Башкирцы и Козаки первые
прискакали съ ужаснымъ крикомъ на пра-
вый берегъ Эмбаха, обсыяли его и пер-
вые закусили смертную закуску, послан-
ную имъ съ лѣваго берега. Толпы валяш-
ся, какъ муравьи, облитые кипячкомъ.
Не смотря на сію встрѣчу, Азіятскіе
наѣздики бросающъ съ конями въ рѣку,
десятками гибнутъ въ ней, румяня ея во-
ды, и сопиями переплывающъ ее въ раз-
ныхъ мѣстахъ. Здѣсь Шведскіе стрѣлки
встрѣчающъ ихъ и ссаживающъ съ ко-
ней мѣлкимъ свинцомъ и удалымъ шпы-
комъ. Но бой, каковъ ни есть, уже завя-
зался на лѣвомъ берегу, и этого довольно,
чтобы Русскимъ укрѣпиться на пра-
вомъ. Пушки ихъ на немъ разсхавлены;
драгуны спѣшились и посылающъ Шве-
дамъ свои послышки на разрѣшеніе; знаме-
на вѣющъ по воздуху; липаврщикъ въ

своей колясочкѣ бьешь переправу; плотники съ топорами и кирками стоятъ на зубьяхъ разрушеннаго моста; работа кипитъ подъ шумомъ пилъ и карсечъ; перекладины утверждены; драгуны перебираются по сему смертному переходу, и — *пассѣ* Эмбаха завоеванъ. Честь сего подвига принадлежишь Мурзенкѣ и Полуекшову. Нѣсколько сошень Козаковъ гарцуютъ уже позади Шведскаго полка, оставленнаго на защиту сего пасса. Шведы, не въ состояніи будучи пропихаться силами непріятеля, безпрестанно возрасшавшимъ, какъ головы гидры, и сдѣлавъ уже свое дѣло, образуютъ каре и среди непріятеля, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающаго, отспускаютъ медленно, какъ бы на учепы. Это движущаяся твердыня: усилія тысячей конныхъ Татаръ не могутъ поколебать ее. Полуекшовъ остается на лѣвомъ берегу, пока не наведенъ мостъ и не переправлены черезъ него регулярная конница, артиллерія и тяжести его отряда. Но толпы

Башкирскія, Ташарскія и Казацкія, ободренныя опступленіемъ непріятели, преслѣдуютъ его, вьются и жужжатъ около него своими стрѣлами и пулями, какъ рои оводовъ. Уже Гуммельсгофъ въ виду. Баталіонъ оспанавливается, укрѣпляется на одномъ мѣстѣ и на смертномъ разстояніи обдаешъ огнемъ нестройныя толпы. вмѣстѣ съ этимъ высрѣломъ шепчутъ съ обѣихъ возвышеній эскадроны Шведскіе и опушываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Куда ни обернулся всадники Азіятскіе, вездѣ грозитъ имъ гибель. Одно мужество Казаковъ поддерживаешъ еще съчу; но искусство Шведовъ одолевашъ. Пораженіе ужасно. Все, что можешъ избѣгнушь огня и меча Шведскаго, спасаешся бѣгствомъ. Полукшокъ съ своимъ полкомъ и нѣсколькими орудіями спѣшилъ на помощь; за нимъ въ слѣдъ и Кропошовъ; имъ на встрѣчу толпы бѣгущихъ; свои сшиблись со своими, смяли ихъ и внесли между нихъ на плечахъ ужасъ и торжествующаго непріятели.

Всѣ связи между Русскими разрушены: гблоса начальниковъ не слушаются, начальники сражаются, какъ рядовые; пушкари бросаютъ свои пушки; знамена опданы, и тамъ, гдѣ еще вѣютъ по воздуху два изъ нихъ, защищаютъ ихъ лично съ своими Лейбшницами Кропотовъ и Полуекшовъ. Ни одинъ изъ нихъ не бѣжитъ отъ вѣрной смерти. Первый, кажется, ищешь ее. Наконецъ, весь израненный, онъ обхватываетъ древко знамени и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ на землю, произнося имя друга, Новика и Бога. Шведы даютъ знакъ Полуекшову, чтобы онъ сдался въ плѣнъ. »Не опдамся живой; не разстанусь съ тобою, Семень Ивановичъ!« восклицаетъ онъ, отпращивая на шопъ свѣтъ нѣсколькихъ переговорщиковъ о плѣнѣ. Упомленный, истекая кровью, онъ споритъ еще съ двумя палашами, и наконецъ, разрубленный ими, опдаетъ жизнь Богу.

Фельдмаршалъ устроивалъ тогда переправу въ трехъ мѣстахъ и, по вызову

Папкуля, опряжалъ его въ обходъ черезъ мрачныя лѣса Пекгофа (гдѣ черезъ спольшіе долженъ былъ покопшья прахъ одного изъ великихъ соотечественниковъ его и полководцевъ Россіи*. Узнавъ о пораженіи своихъ, Шереметевъ посылаетъ имъ въ помощь конныя полки Фонъ Вердена и Боура. Они слияшся нѣскольکو времени посчиташья съ непріятелемъ; но видя, что мѣна невыгодна для нихъ, со спыдомъ *ретируются*. »Тунъ надобно бы горячаго Князя Вадбольскаго« говоритъ Фонъ Верденъ своему поварищу, завернувшись въ епанчу и навостривая лыжи. Вадбольскій легокъ на поминъ, гдѣ спрашивающъ его долгъ и честь. Онъ лепитъ съ полкомъ на встрѣчу поржествующему непріятелю. Мундиръ и камзолъ его на распашку; по мохнатой груди его мошается серебряный крестъ. Онъ пышетъ отъ досады; слезы гошovy брызнушъ изъ глазъ. »Спой!«

* Баркляя-де-Толли.

кричишь онъ лвинымъ гололомъ, поровнявшись съ опспуающими полками: »кпо носишь креспъ, стой, говорю вамъ! или я велю душишь васъ, какъ басурмановъ.« Полки Фонъ Вердена и Боруа, безъ команды своихъ начальниковъ, оспанавливаются и оборачивають коней. »Съ креспомъ и молишвою за мною, друзья!« прибавляетъ Вадбольскій. Всѣ творятъ креспное знаменіе, и какъ будто оживленные благодашию, несущя за вождемъ, копорому никто не имѣетъ силы прошивишься. Вѣра сильна въ душахъ простыхъ. Непрїатель сдержанъ, и вскорѣ бой возстановленъ. Вадбольскій творишь чудеса и, какъ богатыри нашихъ сказокъ *»гдѣ махнетъ рукой, тамъ вырубаетъ улицу, гдѣ повернется съ лошадыю, тамъ площадь.«* Конница непрїательская опозорена имъ; но по, что онъ вынгрываетъ надъ нею, похищаетъ у него славная пѣхоша Шведская. И ему не устояшь, если не приспѣетъ помощь!...

Три часа уже Шведы побѣдители.

Въ это самое время пронесся голосъ въ рядахъ ихъ: »Назадъ! назадъ! главная армія Московшская идешь въ обходъ ошь Пекгофа.« Какое-то привидѣніе, высокое, страшное, окровавленное до ногъ, съ распущенными по плечамъ черными космами, на конхъ запеклась кровь, пронеслось тогда-жь по рядамъ на вороной лошади и вдругъ исчезло. Ужасное видѣніе! Слова его передающя ошь одного другому; вспоминающъ, что говорилъ Полковникъ Генераль-Вахшмейсперу объ охраненіи Пекгофской дороги — и страхъ, будшо съ неба насланный, распя ходишь по полкамъ. Конница Шведская колеблешся. »Назадъ!« раздающя въ ней сомни голосовъ: »Впередъ, брашцы!« кричишь Вадбольскій: »за насъ Господъ съ Его небесными силами.« Дюмонъ, очутившись подлѣ него, мѣняешся съ нимъ дружескимъ взглядомъ. Удары палаша Русскаго учащены. Конница Шведская показываешъ пыль и обращена въ совершенное бѣгство. Тщешно спарающя оба

Траушфештера* ободрить ихъ: слова не дѣйствуютъ. Нѣсколькимъ солдатамъ, оставшимся около нихъ и сохранившимъ еще присушествіе духа, приказываютъ они стрѣлять по бѣгущимъ: ничто не можешь остановить бѣгства. Окровавленное привидѣніе будто все еще гонитъ ихъ крикомъ: назадъ! Сами Офицеры собственными лошадьми увлечены за общимъ поспыднымъ стремленіемъ. Между тѣмъ завязался бой у пѣхоты Шведской съ прѣмья Русскими пѣхотными полками, пришедшими на мѣсто сраженія. Ими предводительствуютъ Лима, Айгустовъ и фонъ Швединъ. Лима указываетъ солдатамъ на Кропотова и Полуектова, испоптанныхъ лошадиными копытами.» Врагамъ не ругаться долѣе тѣлами нашихъ Полковниковъ!« кричитъ пѣхота Русская, и творитъ чудеса храбрости. Пѣхота Шведская беретъ надъ ней верхъ искусствомъ. Лима убитъ; Айгустовъ

* По Исторіи, это сдѣлалъ храбрый Лейтенантъ Цѣге.

тяжело ранень. Но сила Русская растешъ и растешъ, какъ воды Океана, въ приливъ идущія. Дѣйствіями ея управляешь уже самъ Фельдмаршалъ.

Вадбольскій близко Гуммельсгофской горы. Преслѣдованіе непріятели поручаетъ онъ Дюмону; самъ съ остатками своего полка смѣшивается. Жерла 20 пушекъ уставлены на его отрядъ и сыплютъ на него смерть. Вадбольскій невредимъ. »Дѣти!« воеклицаешь онъ своимъ: »видите знамена на этой Содомской горѣ? Они наши родныя; на нихъ лики Свяшыхъ заступниковъ нашихъ у престола Божія; имъ молились наши старики, дѣти, жены, опущая насъ въ походъ. Попустимъ ли псамъ ругаться надъ нами? Умремъ подъ святыми хоругвями или вырвемъ ихъ изъ поганыхъ рукъ, вынесемъ на свяшую Русь и поставимъ вмѣсто свѣчи во храмъ Божіемъ.« — Солдаты отвѣчаютъ ему: »Не владѣшь басурманамъ нашими Угодниками. Укажи намъ только, башюшка, Князь Василій Алек-

сѣвичь, куда идши.« — »За мной, дѣти, со крестомъ и молитвою!« кричитъ Вадбольскій, и вноситъ остатки своего полка на середину горы.

На ней, у разрушенной мельницы, стоитъ Шлиппенбахъ, мрачный и грустный: онъ самъ управляетъ артиллеріею, сею послѣднею нишью, на которой еще держится судьба сраженія. Въ защиту горы осталась рота, небывшая въ дѣлѣ; вся масса Шведскаго войска въ бою или въ бѣгствѣ. Близъ него Вольдемаръ. Перемена успѣховъ сражающихся опливается на лицѣ послѣдняго: по губы его мерзвѣютъ, холодный потъ выступаетъ на лбу его, и онъ, кажется, коченѣетъ; по щеки его пышутъ огнемъ, радость блистаетъ въ глазахъ и жизнь говоритъ въ каждомъ членѣ. Градъ пуль и каршечи, и въ слѣдъ за тѣмъ холодное оружіе встрѣчаютъ Вадбольскаго: ряды его рѣдѣютъ; онъ невредимъ. Голосъ его все еще раздается, какъ труба звончая. »Я поклялся Кропотову похоронить его здѣсь.

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, будешь его могла и моя, если меня убьютъ. Такъ ли, друзья?» — «Пускай всѣхъ пасъ положатъ съ побою, бабюшка! а что наше, того не опдадимъ живые» кричатъ солдаты. Въ жару схватки рукопашной онъ одинъ опшпнулся опъ своихъ; лейбшницы его убиты или переранены. Трое Шведовъ, одинъ за другимъ, нападають на него. Могучимъ ударомъ валишь опъ одного, какъ снопъ, другому зарубаешь вѣчную память на челѣ; но опъ шретьяго едва ли можешь оборониться. Потъ падаетъ съ лица его градомъ; мохнатая грудь орошена имъ такъ, что тяжелый крестъ липнешъ къ пей. »Дѣши!» восклицаетъ онъ съ усиліемъ: »кто любитъ свою родную землю, потъ подасъ мнѣ святое знамя, хошь умереть при немъ.«

Слова его долешають до Вольдемара: онъ оглядывается на знамена Русскія, дрожишь опъ испупленія чувствъ; съ жадностью выхватываетъ изъ ноженъ свой палашь, и смотритъ на него, какъ

бы хочешь увѣришься, что онъ въ его рукахъ. Глаза его накипають кровью. Шлиппенбахъ страшится сего дикаго, испуганнаго взора и отодвигается назадъ; но Вольдемару не до него. Онъ спрыгиваетъ съ лошади, бросаетъ ее, исторгаетъ изъ земли первое Русское знамя, неохраннымъ пикѣмъ (даже Шведскіе артиллеристы съ баушками принимаютъ участіе въ рукопашномъ боѣ), и въ нѣсколько мгновений ока переносится близъ сражающихся. Въ то самое время Вадбольскій падаетъ отъ изнеможенія силъ. Могучая рука Шведа уже на него занесена. Рука Вольдемара предупредила ее: Шведъ падаетъ мертвый. Русское знамя водружено въ землю и развѣвается надъ Княземъ Василиемъ Алексѣевичемъ. »Друзья, братья мои!« восклицаетъ Вольдемаръ: »со мною! Еще одинъ ударъ, и все наше!« Въ голосъ его, во взоръ, въ движеніяхъ не лзя ошибиться: во всемъ отзывается его родина. »Онъ Русскій! онъ нашъ!« говоритъ Вадбольскій ослабѣвшимъ голосомъ,

слясь приподнясь съ земли; смотришь на знамя со слезами радости, спавишись на колѣна и молишься. Въ эшопъ самой мигъ прибѣгаешь нѣсколько Русскихъ солдатъ. Еще не успѣлъ Вадбольскій ихъ остеречь, какъ одинъ изъ нихъ, видя Шведа съ Русскимъ знаменемъ и не видя ничего болѣе, на опмахъ ударяешь Вольдемара прикладомъ въ запылокъ. Вольдемаръ падаетъ; солдатъ хочешь довершишь шшыкомъ. Вадбольскій заслоняешь собою своего спасителя. Дѣти мои! нашъ онъ, нашъ, говорю вамъ! Что вы сдѣлали! кричишь Князь и, замѣшивъ, что въ несчастномъ осталась признаки жизни, ищешь чѣмъ возбудишь ее.

Сей мигъ есть мигъ рѣшительной побѣды Русскаго войска. На гору входить Карновъ съ Преображенцами; — бѣгутъ послѣдніе защитники ея; по лощинѣ бѣгутъ главныя силы Шведскія, поражаемая Шеремешевымъ. Съ холмовъ противнаго возвышенія, отъ стороны Пекгофа, Пашкуль встрѣчаетъ ихъ, съчешь,

загоняешь въ лѣса, вшапшываешь въ болоша и преслѣдуешь до самаго Гельмеша. Шлиппенбахъ, видя уничтоженіе своего корпуса, повѣряешь свое личное спасеніе лошади своей и первой попавшейся ему шропинкѣ. Распоряжашь уже нечѣмъ: пушки, знамена, свои и опияшья у непріятеля, ружья, барабаны, обозы — все покинуто въ добычу его. Крики шоржешва Русскихъ раздаются на высотѣ у разрушенной мельницы и въ долинь.

Грустный Вадбольскій споялъ надъ безчувственнымъ Вольдемаромъ, въ кругу офицеровъ и солдатъ; съ нѣжностію опца старался онъ оказашь ему возмѣжную помощь, развязалъ галстухъ, разстегнулъ его камзолъ. При эпомъ движеніи открылась у Вольдемара грудь и липый изъ червошнаго золота складень, осыпанный дорогими каменьями, ярко блеснулъ предъ глазами изумленныхъ зришелей. На главной доскѣ складня изображены были Великомученица Софія съ дочерми своими, на правой дверкѣ Василій Блаженный, а

на лѣвой Св. Благовѣрный Князь Влади-
миръ. Вадбольскій спѣшилъ задернуть во-
рошь рубашки, заспегнуть камзолъ на
шаннспвенномъ пезнакомцѣ, и шѣмъ за-
крышь богатый залогъ любви и вѣры
ошъ любопытныхъ глазъ полны. Воль-
демаръ наконецъ пришелъ въ себя. Уда-
ромъ приклада опшибена у него была
намяшь. Когда онъ оправился и спалъ
различашъ предметы, не мало востре-
вожился, увидѣвъ себя въ кругу Рус-
скихъ! Какимъ образомъ попался къ нимъ,
не могъ себѣ расшолковать. Наконецъ
мало помалу началъ припоминать себѣ
пронсшествія настоящаго дня. Привспавъ
съ земли, робко осязалъ онъ руку шо у
шого, шо у другаго изъ окружавшихъ
его, и пошунивъ взоры въ землю, дро-
жалъ, какъ пресшунникъ, пойманный на
мѣстѣ пресшунленія. Его ободряли, ла-
скали, спрашивали съ нѣжнымъ учасшiemъ,
кто онъ шакой, откуда родомъ, за чѣмъ
въ войскѣ Шведскомъ. Ошъ эшихъ вопро-
совъ, ошъ привѣша и ласки просшихъ

сердцеъ, хотѣлъ бы онъ бѣжать, хотѣлъ бы уйти въ землю. »Братцы! я Русской« .. Едва могъ онъ произнести, скидая съ себя Шведскій мундиръ и бросая его подъ ноги: »ради Бога не спрашивайте меня болѣе.« Вадбольскій спѣшилъ его обнять. »Ты спасъ меня отъ смерти: чѣмъ тебя возблагодарить?« говоритъ онъ ему. »Вспомнишь объ этомъ при случаѣ« отвѣчаетъ Вольдемаръ. Его хотѣвъ вести въ торжествѣ къ Фельд-маршалу. Онъ отговаривается, проситъ именемъ Господа опуститъ его, и наконецъ объявляетъ имъ, что не можешь явиться къ Шереметеву: — онъ злодѣй!

— Это мой братецъ, ребяташки! — закричалъ кто-то въ толпѣ, — и вдругъ передъ изумленными Русскими воинами явилась высокая женщина, окровавленная, съ распущенными на плечахъ черными волосами. »Съ нами крестная сила!« переговаривались солдаты, крестясь. — »Не бойтесь! это сестра Ильза« прибавили

другіе: »да тебя узнать нельзя!« — »Моя также нынѣ дралась за Русской. Не забудь Ильзы, когда ея не будешь,« сказала она печально. — »Мы помолимся за тебя, добрая сестрица!« раздалось нѣсколько голосовъ дружно и съ чувствомъ. — »Молись! да, много молись!« присовокупила она со вздохомъ, качая головой; но вдругъ, взглянувъ на Вольдемара, грозно вскричала: »отдай мнѣ брата!« и не дожидаясь отвѣта, раздвинула толпу и увлекла его за собою въ ближайшую рощу.

Долго, задумавшись, слѣдоваль за ними Вадбольскій глазами; припоминаль себѣ таинственнаго провожатаго къ Розенгофу, таинственнаго пѣвца, спасителя Лимы и Русскаго войска подъ Эррасшферомъ; соображалъ все это въ умѣ своемъ; хотѣль думать, что это одинъ и тотъ же человекъ, и что это не обыкновенный человекъ, хотя злодѣй, какъ онъ называль себя, достоинъ лучшаго сотоварищества, нежели Ильзино.

»Злодѣй? злодѣй? швердимъ про себя добрый Вадбольскій: »а не-любить его не могу. Кабы онъ былъ въ такой передрагѣ, какъ я нынѣ, ей ей вырвалъ бы его изъ бѣды, хотя бы мнѣ стоило жизни.«

— Солдашы переговаривали также промежь себя: »Хорошо, братцы, что мы его скоро оппустили. Пожалуй, разомъ налешълъ бы какой майшеръ: цапъ-царапъ подь военный аршпкуль, да и къ ручкѣ Томилы. Не посмотришь, что опнялъ Русское знамя у Шведа и спасъ нашего Князя. Ау, братцы!«

Ударили сборъ; полки построились въ лощинѣ у самой мызы. »Фельдмаршалъ, » проѣзжая оныя, изъявлялъ офицерамъ и » рядовымъ благодарность за ихъ усердіе » и храбрость, обнадеживалъ всѣхъ милосшю и наградою Царскаго Величества; шѣла же храбрыхъ Полковниковъ, » убишыхъ въ сраженіи: Никишы Иван. » Полуекшова, Семена Ив. Кроношова и » Юрѣя Сшен. Лимы, также офицеровъ

»и рядовыхъ, велѣлъ въ присушствіи
»своемъ предашь съ достойною честію
»погребенію*.»

Въ боковомъ кармапѣ мундира у По-
луекшова нашли завѣщаніе : оно было
опнесено къ Фельдмаршалу, а эпошъ
передалъ его Князю Вадбольскому, какъ
человѣку, ближайшему къ покойному за-
вѣщателю. Когда шайна Кропотова была
прочтена, Князь сильно упрекалъ себя,
что наканунѣ такъ безчеловѣчно смѣ-
ялся надъ его предчувствіями. Трудно
было изпоргнушь слезы у Вадбольска-
го; но теперь, прощаясь съ товари-
щемъ послѣднимъ цѣлованіемъ, онъ горь-
ко зарыдалъ.

Тѣла шрехъ храбрыхъ Полковниковъ,
убишыхъ въ Гуммельсгофскомъ сраженіи,
преданы землѣ на томъ самомъ мѣспѣ, ко-
торое завоевалъ для нихъ герой дня сего.

* Подлинныя слова изъ Дополн. къ Дѣян. Пе-
тра I. Кн. 6, стр. 13.

Мѣсто сіе тогда-жъ обдѣлано дерномъ;
на немъ поставлены камень и крестъ.
И донынѣ, посреди Гуммельсгофской горы
зеленѣеть холмъ, скрывающій благород-
ный прахъ; но камня и креста давно уже
нѣтъ на немъ.



Глава третья



Тоть же полдень въ другомъ видѣ.

*... И слабостми людскими
Не надобно пренебрегать;
Во время, въ пору нужно знати
Лишь пользоваться ими.*

Анонимъ.

Неподалеку ошь Гельмеша, за изгибомъ ручья Тарваста, въ уклонѣ берега его, лицомъ къ полдню, врыша была законченная хижина. Будшо крошь изъ поры своей, выглядывала она изъ-подъ дерна, служившаго ей крышею. Дѣпки деревъ, вкравшись корнями въ ея щели, уконопшили ее со всѣхъ споронъ. Трубы въ ней не было; выходомъ же дыму служили дверь и узкое окно. Большой камень лежалъ у хижины вмѣсто скамейки. Вблизи ея

сочился родникъ и спалзывалъ между камешковъ въ ручей Тарвасшъ.

Съ незапамятныхъ временъ хижина сія была родовымъ имѣніемъ нищеты, передававшей ее въ наслѣдство нищеты безъ судовъ, безъ актовъ и пошлинъ. Пынь принадлежала она бабкѣ Ганне, какъ звали ее въ округѣ по ремеслу ея; ибо не одна сотня людей вышла въ міръ сей черезъ ея руки. Но какъ въ міръ семь все подлежишь забвенію, еще болѣе человекъ, въ кошоромъ перестали имѣть нужду: то и Ганне, прежде жившая въ достаткѣ и всѣми уважаемая, пынь хилая, была забыта и кое-какъ перебивалась подаяніемъ. Въ обладаніи ея дворцомъ былъ половищикомъ мальчикъ, внукъ ея. Чшобы скорѣе ознакомить чипашеля съ этими лицами, скажемъ, что Ганне была одна изъ шарухъ, которыя въ роковой для Густава вечеръ поджидали своего посланнаго у вяза съ према соснами; — внукъ былъ рыжеволосый Марпышка.

На дворѣ чуть брезжилось, а въ хи-

жинѣ слышался уже говоръ. Дверь, распворенная наспешь ошь духопы, пропускала въ нее слабый свѣтъ занимавшагося ушра. Въ углу на кровати изъ нѣсколькихъ досокъ, положенныхъ на чешырехъ камняхъ и пересыпанныхъ излежавшешюся соломою сидѣла хозяйка. Безобразіе старости оказывалось на ней шеперь сильнѣе, пошому что шея, сморщенная, какъ подбородокъ индѣйскаго пѣшуха, была открыта. Въ другомъ углу, на соломѣ, посланной просто на землю, возился Маршышка: то ложился онъ, то вставалъ ошпашь, то сшда дремалъ. Глаза его были мушны ошь бессонницы; на лицѣ изображалось безпокойство. Старуха, заправляя подъ плашокъ хлопкш съдыхъ волосъ, бормотала сквозъ зубы ушрениюю молитву и между тѣмъ бросала сердштые взгляды на поварища.

— Аль ты меня съѣсть хочешь? сказалъ злой мальчикъ, передразнивая ее.

— Авшпа Гуммель! (Господи помилуй!) проворчала старуха: нелегкое держало

себя нынѣ въ замкѣ; цѣлую ночь на пролепть шатался.

— Чтобы тебѣ самой нелегкимъ поперхнуться! Развѣ ты не знаешь, что Московиты и Ташары будутъ нынѣ сюда?

— Ташары! Московиты!.. А намъ какая до нихъ забота? Чай, и имъ до насъ дѣла не будешь. Придутъ, да уйдутъ, какъ льдины въ полую воду. Въ избушкѣ нашей не поживаясь и выѣденымъ яйцомъ.

Злая насмѣшка выползла изъ сердца Маршына и взвилась въ глазахъ его. — Сказываютъ, перебилъ онъ съ коварною улыбкою, что Московиты, лакомые до красопокъ, увозятъ ихъ съ собою на свою сторону: берегись и ты, любушка! хе, хе, хе!

— Эхъ, Маршынъ! грѣхъ тебѣ ругаться надъ старостью: Господь не дастъ тебѣ долгаго вѣка. Пришибешь, ужъ пришибешь тебя и за то, что моришь меня съ голоду по цѣлымъ сушкамъ. (Старуха постучала сухимъ кулакомъ по доскѣ своей кровати.) Смотри, чтобы тво-

ихъ голубушекъ въ кубышкѣ не опыскали! Перекладывай съ мѣста на мѣсто, а врагу достанушя. (Мальчикъ задумался.) Сама не возьму, не припронусь; а укажу, укажу... чшобъ убилъ меня дѣдушка Перкунъ*, коли я лгу!...

У мальчика глаза разгорѣлись и запрыгали. Онъ вскочилъ съ земли, схватилъ лежавшій подлѣ него булыжникъ и, поднявъ руку на спаруху, закричалъ: — Попытайся, попытайся-ка! шущь тебѣ и духъ вонь!

— Чшо ты дѣлаешь, проклятое сѣмя? вскричала женщина, вошедшая въ избу такъ тихо, какъ шѣнь вечерняя.

Взглянувъ на пришедшую, мальчикъ обомлѣлъ и выпустилъ камень изъ рукъ.

* Перкунъ, Славянскій богъ—Перунъ, котораго и шеперь Лашыши не рѣдко поминаюшъ. „Дѣдушка Перкунъ сердитсѣ, Перкунъ спучишъ“ говоряшъ они, слыша громъ.

— Ты это, Елисавета Трейманъ? спросила старушка съ радостнымъ лицомъ. Голосъ-ахъ твой слышу, а глазами плохо тебя смѣкаю.

— Я, бабка Ганне! отвѣчала Ильза, поцѣловавъ старушку въ лобъ, села возле нея на кровать, развязала кофточку, бывшую у ней за плечами, и вынула кадучечку съ масломъ, мягкій ржаный хлѣбъ и буылку съ водкой. — Возьми тебѣ и гостинецъ, отвесить душку.

Старушка дрожащими изсохшими руками схватилась за подарки, не зная, за которой прежде приняться; потомъ бросилась-было цѣловать руку у маркишанши.

— Ну, что новаго, бабка Ганне? продолжала Ильза, опираясь у ней руку.

— Новаго, новаго, мать моя? Дай Господи мнѣ память! сказала голодная старуха, вынувъ съ трудомъ изъ спѣсны заржавленный ножъ и подавъ его маркишаншѣ, чинюбы она опрѣзала ей хлѣба.

— Да, у скопника въ Небо опелилась корова бычкомъ о двухъ головахъ.

— Э, бабка, это случилось въ запрошломъ лѣтѣ.

— А мнѣ кажись, въ прошломъ мѣсяцѣ. Ахти, мать моя, какъ времячко-то летишь! Поспой же, вошь тебѣ новинка горяченькая. Знаешь дѣвку Лельку, что на краю деревни живешь?

— Знаю; ну чтожъ?

Прислонившись къ уху гостыни, старушка шопотомъ проговорила: — Къ ней лезаешь по почамъ огненный змѣй. . .

Ильза махнула рукой въ знакъ неперпѣнія и обратилась къ мальчику, все еще неподвижно споявшему на одномъ мѣсшѣ, какъ будто пригвожденъ къ нему былъ суровымъ взоромъ мапери. — Къ тебѣ, сынокъ Баронскій, чай, вѣспи ползущъ свыше? Что слышно въ вашихъ краяхъ?

Пріосамаясь, отвѣчала Маршынъ: — По крѣпкому наказу швоему подбираешь все, что проспачки роняютъ, я наполнилъ тебѣ со вчерашняго дня мѣшочекъ вѣспей. Придумай сама, на что онѣ тебѣ годятся.

— Развязывай, малый, да смотри, ни одной нечистой порошинки!

— Вошь видишь: вчера, когда Бароны съ кучерами высвободили своих лошадей изъ пудовъ, въ которые мы съ дядею Фрицомъ ихъ загнали; когда двуногіе гости Баронессины ускакали на чешвероногихъ, поднялась въ замкѣ пыль столбомъ. Выкопали изъ кладовыхъ заржавленные пушки, вычистили ихъ песочкомъ, расшавили въ развалинахъ, прошивъ господскаго дома, прошивъ дороги въ Гуммель, роздали дворовымъ и крестьянамъ ружья, пистолепы, кинжалы, большія, большія шпаги, которыя только двумъ съ трудомъ поднять. Баронесса говорила имъ, Богъ вѣсть что, о Королѣ, о любви къ опечесиву, о преданности къ господскому дому; а новобранные вмѣсто всего этого требовали вина. Правду сказать, многіе сдѣлали побоище прежде настоящаго сраженія, такъ что вынуждены были отобрать у нихъ оружія и съ трудомъ могли унять ихъ во-

пнскій жаръ. Ворошились въ Гельмешь многіе студены и дворяне, какъ будто для того, чтобы опорожнить недопитуемую бутылку, и вызвались защищать его, пока голова будетъ держаться на плечахъ. Съ вечера разставили часовыхъ по всѣмъ дорогамъ: шеперь и мышонку не пробѣжать въ замокъ. Слышишь, какъ мяучашь они, словно чортъ ихъ давишь? Давай-ка, думалъ я, обманемъ этихъ драбаншовъ, какъ обмануль Красный носъ маленькаго Шведскаго Генерала, которому и опъ меня доспалась порядочная закуска; посмотримъ, что дѣлается въ крѣпости. Было близко къ часу духовъ: крики спановились рѣже. Поползъ я на брюхѣ оврагомъ, кустами, черезъ лазейку подъ ограду, и очутился въ синели, у Амшманова окошка. Ни одна бѣшеная собака меня не примѣшила. Вижу, окно раскрыто и огонекъ свѣшпшь. Слышу и голосъ Амшмана. — «Благодарю, сказалъ онъ, за госпинець: только напрасно, право напрасно убытчились. Впередъ, смотрите, этого

не дѣлайте. « А я себѣ на усъ: гдѣ заказываютъ, да принимаютъ, шамъ примушь и въ другой разъ.

— Полно орѣхи щелкашь; рассказывай дѣло, сказала сердито Ильза.

Маршынъ, замѣня, что шуточками не угодишь мащери, продолжалъ просто: — »Вотъ видите, говорилъ Амшманъ, такихъ добрыхъ госпожъ, какъ паша Баронесса, подъ землю искашь надобно. Она прощаешь вамъ вашу глупость, принимаетъ васъ къ себѣ въ верховые, по прежнему, и позволяешь малому женишься на своей дочери, лишь бы вы ей сослужили теперь службу.« Потомъ спалъ онъ говорилъ что-то шепотомъ такъ, что мнѣ разслушать не лзя было. — »Ради за нее голову положить!« отвѣчали два голоса. Голоса были знакомые, а чьи—вдругъ разобравъ я не могъ. Немного погодя, застучали ключами и вышли изъ дому съ фонаремъ Амшманъ, да — кто еще? Какъ бы ты смѣкала? — Сопникъ, бывший ка-

спеланъ Гошлибъ и товарищъ его, па-
спухъ Арнольдъ.

— Можешь ли спашься? ихъ ли ты
видѣлъ?

— Ихъ, или людей во плоти и образѣ
Гошлиба и Арнольда. Я самъ диву дался.
Пошли они по дорожкѣ, прямо къ кладо-
вой, что въ саду. Прыгъ, прыгъ и я за
ними между кустами. Ошперли кладо-
вую и выкапчили ошшуда нѣсколько бочен-
ковъ. »Поосторожиѣе съ огнемъ!« гово-
рилъ Амшманъ.

— Съ огнемъ? вскричала Ильза, вдох-
новенная необыкновенною догадкой. Это
были навѣрно бочки съ порохомъ. Зло-
дѣйка! Она хочетъ подорвать Папкуля,
Шереметева, Русскихъ! Нѣтъ, этому не
бывашь, не бывашь, говорю... пока въ
Елисаветѣ Трейманъ есть капля крови
для мщенія, пока блаженствуетъ Ринген-
скій Асмодей.

— Что съ малымъ сдѣлалось? сказала
старуха: не дурману ли онъ объѣлся, что
выпучилъ шакъ бѣлки свои?

Въ самомъ дѣлѣ Маршынъ повелъ во-
кругъ себя дикими глазами и, повспоривъ
раза два: подорвашь! подорвашь! бросил-
ся вонь изъ двери.

Съ бѣшенствомъ посмогрѣла марки-
паншша въ слѣдъ сыну; но слѣдъ его уже
проспыль. »Негодяй!» думала она: »вѣр-
но, боишся, чшобы вмѣстѣ съ замкомъ не
взлетѣли на воздухъ любезныя денежки
его. Иначе не можешь бышь! или онъ не
сынъ отца своего.« Догадываясь также,
чшо Пашкулю предспоишъ въ Гельмешъ
опасность, если побѣда скажешся за Рус-
скихъ, и онъ явишся къ Баронессѣ въ слѣд-
ствіе общаія своего, Ильза оцупню
хвашалась за разные способы помочь этой
бѣдѣ. Большая часть средствъ по об-
спояпельспвамъ не годилась. Думашь, да
гадашь, и наконецъ она придумала: не
теряя времени, опсправишся съ бабкою
Ганною въ замокъ, опскуда ей кспаша на-
добно было выпроводишъ слѣнца и до-
спавишъ его къ Вольдемару, и гдѣ надѣ-
ялась подробнѣе развѣдашъ о замыслахъ

Баронессы черезъ Аделаиду Горигаузенъ, которой она некогда предсказывала суженаго. Какъ рассчитано, такъ и сдѣлано.

Гарнизонъ Гельмешскій былъ въ распихъ заспигнутъ нашими посѣпшительницами. Начальники и солдаты, вѣрояпно послѣ сильного ночнаго сопротивленія Морфею, заключили съ нимъ перемиріе: пушкарн исправно храпѣли у своихъ орудій; спражи въ опводныхъ пикетахъ около замка зѣвая перекликались, и караульный у подъемнаго моста, черезъ которой надобно было проходить двумъ подругамъ, Чухонецъ лѣтъ двадцати, обнявъ крѣпко мушкетъ и испуспивъ глубокій вздохъ вмѣсто оклика, только-что хотѣлъ снтя прислоннться къ периламъ, чтобы въ объясняхъ сна забытъ все мірское, какъ почувспвовалъ ударъ по рукъ. Это былъ камешекъ, искусно брошенный Ильзою съ проспивнаго берега. Чухонецъ вспрепенулся, изловнлъ падавшій изъ рукъ мушкетъ, привспалъ готовнлся взбударажнтъ весь спрашный

Гельмешскій гарнизонъ; по Ганне успѣла опвесить тревогу вопросомъ, нѣжно произнесеннымъ: *Юрри, Юрри! iоксѵ ма тулленѵ**?

Названный по имени и слыша родныя слова, караульный ободрился, прошеръ себя глаза и, выглядѣвъ, опъ кого шло воззваніе, пропаяно опвѣчалъ, усмѣхаясь: *Арра тулле, эллакенне!* (нѣшь, милочка, не приходи). *Мы* сердиты: голова болить съ похмѣлья; ещо-жь на караулѣ, и за себя не ручаемся, чтобы не прожгли васъ обѣихъ однимъ поцѣлуемъ эптого дурачка (опъ показалъ на мушкетъ). Булшыхъ, бабка, въ воду козьими ногами вверхъ; спупай принимашь дѣшокъ у водяныхъ рожениць.

— Что ты, Юргень, душечка, въ умѣ ли? сказала старуха нѣжнымъ голосомъ, вынувъ изъ-за пазухи бушылку съ водкою и показавъ ее Чухонцу. — Голова болить? полечимъ.

* Начало Чухонской пѣсни: Юргень, Юргень, не пора ли мнѣ къ шебѣ?

— Оно такъ бы; чего лучше? пробор-
мошаль караульный, почесывая себѣ го-
лову: да кто съ побой?

— Я иду принимать... смѣкаешь? А
эта у меня школьница.

Убѣжденный Чухонецъ опустили мостъ.
Разумѣется, что Харопу за пропускъ за-
плачено нѣсколькими добрыми глотками
водки и сполькожь обѣщано на возвраш-
номъ пуши. Подруги очутились за угломъ
господскаго двора, у перваго окошка въ
садъ. Оно отворено. Все тихо. Только
неугомонный сверчокъ, на зло власполю-
ливой Баронессѣ, пѣшился, распѣвая бар-
ски въ ея палапахъ. Старушка легонько
поспучалась въ раму разъ, два и при;
на спукъ сей выглянула изъ окна горни-
чная Аделаиды. Переговорщицы были въ
связяхъ, и переговоры не длились. Помѣ-
шанная на гаданяхъ и волшебствѣ, дѣва
была виѣ себя, услышавъ, что Ганне при-
вела къ ней ту самую ворожею, кошо-
рая за годъ тому назадъ обѣщала ей су-
женаго богатаго, знатнаго, пригожаго,

полюко-что не съ крымышками, и шеперь, опсправляясь за придевять земель, мимоходомъ принесла ей вѣсти, по приказанію благодѣтельной волшебницы, объ ея суженомъ Оберстѣ. Пудрамантъ кое-какъ накинулъ на плеча, и посланница Феи съ своею подругою осторожно впущены заднимъ крыльцомъ въ спальню Аделаиды.

Ильза, вошедши въ комнату, простерла сухощавую руку надъ головой Аделаиды, наклонившейся въ глубокомъ смиреніи, и не зная, какое приличное варварское имя дать волшебницѣ, нашлась однакожь слѣдующимъ образомъ. — » Илья Муромецъ, сказала она, моя повелительница, живущая въ Карелии, прислала меня сюда изъ особеннаго благоволенія къ тебѣ. Слушай. Русскіе будутъ нынѣ или завтра въ Гельмешѣ. Но не спрашисъ и не огорчайся: судьба сего замка совершается, но вмѣстѣ съ эшимъ должно совершиться швоему счастью. Такъ положено въ совѣтѣ высшемъ. Въ Русскомъ войскѣ

при Фельдмаршалѣ Шереметевѣ находившя братель мой повелительницы, столѣтній карла. Какъ скоро онъ явится въ замокъ, улови его, хватай, не выпускай изъ рукъ, щекочи и не давай ему покоя. Знай: онъ по злобѣ своей заперъ твое благополучіе. Измученный тобою, онъ долженъ будешь привести сюда твоего суженаго, Оберста. . . Оберста Балпазара фонъ Вердена, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣлъ тебя во снѣ, умираешь отъ любви по тебе, спростуешь вездѣ, чтобы тебя отыскашь; сражаешься, проливаешь кровь и бѣдствуешь, лишь бы получишь руку и сердце твое. Полюби его: вы оба созданы другъ для друга. Да будешь союзъ вашъ счастливъ! Этого жемаетъ моя высокая повелительница. Въ удостовѣреніе своихъ словъ, Ильза взяла изъ рукъ старухи бѣлый посохъ, вынула уголь изъ кармана, положила его къ себѣ на голову и, очертя посохомъ кругъ по воздуху, произнесла таинственнымъ, гробовымъ голосомъ: »Клянусь въ испи-

нѣ словъ вами, духи невидимые! Если не сбудуся, пусть клятва моя поразишь мое тѣло и душу и родъ мой по девятое кольцо; пускай почернѣешь и исплѣешь, какъ уголь, эшошь посохъ, я и ушроба моя.» Аделаида знала, что въ простонародіи нѣтъ ужаснѣе этой клятвы, внимала ей, дрожа какъ въ лихорадкѣ, вѣрила обѣщанію, но еще болѣе вѣрила своему сердцу.

Въ награду за добрую вѣсть требовала Ильза: вопервыхъ послать горничную немедленно опыскашь пущь въ спальню Бира, опкуда вызвать слѣпца именемъ волшебницы Ильи Муромца и сказать ему, что сестра Ильза ждетъ его у вяза съ шрема соснами; вовторыхъ дать ей перо, чернилицу и бумагу, и впредѣхъ, прежде свиданія съ карлою, вручить по принадлежности письмо, которое напишетъ она Генералу Папкулю, начальнику фонъ Вердена. Легковѣрная дѣвушка должна была клясться хранить тайну.

Въ исполненіе сего требованія всего труднѣе было выучить имя, конечно Халдейское или Арабское, Ильи Муромца. Затрудненіе сіе наконецъ преодолено, и немедленно приступлено къ вызову слѣнца. Между тѣмъ Ильза употребила всю хитрость свою, чтобы вывѣдать, какія были намѣренія Баронессы въ случаѣ, если Русскіе придутъ въ Гельмешъ. «Она хочетъ защищать Гельмешъ — сказала Аделаида — но въ случаѣ неудачи остаётся дома, чтобы принять и угостить побѣдителя.» — «Но за чѣмъ же» спросила Ильза, «рѣшась на послѣднее, назначать ему заранее кварширу на висѣлицѣ? Хорошее угощеніе послѣ такого приѣма не поможетъ.» — «Я ей сдѣлала поже эпопѣ вопросъ, и по намекамъ ея догадалась, что висѣлица есть дипломатическая ловушка; что по ней увидятъ только глупую месь женщину, а по защитѣ Гельмеша духъ геройскій въ шлѣ женскомъ; но что всю ее, Лифляндку Зегевольдъ, узнаютъ по слѣдствіямъ.» Хитрость за

хитрость. Время покажетъ, кто кого побѣдитъ.» Вотъ слова Г-жи Баронессы, какъ я ихъ слышала; а что онѣ значатъ... — »Все, все мнѣ извѣстно до подноготной — перебила хитрая маркишанша: я хотѣла только испытать тебя, дочь моя. Еще одинъ вопросъ. За нѣсколько десятковъ миль отсюда слышала я вчера вечеромъ, что дочь кашелана Лоша выходитъ за мужъ?« — »И послѣ этого« вскричала Аделаида, смотря на свою гостью съ особеннымъ уваженіемъ: »послѣ этого придуть мнѣ сказать, что нѣтъ людей, награжденныхъ чудеснымъ даромъ предвѣдѣнія! Только вчера вечеромъ объявлена намъ эта неожиданная новость, и ты въ то-же время провѣдала о ней?« — »О! мы знаемъ многое, что еще впереди« таинственно произнесла Ильза, и принялась писать на лоскуткѣ бумаги Нѣмецкими буквами по Русски посланіе такого рода: »Любезнѣйшій мой кашадинъ Фишерлингъ! здѣсь недобре швой, боченокъ порохъ подѣ

домъ, и ты умерешь. Вельшь швой пой-
 машь молодой, нынче женишь, и опецъ
 дѣвки. Смопрѣшь, о! смопрѣшь все: боя-
 рыня недобре швой. Здѣсь въ замокъ дѣ-
 вка Аделаида письмо это опдашь: очень
 хочешся за-мужъ. Послашь швой карла
 Борисъ Пешровичъ. Мой сказалъ: спо-
 льшь карла, сыскашь ей женихъ богашъ,
 Полковникъ фонъ Верденъ. Пожалуй, хо-
 рошенько женишь. — Вѣрная Ильза.»

— Опдай эту записку, чшобы никто
 не видѣль, примолвила она: и помни, что
 швое благополучіе зависишь опъ вѣрна-
 го и благоразумнаго исполненія моего
 порученія. Будь счастлива. — Съ послед-
 нимъ словомъ Ильза важно просперла
 длинную, сухощавую руку надъ головою
 правнучки 7-го Лифляндскаго Гермей-
 стера, махнула Ганне, чшобы она за нею
 слѣдовала и, обернувшись въ хитокъ свой,
 спѣшила къ мѣсту свиданія, назначенному
 для слѣнца. Самъ Биръ проводилъ Конра-
 да изъ Торнео, и сдалъ его маркишанш-
 шѣ съ рукъ на руки.

Какъ покорное дитя, старецъ шель всегда, куда его только звали именемъ друга. Пыль, пушепроводимый своею Анпигоною, онъ ускорялъ шаги; ибо каждый шагъ приближалъ его къ единственному любимцу его сердца. Сначала все было тихо вокругъ ихъ. Вдругъ шумъ, подобный тому, когда огромная стая птицъ лепитъ на ночлегъ, прорѣзала воздухъ. — «Что такое?» спросилъ слѣпецъ. — «Вдали къ Гуммелю мчится эскадронъ Шведскій» отвѣчала Ильза. Опять все утихло, и опять черезъ нѣсколько времени послышался какъ бы подземный громъ, глухо прокатившійся. — «Это что такое?» спросилъ слѣпецъ. — «Туда-жъ несутся пушки Шведскія» отвѣчала Ильза. Снова нашла свяшая тишина, какъ въ храмъ, гдѣ давно кончилось богослуженіе — и вдругъ раздался въ отдаленіи первый ударъ пушки. «Война! битва!» произнесъ Конрадъ съ глубокимъ вздохомъ, шоропаясь впередъ. — «Война! битва!» повторила его спутница съ дикимъ удовольствіемъ:

»пустишь дерущся, рѣжущся; пусть сосушь другъ у друга кровь! и я потѣшусь на эпомъ пиру, и я напьюсь крови...« Спарецъ, казалось, не слышалъ сихъ словъ; безпокойство надвинуло тѣнь на лице его. — »Гдѣ-то шеперь мой Вольдемаръ?« сказалъ онъ, покачавъ головой. »Дни его начинаютъ быть бурны. Онъ чаще покидаешь меня.«—»Онъ у своего мѣста; мы къ нему идемъ« отвѣчала Ильза. »Работай, другъ! и я для тебя довольно поработала! Пора и награду!.. Мнѣ Рингенъ, погибель злодѣя, его спраданія; Вольдемару...« — »Не оправляй устами порочными свяшой награды моего друга« перебилъ Конрадъ: »не прикасайся къ чистому вѣнку его рукою, оскверненною злодѣянїями. Ильза! ты не имѣла никогда родины.« Хохошъ былъ отвѣтомъ ея; будто отголоски нечистаго духа, онъ раздробился въ рошѣ, по коей они шли. Сильная стрѣльба покрыла сей адскїй хохошъ.

Вскорѣ поравнялись они съ Гуммельс-

гофскою горою, надъ копорою качалось облако пороховаго дыму. Обошедъ ее, пушники остановились въ одной изъ ближайшихъ къ ней рощей, откуда можно было видѣть все, что происходило въ лоцищѣ. »Боже!« вскрикнула Ильза голосомъ опчаянiя, пропянувъ шею: »они бѣгутъ!« — »Кто?« спросилъ съ превознымъ духомъ слѣпецъ. — »Русскiе бѣгутъ! нѣтъ спасенiя!« продолжала Ильза, ломая себѣ руки. »Злодѣй будешь торжесш-вовать! злодѣй заочно насмѣхся надо мной!.. Оставайся ты, слѣпецъ, одинъ: меня оставило же Провидѣнiе! Что мнѣ до бѣдспвiй чужихъ? Я въ няньки не занималась къ тебѣ. Иду — буду сама дѣйств-вовать! на что мнѣ помощь Русскихъ, Пашкуля; на что мнѣ умолять безжалоспную Судьбу? Она пошакаетъ злодѣямъ. Да, ей весело, любо!..« Глаза Ильзы ужасно прыгали; опчаянiе перехватывало ея слова. Не слушая молений спарца, она бросилась къ Гуммельсгофской горѣ, цѣликомъ, сквозь шерновые

кусмы, но оспрймъ камнямъ. — »Ильза, Ильза! гдѣ ты?« вопрошалъ жалобно слѣпецъ, лоя въ воздухѣ предметъ, на которой могъ бы опереться. »Никто не внимаеиъ мнѣ: я одинъ въ пустынѣ. Одинъ?.. а Господь Богъ мой?.. Онъ со мной и меня не покинетъ!« продолжалъ Конрадъ, и преклонивъ голову на грудь, погрузился въ моленіе.

Ильза явилась на горѣ, въ изодранной одеждѣ, вся изцарапанная и израненная шиповникомъ, безъ повязки, съ распрепанными по плечамъ волосами — прямо у боку Вольдемара. Дорогою бѣшенство ея нѣсколько поутихло. »Вольдемаръ!« сказала она голосомъ, котораго, казалось, выходилъ изъ могилы: »мы погибаемъ!« Вольдемаръ и безъ того былъ блѣденъ, какъ смерть; слова, подлѣ него произнесенныя, заставили его запрепешать. Съ ужасомъ оглянулся онъ, и окаменѣлъ, увидѣвъ маркизаншшу. — »Что это за женщина?« спросилъ Шлиппенбахъ, замѣшивъ ее. — »Сумасшедшая Чухонская дѣвка. Я

съ нею скоро справлюсь» отвѣчалъ Вольдемаръ, поворотивъ свою лошадь и махнулъ Ильзѣ, чѣмобъ она за нимъ слѣдовала. Долго думалъ онъ, что предпринять, отвѣдая ее за мельницу, откуда не могли они быть видимы Генераль-Вахшмейстеромъ. Счастливая мысль блеснула наконецъ въ его головѣ. — «Не спрашиваю, откуда ты, въ такомъ видѣ» сказалъ онъ маркишаншицѣ: «довольно; мы погибаемъ; но ты можешь спасти Русскихъ, меня и себя.» — «Спаси?.. говори, что нужно сдѣлать. Вели идти прямо въ огонь, и ты меня тамъ увидишь. Миѣ все равно умирать. Буду убитъ, ты опмспишь за меня. Клянись всѣмъ, что для тебя дорого, ты опмспишь тогда.» — «Клянусь.» — Приказывай. — «Видишь, конь не имѣешь сѣдока: излови его и леши на немъ прямо въ ряды Шведскіе, промчись только мимо ихъ, какъ духъ, и пронеси вѣсть, что главная армія Русскихъ идетъ въ обходъ отъ Пекгофа.»

Ильза на конѣ; она мчится, какъ вихрь,

въ пылъ самой битвы; она съелъ ужасную вѣсть по рядамъ Шведскимъ. Мы видѣли, какое дѣйствіе произвела между ними вѣсть сія. Вдали на пропивномъ возвышеніи Ильза свидѣтельница пораженія Шведовъ. Рингенъ и мечь опять въ сердцѣ ея; опять зажглись ея черныя очи адскою радостію. Въ торжествѣ она забываетъ свои раны; по вспоминаетъ о слѣпцѣ, котораго оставила одного. — Лошади бѣгущихъ и поражающихъ могутъ истоптать его! — думаетъ она; скачешь обратно на Гуммельсгофскую гору, бросаешь свою лошадь и, какъ мы также видѣли, вырываетъ Вольдемара изъ толпы Русскихъ, его обступившей.

Свиданіе послѣдняго со слѣпцомъ было самое радостное. Міръ, опустѣвшій для Конрада, снова наполнился и оживился. Всѣ шрое принесли благодареніе Вышнему, каждый опъ души, болѣе или менѣе чистой. Вольдемаръ по погружался въ сладкія думы, положивъ голову на колѣна слѣпца, который въ это время изсох-

шими руками игралъ въ его кудряхъ; шо вспавалъ, съ восторгомъ прислушиваясь къ опголоскамъ торжешественныхъ звуковъ Русскихъ; шо изъяснялъ свою благодарность Ильзѣ. Казалось, онъ въ сіи минуты блаженства хотѣлъ бы весь міръ прижать къ своему сердцу, какъ друга.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, музыканты поплелись по направлеію къ Менцену; Ильза сопутешествовала имъ до Сооргофскаго лѣса, гдѣ она оставляла свою походную шѣлежку у шамошняго угольника.



Глава четвертая



КОМЕДІЯ И ТРАГЕДІЯ.

СПОРКИНА.

Ахъ! я охотница большая до Комедій.

СВАХИНА.

А я до жалкихъ Драмъ.

ЧВАНОВА.

А я такъ до Трагедій.

Ком. Гов. — Хмельницкій.

Не стану описаніемъ осады Гельмеша упомянуть чинашеля. Скажу только, что крестьяне-воины, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, разбѣжались; но Баронесса Зегевольдъ и оба Траушфешшера съ нѣсколькими десятками Лпфляндскихъ офицеровъ, помѣщиковъ и студеновъ и едва

ли съ тысячью солдатъ, привлеченныхъ къ послѣднему оставшемуся знамени, все сдѣлали, что могли только честь, мужество, искусство и, прибавить надобно, любовь двухъ братьевъ-соперниковъ. Между тѣмъ, какъ женщины, собравшись въ одну комнату, наполняли ее стenanіями, или въ немомъ опчаяніи молились, ожидая ежеминутно конца жизни; между тѣмъ, какъ Биръ подъ свистомъ пуль переносилъ въ пещеру свой кабинетъ Натуральной Исторіи, своихъ Грековъ и Римлянъ, и Амшманъ Шнурбаухъ выводилъ экипажи за садъ къ водяной мельницѣ, Баронесса въ Amazonскомъ платьѣ старалась всѣмъ распорядиться, вездѣ присутствовала и всѣхъ ободряла. Наконецъ, видя невозможность сопротивляться отряду Паткуля и спрашась не за себя — за честь и жизнь своей дочери, она рѣшилась отправить Луизу подъ защитою ея жениха. Русскіе съ ужаснымъ крикомъ перелезали черезъ палисады, окружавшіе замокъ. Одинъ изъ студентовъ,

преданныхъ дому Зегевольдовъ, посланъ былъ въ ряды сражавшихся для вызова Адольфа и вмѣстѣ для переговоровъ съ начальникомъ Русскимъ о сдачѣ замка на шакихъ условіяхъ, чтобы позволено было дочери Баронессинной выѣхать изъ него безопасно, сама же владѣтельница онаго предавалась великодушію побѣдителя.

Предводитель осаждающихъ на сихъ условіяхъ приказалъ остановить наступательныя дѣйствія и не занимать дороги къ Пернову. — «Иди, спасай Луизу, пока еще время» кричалъ Густавъ своему брату, сплачивая у главнаго входа въ замокъ крѣпкую ограду изъ оставшихся при немъ солдатъ: «спасай свою невесту.» — «Пускай бѣгутъ женщины!» возразилъ съ швердосію Адольфъ. «Мое мѣсто здѣсь, возлѣ тебя, пока смерть не выбила оружія изъ рукъ нашихъ.» — «Видишь, что все потеряно.» — Все, милый Густавъ! Что скажешь объ насъ Король? — «Король скажетъ, что Лифляндцы сражались за него честно до послѣдней воз-

возможности. Но Луиза?.. но... твоя невеста? Дай ей, по крайней мѣрѣ, знать, чтобы она бѣжала.« — »Сдѣлай это ты.« — »Когда бы могъ! Тебя требуютъ. Слышишь? крикъ женщины!.. Это она. Ради Бога, бѣги, спасай ее. Развѣ ты хочешь, чтобы Ташары наложили на нее руки?« Въ самомъ дѣлѣ послышался крикъ женщины: нѣсколько Русскихъ солдатъ всунули уже головы въ окошки дома и вглядывались, какую добычею выгодые воспользоваться. Адольфъ, забывъ все на свѣтѣ, поспѣшилъ, куда его призывали. Баронессу заспалъ онъ на терасѣ: Луизу полумертвую несли на рукахъ служители. — »Спаси дочь мою!« закричала Баронесса Адольфу умоляющимъ голосомъ: »поручаю ее тебѣ, сдаю на твои руки, какъ будущую твою супругу. Не оставь ее; — можешь бытъ, завтра у ней не спанешь матери.« Луиза открыла глаза. »Вошь тебѣ мужъ« продолжала Зегевольдъ, поцѣловавъ съ нежностію дочь. »Люби его, и будь счастлива. Благословляю васъ

теперь на эшомъ мѣспѣ, какъ бы я благословила васъ въ храмъ Бога живаго.» Луиза, пришедъ въ себя, хошѣла говорить — не могла. . . казалось, искала кого-то глазами, рыдая бросилась на грудь махери, пошомъ на руки Бира, и увлеченная имъ и Адольфомъ, опнесена черезъ садъ къ мельничной площадкѣ, гдѣ ожидала ихъ кареша, запряженная чепырьмя бойкими лошадьми. Кое-какъ посадили въ нее Луизу; Адольфъ и Биръ сѣли по бокамъ ея. Экипажъ помчался по дорогѣ къ Пернову: онъ долженъ былъ, гдѣ окажется возможность, поворошить на Рингенъ, близъ коего Баронесса имѣла мызу.

Между шѣмъ у главнаго входа въ замокъ началось вновь сраженіе. Не смотря на то, что Баронесса махала изъ окна плашкомъ, давая знать, чшобы прекратили неровный бой, и приказала выставить надъ домомъ флагъ въ знакъ покорности, Гуславъ не хошѣлъ никого слушаться, не сдавался въ пленъ съ ничтожнымъ опрядомъ своимъ и, казалось, искалъ смер-

ши. Раненый въ плечо и ногу, онъ не чувствовалъ боли. Почти всѣ товарищи его пали или сдались. Наконецъ онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ Русскими, которые, какъ замѣтно было, старались взять его въ плѣнь, сберегая его жизнь. Командовавшій ими офицеръ пробрался къ нему съ словами любви и мира. Густавъ ничему не внималъ: опчаяннымъ ударомъ палаша выбилъ онъ шпагу изъ рукъ послѣдняго, худо приготовившагося. »Густавъ!« закричалъ Русскій офицеръ: »именемъ Луизы остановись. (Будто околдованный сими словами, Густавъ опустилъ руку.) Видишь храбрые твои товарищи сдаются въ плѣнь.« — »Именемъ ея бери и меня,« вскричалъ Густавъ, бросивъ свой палашъ. »Не спрашиваю, кто ты: что мнѣ нужды до того! Ты долженъ быть Пашкуль; но я не Пашкулю сдаюсь! Теперь влечи меня за собою въ Московію, на край свѣта, куда хочешь: я твой плѣнникъ, твой рабъ!«

Пашкуль спѣшилъ его успокоить, сколь-

ко позволяли обстоятельства, и зналъ, какъ тяжело было-бы несчастному Густаву оставаться въ Гельмешъ, велѣлъ отправить его подъ вѣрнымъ прикрытіемъ на мызу Г-на Блуменшроста, гдѣ онъ могъ найдти утѣшеніе добрыхъ людей и попеченіе хорошаго Медика. Самъ же отправился къ Баронессѣ, чтобы по формѣ принять изъ собственныхъ рукъ ея ключи Гельмеша. »Вы приготоновили мнѣ кварширу слишкомъ высоко и слишкомъ воздушную; признаюсь вамъ, боюсь головокруженія« сказалъ Пашкуль дипломаткѣ, вступивъ съ многочисленною свитскою въ комнату, гдѣ она ожидала его. »Но я не пришелъ мстить вамъ за вашу насмѣшку; я пришелъ только выполнить слово Русскаго Генерала, назначившаго въ вашемъ домѣ свою кварширу на нынѣшній и завтрашній день, и еще« — прибавилъ онъ съ усмѣшкою — »выполнишь обѣщаніе Доктора Зибенбургера, доставишь къ вамъ Пашкуля живьемъ. Кажется, я шоченъ. Слишкомъ постыдно мнѣ было

бы мстить женщинъ; я веду войну съ Королемъ вашимъ и съ нимъ только хочу имѣть дѣло.» Баронесса, преклонивъ голову, отвѣчала съ прищворнымъ смиреніемъ: — »Вѣряю свою участь и участь Гельмеша великодушію побѣдителя.« — Будьте спокойны» сказалъ Пашкуль; потомъ присовокупилъ по-Французски, обратившись къ офицеру, споявшему въ уважительномъ положеніи недалеко отъ него и указавъ ему на солдашь, вломившихся-было въ домъ: — »Г. Полковникъ Дюмонъ! разсѣйте эту сволочь, и поставьте у всѣхъ входовъ стражу съ крѣпкимъ наказомъ, что за малѣйшую обиду, кому бы то ни было изъ обитателей Гельмеша, мнѣ будутъ отвѣчать головою. Помните, что почтеннѣйшая Баронесса не пересказала бытъ хозяйкою дома и что здѣсь моя квартира! Я увѣренъ, что вы успокоите дамъ съ шѣмъ благородствомъ, которое вашей націи и особенно вамъ такъ сродно. »Дюмонъ поспѣшилъ-было исполнить волю своего начальника;

но Пашкуль, остановивъ его, сказалъ ему по-Русски: « Не забудьте, Полковникъ, что мы имѣешь дѣло не съ женщиною, а съ бѣсомъ. Хозяйка въ необыкновенномъ духѣ смиренія: эпой худой знакъ! Прикажише, какъ можно, бышь оспорожише и не дремать!

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, великодушіе Пашкуля побѣдило дипломатку, и вражда забыта. Вскорѣ завязался между ними разговоръ живой и остроумный; слушая ихъ, можно было думать, что они продолжаютъ вчерашнюю бесѣду, такъ нечаянно прерванную. Давъ пищу уму, не заставили и желудокъ голодать; ксшапи и обѣдъ вчерашній пригодился. Сытно ѣли, хорошо запивали, обѣщались также отдохнуть и пожалѣли, что бѣдный Генераль-Вахтмейстеръ, любившій лакомый кусъ и доброе вино, началъ и кончилъ свои дѣла на шощакъ. Этому замѣчанію всѣхъ болѣе смѣялась Баронесса. »За то вы, Генераль — говорила она Пашкулю — исполнили обѣщъ нашего пилигрима, за-

хромавшего на пуши къ хорошему столу и къ храму славы: вамъ, конечно, сладко будетъ и уснуть на миршахъ и лаврахъ.»

За столомъ подлѣ Паткуля сидѣли съ одной стороны хозяйка, съ другой — Аделаида Горигаузенъ. Последняя видимо искала этого почетнаго мѣста. Побѣдивъ свою сентиментальную робость, она рѣшилась, во что бы ни спало, вручить своему сосѣду роковое посланіе; ибо начинало смеркаться и день ускользаль, можешь быть, съ ея счастьемъ. Паткуль замѣпилъ ея особенное къ нему вниманіе, слышалъ даже, что его легонько толкало женское колено, что на ногу его наступила ножка. »Чѣмъ не шушишь чорпъ, превращаясь въ Амура!« думаль онъ. »Сосѣдка ведешь на меня атаку по Формѣ. А, га! да вошь и цидулка нала ко мнѣ въ руку. Конечно, назначеніе мѣста свиданія!«

— Будешь прекрасный вечеръ! сказала Баронесса.

— Да, отвѣчалъ Паткуль, обернувшись къ скину, будто разсматривая небесныя

свѣшила: »звѣзда любви восходишь, отогнавъ отъ себя все облака. Она сулишь намъ удовольствіе; но признаюсь вамъ, пріятнѣе наслаждашься ея свѣсомъ изъ своей комнашы, нежели подъ открытымъ небомъ, въ нынѣшнія росистыя ночи.«

Аделаида покраснѣла. Папкуль началъ особенно любезничать съ нею; но къ удивленію его, сосѣдка вдругъ обернула лиспъ. »Знаете ли вы Илью Муромца?« спросила она. — Это роковое имя, этошь пароль, извѣстный только преданнѣйшимъ его агентамъ, обдалъ его холодомъ. Куда дѣвалось его оспроуміе? До окончанія стола онъ сидѣлъ на иглахъ. Загадка разрѣшилась послѣ обѣда, когда онъ, удалясь въ другую комнашу, развернулъ врученную ему шакъ оспорожно записку и прочель въ ней предостереженіе Ильзы. Какъ обязательно умѣлъ онъ отблагодарить Аделаиду! При ней же шопчасъ послано было за карломъ Шереметева.

— Еще разъ спасенъ я отъ гибели! — говорилъ онъ наединѣ Дюмону. — Этому

не лзя иначе бышь: часъ мой не при-
спѣлъ! — »Знаете ли, Полковникъ, продол-
жалъ онъ шайншвеннымъ голосомъ, по-
казывая ему ладонь правой руки своей:
знаете ли, что судьба моя здѣсь давно
прочишана мнѣ однимъ аспрологомъ шакъ
ясно, какъ мы чишаемъ дороги на ланд-
карпахъ? Вы смѣтешь! Вѣрьте, что я
не шушя говорю. Надобно шолько бышь
посвящену въ аспрологическія шайны,
чшобъ умѣшь различашь бредни ошъ не-
шны. Вошъ напримѣръ, какъ не смѣлшсь
было мнѣ предсказанію Прусскаго Тай-
наго Совѣтника Ильгена, кошорый по
моей ладони пророчилъ мнѣ насильшвен-
ную смерть!.. Знаю, звѣзда моя должна
пашь, но не здѣсь въ Лифляндіи. Види-
те чершочки: одна, двѣ, шри, чешыре,
пяшь... пошомъ сблизеніе двухъ вѣнцовъ,
и наконецъ... Но что будешь, то бу-
дешь! По крайней мѣрѣ, я поживу доволь-
но, чшобы ошмешшшь Карлу и не уме-
решь въ Испоріи.

Съ шрудомъ могъ Дюмонъ повѣришь,

чтобы Пашкуль, хитрый, благоразумный дипломастикъ, храбрый полководецъ и человекъ просвѣщенный, могъ до такой степени запустать свой разумъ въ астрологическихъ бредняхъ; но, какъ вѣжливый Французъ, согласился съ нимъ наконецъ, что Астрологія есть наука, напрасно пренебрегаемая людьми новаго вѣка.

Допросили молодаго служителя, который за будущія заслуги успѣлъ только сдѣлаться мужемъ пригожей Лошхень; грозили увезть его подругу въ Московію, если онъ не откроешь заговора. Чего не вынымали бы тѣлесныя муки, то высказала любовь. Въ самую полночь, когда всѣ улеглись бы спать, Баронесса должна была на веревочной лѣстницѣ спуститься изъ окна, бѣжать черезъ садъ, тамъ переодѣвшись крестьяниномъ и подымъ видомъ достигнуть ближайшей рощи, гдѣ долженъ былъ ожидать ее проводникъ съ надежнымъ конемъ; между тѣмъ огонь, по проведенной непримѣнно пороховой дорожкѣ, пробѣжавъ сквозь раз-

биное въ подвалѣ окно, коснулся бы нѣсколькихъ боченковъ съ порохомъ. Изъ рощи Баронесса видѣла бы взрывъ дома и свое торжество. Хороши расчеты, но человѣческіе!

Разумѣется, что счастливымъ соперникомъ ея приняты были всѣ мѣры къ уничтоженію сего замысла; но дипломатикъ не показывали, что тайна открыта. Русскіе офицеры, собравшіеся въ замкѣ, и хозяйка его, какъ давно знакомые, какъ пріятели, бесѣдовали и шутили по прежнему. Къ умноженію общаго веселія прибылъ и карла Шереметева. Съ приходомъ его въ глазахъ Аделаиды все закружилось и запрыгало: она сама дрожала отъ страха и чувства близкаго счастья. «Туда ли я попадѣ, братцы?» — сказалъ карла, кланяясь умильно и важно на всѣ стороны: — «меня звали въ главную кварширу Генерала Русскаго; а здѣсь, э, ге! вижу я, одинъ иностранецъ между вами. Не мигай мнѣ, Иванъ Ринальдовичъ, на молодца: дескать, забылъ ты Нѣмецкое учтив-

ство. Понабрались и мы его, возясь около Нѣмцевъ-Русскихъ и Русскихъ-Нѣмцевъ съ утра до ночи. О! мы знаемъ полишки: умѣемъ не хуже каспадина Обри-спа фонъ Верденъ улизнуть назадъ, когда жарконько бываетъ въ иной часъ; за то на прикладъ въ такихъ хоромцахъ, гдѣ есть Фрау фонъ и Фрейлейнъ фонъ, постоимъ за себя.» Здѣсь карла охорoshiлся, поправилъ свой парикъ, расшаржался, и какъ вѣжливый кавалеръ, подошелъ къ рукѣ Баронессы и потомъ Аделаиды. Первая отъ души смѣялась, смотря на эту чудную и, какъ видно было по глазамъ его, умную фигуру, и охотно сама его поцѣловала въ лобъ; вторая, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, задержала его и, краснѣя отъ стыда, которой однако-жь побѣждало въ ней желаніе счастія, полегоньку начала увлекать его въ другую комнату; онъ — выплывавшись изъ рукъ ея; она — еще болѣе его удерживать. — »Что ты дѣлаешь?« спросила съ сердцемъ Баронесса. — »Мнѣ нужно сказать

ему слово« опвѣчала рѣшительно Аделаида, боявшаяся упустишь въ карлъ свою судьбу. — »Барышня желаетъ поговорить съ побою въ другой комнаѣ« сказалъ Пашкуль по-Русски: »невѣжливо не исполнишь ея желанія.« Со спрахомъ пополамъ рѣшился Голіаевъ опдашься въ плѣнь своей Цирцеѣ, которая, осторожно припворивъ за собою дверь и не выпуская его изъ рукъ, съла на кресла и посадила его къ себѣ на колѣна. »Покуда не худо!« говорилъ карла, покачиваясь на колѣнахъ Аделаиды: что-то будешь дальше? Жаль, что коню не по зубамъ кормь.« Сначала все шло хорошо. Аделаида упрашивала, умоляла его жалобнымъ голосомъ, чтобы онъ оппустилъ къ ней ея суженаго, цѣловала его съ нѣжностію, цѣловала даже его руки; но когда увидѣла, что лукавый карла не хотѣлъ понимать эгихъ краснорѣчивыхъ выражений и не думалъ выполнить волю благодѣтельной волшебницы: тогда, озлобясь, она рѣшительно стала требовать у него жениха

Фонъ Вердена, щекопала, щипала малюшку немилосердо. Бѣдный мученикъ защищался, сколько могъ, но потомъ выбившись изъ силъ, началъ кричать не на шутку, и когда на крикъ его отворили дверь, возопилъ жалобнымъ голосомъ: »Помогите, родные мои, помогите! Спросите эту Русалку, чего она хочетъ? Уфъ! она меня замучила, защекопала, защипала. Бапюшки мои! да, видно, въ здѣшнемъ краю нѣтъ вовсе мужчинъ. Пошлите хоть за Верденомъ, котораго она поидѣло поминаешь: малой дюжій, ражій, не мнѣ чеша!« Всѣ, не выключая Баронессы, хохотали до слезъ, смотря на эту сцену. (За шайну было объявлено многимъ изъ присутствовавшихъ, что воспитанница ея помѣшана на карлахъ, рыцаряхъ и волшебницахъ.)

Комедія была искусно приготовлена. Доложили о прибытіи фонъ Вердена, и сцена перемѣнилась. При этомъ магическомъ словѣ карла былъ выпущенъ изъ пльна, и Аделаида поспѣшила исправить

свой шуалеть , нѣсколько поизмятый упорствомъ Голяѳа. Между тѣмъ Пашкуль вытвердилъ фонъ Вердену его роль. Но кто бы ожидать могъ? При появленіи опрасли 7 Лифляндскаго Гермейстера, у нашего Марса разгорѣлись глаза, какъ у коша на говядину. Онъ признался, что никто не *приходилъ* ему такъ по нраву и что онъ непременно завтра же возьметъ ее къ себѣ въ обозъ. »Пошлите, Господинъ Полковникъ!« сказала Пашкуль: »она хотя и дальняя мнѣ родственница; но все таки родственница, и вы не иначе получите ее, какъ въ церкви.« — »А почему-жь и не такъ, Ваше Превосходительство?« говорилъ фонъ Верденъ, лоричруя глазомъ свою красавицу: »почему-жь и не такъ? Когда нибудь мнѣ жениться надобно; случай предстоить удобный: лучше теперь, чѣмъ позже, и тѣмъ лучше, что я вступаю въ родство Вашего Превосходительства.« — Представили суженаго невѣсть. Жениху считали подь 50; но онъ былъ свѣжъ, румянь и спашень,

кшому-жь Оберсшеръ, ждалъ съ часу на часъ Генеральства, которое едва ли не равнялось съ Коншурствомъ; спрадалъ, рѣзался за нее нѣсколько лѣтъ и, въро-яшно, отъ того и состарѣлся, что слиш-комъ подвизался въ шрудахъ за нее; въ добавокъ, оставленный съ Аделаидой на-единѣ, объяснился ей въ любви съ ко-лѣбнопреклоненіемъ, какъ слѣдуетъ благо-родному рыцарю. Достоинства сіи оцѣ-нены. Рыцарь осчастливленъ вздохомъ и признаніемъ во взаимной любви. Оста-валось веселымъ пиркомъ, да и за сва-дебку; но Аделаида хотѣла еще испы-тать своего жениха и не иначе рѣша-лась идти съ нимъ въ храмъ Гименея, какъ тогда, когда Марсъ вложитъ мечъ въ ножны свои. Такая опсрочка, неснос-ная, особенно для военнаго, который лю-битъ все дѣлать на маршѣ, пахнула зим-нимъ холодомъ на счастливаго любов-ника; и съ эшого роковаго объявленія онъ уже только изъ угожденія своему на-чальнику игралъ ролю спрашнаго рыцаря.

— Теперь, сказалъ Папкуль иронически, мы оппразднуемъ сговоръ доспойнымъ образомъ. Почтеннѣйшая хозяйка была такъ любезна, что приготовила намъ чудесный фейерверкъ. Мы не будемъ дожидаться полуночи, не допустимъ какого нибудь слугу зажечь его; но какъ военные сами исполнимъ эту обязанность. (Баронесса поблѣднѣла.) О! спбншь его посмотришь; только издали эффектъ будешь сильнѣе. Программа этой пошѣхи: здѣшній замокъ и съ нимъ вашъ покорнѣйшій слуга на воздухъ.

— Господинъ Генераль - Крингскоммисарь! ибо я только теперь признаю васъ такимъ — произнесла Баронесса съ видимымъ смиреніемъ: — вы побѣдили меня. Горжусь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что, имѣвъ дѣло съ могучимъ Царемъ Алексѣвичемъ и умнѣйшимъ Министромъ нашего вѣка, едва не разрушила побѣдъ одного и смѣлой полишки другаго. Надѣюсь, что для изображенія сей борьбы Исторія

удѣлите одну спраничку Лифляндкѣ Зе-
гевольдѣ.

— Покуда скажу вамъ, Госпожа Баронесса, что сорокъ нейдетъ мѣшашся шамъ, гдѣ деруся коршуны. Впрочемъ будьте спокойны: Паткулю постыдно испишь женщинѣ. Это самое избавляетъ васъ отъ качель, которыя мнѣ приготовили. Какъ бы то ни было, дѣло кончено. Въ доказательство же искренняго къ вамъ расположенія, предлагаю вамъ немедленно выѣхать изъ Гельмеша и взять съ собою, кого и что почтете нужнымъ. Охранная стража проводитъ васъ до черпы, нами незанятой. Предупреждаю васъ, что завтра упрямъ замокъ вашъ будетъ разграбленъ: добыча сія принадлежишь солдапу по праву победы.

Можно догадаться, что Баронесса воспользовалась такимъ великодушнымъ предложеніемъ, давъ себѣ слово не мѣшашся впредь ни въ какія политическія дѣла.

Черезъ часъ послѣ ея отъѣзда все уже спало въ замкѣ; только одни успалые спражи Русскіе перекликались по временамъ на шѣхъ мѣспахъ, копорья вчера еще охраняли Нѣмцы и Латыши. Такъ все на свѣшѣ смѣняется: великіе и малые входятъ въ него только на часовой караулъ. Все спало, сказалъ я; свѣшѣ мѣсяца, пригвожденнаго къ голубому вебу, какъ серебряный Оссіаповъ щипъ, переливался на волнующейя жапвѣ и зелени луговъ, охрусталенной густою росой; но вскорѣ и мѣсяцъ, казалось, упранилъ свой блескъ. Новый, красноватый свѣшѣ разлился по землѣ и кругомъ небосклона вспали огненные своды: это были зарева пожаровъ. Изъ тишины ночи поднялись вопли жипелей, ограбленныхъ, лишенныхъ крова и тысячами забираемыхъ въ плѣнъ. Таковъ былъ еще способъ Русскихъ воевать, или лучше сказать, шакова была полишка ихъ, дѣлавшая изъ завоеваннаго края степь, чтобы лишитъ въ немъ непріашеля средствъ содержашъ

себя: — жеспокая полишка, извинаяма шолько временемъ!

— Подожди еще горѣшь ты, Рингенъ! подожди, пока месць Елисаветы Трейманъ не погуляла въ шебѣ! — »говорила Ильза, приближаясь вторично въ одинъ и тотъ-же день къ Гельмешу. По упру она была идущая; теперь кашила на своей походной шлежкѣ, далеко упреждавшей о себѣ шумомъ по бибшой дорогѣ. Спражки окликнули маркишаншу; но узнавъ любимицу свою, тотчасъ ее пропустили и доложили ей именемъ Мурзенки, что онъ, взявъ проводника, поскакалъ опустошашъ окрешные замки и что къ упру ждетъ ее въ Рингенъ.

Въ виду стояла хижина бабки Ганны. Осправляясь въ походъ прошивъ злѣйшаго своего врага, не просишься съ нею, можешъ бышь, прощаніемъ вѣчнымъ, почишала она за грѣхъ. Вздумано, сдѣлано. Конь привязаць къ кусту, и маркишанша на порогъ хижины. Дверь была отворена наспешъ; зарево пожаровъ вмѣстѣ

съ свѣсомъ мѣсяца освѣщало вполнѣ все предметы. Ильяза переступила порогъ. Все было тихо гробовою тишиной; хоть бы вздохъ или дыханіе соннаго опоздались жизнию! На кровати лежала Ганне; она смотрѣла въ оба глаза съ кровавыми полосами вмѣсто рѣсницъ, и улыбалась, какъ будто хотѣла говорить: Юргень, Юргень! не пора ли мнѣ къ тебѣ? На лѣвомъ ея вискѣ было большое, темное пятно. Ильяза подумала сначала, что это шнѣнь, отбрасываемая съ пошолка круглымъ предметомъ. Она подходитъ ближе, будитъ Ганну... но Ганне спитъ сномъ непробуднымъ. Она беретъ ее за руку: рука — ледъ. »Умереть ей когда нибудь надобно было — говорить сама съ собою Ильяза — « по черное пятно на вискѣ не шнѣнь. Злодѣйская рука ее убила!.. »Она смотришь на полъ — роковой голышь у кровати; оглядывается — вдоль стѣны виситъ Мармышъ... Посинѣлое лице, подкапавшіеся подъ лобъ глаза, рыжіе волосы, дыбомъ всшавшіе; все го-

воришь о насильственной смерти. Крепкий сукъ вопкнушь въ спѣну, и къ нему привязана веревка. Не лѣзя сомнѣваться; онъ убилъ Ганну по какому нибудь подозрѣнiю и послѣ самъ удавился. Русскимъ не за-что губишь старушку и мальчика, жившихъ въ нищенской хижинѣ. »Сынъ разврата!« восклицаетъ ожесточенная Ильза, не проронивъ ни одной слезинки; ибо слезы подавлены были камнемъ, сполывшимъ у сердца ея: — »ты умеръ настоящею своею смертию: тебѣ иначе умереть не должно! Но за чѣмъ погубилъ ты эту несчастную?«

Она бѣжишь на ближайшiй пикетъ, берешь изъ кофра пылающую головню, упрашиваешь прехъ солдата идти за нею. Солдаты ей повинуются; одинъ изъ нихъ беретъ головню въ руки.

— Видите ли этого злодѣя? — сказала она, приведя ихъ въ хижину: — онъ убилъ свою бабу, и самъ удавился.

Солдаты, привыкшие къ ужасамъ смерти, съ робостию отступили назадъ при

видѣ мершвецовъ; но, вскорѣ ознакомившись съ этимъ зрѣлищемъ, подошли къ нимъ ближе. — Чоршу барань! закричалъ одинъ, вглядываясь въ мальчика. — А, да эшо знакомецъ! прибавилъ второй со смѣхомъ, свѣтя головнею въ лицо удавленника и опаливая у него волосы: вѣдашь, рыжій, бойкой мальчикъ, у котораго Удамый изъ 3-й роты опнялъ подлѣ разломанной башни кувшинъ съ мѣшечкомъ, набитымъ серебряными копѣечками. — Онъ и есть, продолжалъ прешій. Диву дались, гдѣ онъ, окаливый, эку пропасць денегъ набралъ. Хоть бы у Боярина Нѣмецкаго сполько поживишься. Эдакой добычи Удалому спать-было не выспать. — И то правду сказаць, перебилъ второй, кабы мы съ побой не пришли на помощь, изъѣлъ бы его мальчишка зубами; вишь, и шеперь скалишь ихъ, будшо хочеть укусишь. На, вшь, собака! Тутьь солдатъ шкиулъ головнею въ зубы мальчику.

Въ какомъ-то безумномъ молчаніи Илья за смодирѣла на старушку; но когда услы-

шала, что солдапы ругаются надъ ея сыномъ, природное чувство не любви, нѣтъ! по крови пробудилось въ ней — и она опшолкнула рукою солдата, вооруженнаго головнею. »Прочь! — онъ сынъ мой!« вскричала изступленная, вышацила клинъ, на которомъ висѣлъ удавленникъ, положила Мартына на землю, сбѣгала за своею пѣлежкой и уложила его на нее. »Куда-жъ везешь дитяшку?« спросили солдапы. — »Къ опцу-сапанѣ въ гости!« отвѣчала она. »Теперь помогите мнѣ похорить старушку. Пускай же домъ, въ которомъ она жила, будетъ и по смерти ея домомъ. Не доставайся-жъ онъ никому въ наслѣдство.« Тутъ она просила солдапъ опнять два столбика, подпиравшіе крышу; желаніе ея было выолнено, и въ одинъ мигъ вмѣсто хижины оспался толькo земляной, безобразный холмъ, надъ коимъ кружился пыльный шолпъ. Солдапамъ послышался запахъ сѣры; имъ чудилось, что кто-то закричалъ и заспоналъ подъ землей — и они, шверя

молишву, спѣшили безъ оглядки на пп-кешъ.

Ильза, сѣвъ на свою лошадку и погнавъ ее по дорогѣ въ Рингенъ, запѣла пропяжнымъ похероннымъ напѣвомъ слѣдующую старинную пѣсню. Къ ней по временамъ примѣшивались вопли ограбленныхъ, разносимые въпромъ.

Ошворай, Баронъ, ворошá:
 Ёдемъ въ госпи къ шебъ.
 Высылай на вспрѣчу шы намъ
 Кашеляна съ ключемъ,
 Меченосца въ лапахъ злашихъ,
 Пажа, несъ чпобъ привѣшь.

* * *

Ошворай, Баронъ, ворошá:
 Ёдемъ въ госпи къ шебъ.
 Ты задай на славу намъ пиръ!
 Бошь какъ, скажущъ, Баронъ
 Угощаешъ сына, жену,
 Сшолько лѣшь не видавъ!

* * *

Ошворай, Баронъ, ворошá:
 Ёдемъ въ госпи къ шебъ.

Ты посшавъ на споль, у шебя
 Чшо ни лучшаго ешь:
 Свсе сердце въ желчи, въ крови.
 Очи милой своей.

* * *

Ошворяй, Баронъ, ворошá:
 Ъдемъ въ госши къ шебъ.

Двухколесная шълежка шумъла по би-
 шой дорогъ; долго горъло зарево пожа-
 ровъ; мъсяць глядълъ въ ошкрышыя очи
 мершвеца, и раздавался въ ошдаленіи по-
 хоронный папъвъ Ильзы.



Глава пятая



ПРЕГОВОРЪ.

*То было привидѣнне,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобъ смутить во мнѣ святую вѣру!
Но мнѣ, съ мегель владыки моего,
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду, зоветъ побѣда!
Пусть на меня весь адъ вооружится:
Живъ Богъ—моя надежда не смутится!*

ДѢВ. ОРЛ. ПЕР. ЖУКОВСКАГО.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Гуммельсгофской битвы, въ глухое ночное время, пробирались къ сторонѣ Менцена (Русскими названнаго *Черною мызою*) слѣпецъ и его товарищъ. Съ самой роковой побѣды Русскихъ, избѣгая мести Шлиппенбаха, Вольдемаръ избиралъ сіе время для своего путешествія. Ночь была темная; но онъ зналъ хорошо мѣстность и не

боялся заплутаться. Весело и легко шель онъ, ведя одною рукою своего спутника, другою помахивая узловатымъ, дубовымъ кнспенемъ. Оставалось имъ до Менцена близъ полумили; но путь ихъ не шуда былъ: за оврагомъ отделялась отъ большой дороги тропинка въ лѣса. Тамъ, подъ густою сѣнью ихъ, въ бѣдной хижинѣ лѣсника, ожидало нашихъ странниковъ спокойное перепутье. Следующій день долженъ былъ ихъ увидѣть на мызѣ Г. Blumenспроста, близъ долины мертвецовъ.

Слѣпецъ началъ пріостанавливаться. — «Что съ тобою?» заботливо спросилъ его младшій спутникъ. — «Чудныя видѣнія обступили меня шеперь,» отвѣчалъ Конрадъ. «Я видѣлъ край, доселѣ невѣдомый мнѣ. Каменная, зубчатая сѣна бѣлѣлась на берегу рѣки; за сѣною на горѣ разсыпаны были бѣлокаменные палаты, съ большими крыльцами, съ шеремами, съ башенками, и множество храмовъ Божіихъ съ золотыми верхами въ видѣ пылающихъ сердецъ; на креслахъ ихъ шеплился

лучь восходящаго солнца, а крыши горѣли, подобно лапамъ рыцаря; въ храмахъ было зажжено множество свѣчей. Я слышалъ: въ нихъ пѣли что-то радостное; но то были пѣсни неземныя. . . « — Другъ!» сказалъ Вольдемаръ, пожимая товарищу руку: »ты видѣлъ мою родпну.« При семъ словѣ оба пупника поникнули душою, какъ передъ святынею. Молчалъ благоговѣйно слѣпецъ; молчалъ младшій спранникъ; слезы омочили его лице, и сладостныя видѣнiя друга перешли въ его сердце вмѣстѣ съ надеждою, залешною госшьею, еще никогда такъ крѣпко не ласпившеюся къ нему.

Не замѣшилъ Вольдемаръ, какъ поднялась черная туча, какъ насунулась на нихъ. Сдѣлалась темень, хопь глазъ выколи. И слѣпой и зрячiй видѣли почти равно: оба вели другъ друга, ощупывая дорогу ногами и посохомъ. Они подошли къ оврагу и почти сползли въ него. Вправо были кусты; въ нихъ мелькнулъ огонекъ, еще разъ мелькнулъ и скрылся;

черныя шѣни ходили, поднимались и упали. »Что-бы это значило?« думалъ Вольдемаръ. »Волкъ не сверкаешь такъ глазами, ища добычи. Разбойниковъ не слышашь въ Лифляндіи. Можешь бышь, нечисные бродяшъ въ полуночныя часы?...« Кровь у него пошекла быспрѣе. Три раза перекрестился онъ, три раза прочелъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!*.. и успокоился. Выбравшись изъ оврага, онъ невольно оглянулся. Чшожь? шаинспвенный огонекъ показался опять, вышелъ изъ кустовъ въ оврагъ и слѣдилъ его. Вольдемаръ ошъ него по шропъ въ лѣсъ: онъ повернулъ за нимъ, по вдругъ на новомъ поворотѣ пзчезъ. Безспрашый въ самыхъ шрудныхъ и грозныхъ случаяхъ, когда имѣлъ дѣло съ живыми людьми, гуслиспъ оробѣлъ передъ духами, которые его преслѣдовали. Ему казалось, что его хватающъ сзади за плеча, что его кличущъ; увлекая спарца, онъ шоропилъ свои шаги, нерѣдко спопыкался и чиналъ про себя молишву.

Туча сдвинулась съ полнеба; звѣзды заискрились; предметы нѣсколько выступили изъ земли, и входъ въ лѣсъ означился. Вольдемаръ съ шрудомъ поворошилъ шею, сжашую спрахомъ: нигдѣ ужъ не видашь было огонька. Члены его развязались, грудь освободилась отъ тяжести, на ней лежавшей; въперокъ повѣялъ ему въ лице прямо съ востока, и сердце его освѣжилось. Смѣло вошелъ онъ въ лѣсъ, и черезъ нѣсколько минушь очутился въ хижинѣ лѣсничаго.

Дверь въ нее, по обыкновенію Лапышей, была отворена; лучина горѣла въ свѣщцѣ и шускло освѣщала внутренность дымной избы, зажигая по временамъ на воздухѣ сажу, падавшую съ закопѣлаго пополка. Сквозь дымъ, по избѣ разспилавшійся, можно было еще различить доску на двухъ пняхъ, замѣнявшую столъ, на ней чашу съ какою-то похлебкою, тушь же валяную бѣлую шапку и шопоръ, раскиданную по землѣ посуду и вмѣстѣ корышо для корма свиной, въ

углу развалившуюся свинью съ семейю новорожденныхъ, а около стола самаго хозяина Лапыша, вѣроятно только-что пришедшаго съ почнаго дозора, и жену его. Оба подпарились древностію лѣтъ, распущенными по плечамъ волосами, свѣплыми на подобіе льна, и одеждою, столь нечистою, что можно было высѣчь изъ нея огонь, какъ изъ прута. Они прихлебывали изъ чаши и при опдыхахъ вели нехитрую рѣчь. Услышавъ, что вошли въ избу, старуха велѣла мужу *нишкнутъ*, сняла лучину со свѣпца, обломала нагарь, выставила ее впередъ и приложила лѣвую руку надъ глазами, чтобъ лучше видѣть. »А! это старшина*!« сказала она, вложивъ оныя лучину въ свѣпецъ, и по прежнему спала вкушать отъ скромной пранезы и приправлять ее бесѣдою. Хозяинъ едва кивнулъ вошедшимъ и, не забоясь о нихъ, продолжалъ хлопотать около чаши съ похлебкой.

* Такъ называютъ Лапыши ихъ, кого они уважаютъ.

Вольдемаръ усадилъ слѣнца на одной изъ скамей, къ углу избы прислоненной, и самъ сѣлъ подлѣ него. »Не слыхашь ли въ вашемъ краю солдашъ?« спросилъ онъ послѣ крашкаго молчанія. — »Авиша, Гуммалъ, авиша! (Помилуй Господи, помилуй!)« ошвѣчалъ Лашышъ, не поворачиваясь. »Давича, шолько-шпо солнышко пало, налепѣло синихъ на мызу и не вѣсть шпо, словно весною рой жуковъ на сосну.« — »Не видалъ ли, ошкуда шли синіе?« съ безпокойствомъ спросилъ опять Вольдемаръ. — »Ошколь? да, кажись, изъ Аллуксне*.« — Вольдемаръ задумался. Онъ догадывался, что пришедшіе въ Менценъ Шведы принадлежали ошряду, вышедшему изъ Маріенбурга въ слѣдствіе пушешествія Цейтмейстера Вульфа; онъ зналъ также, что Русскій ошрядъ долженъ былъ въ скорости явиться подъ Менценъ, чшобы не допустишь кроша возвратишь въ свою нору, и спросилъ креспьянина, не слы-

* Лашышское названіе Маріенбурга.

хашь-ли обь зеленыхъ. Долго ждалъ онъ ошвѣща. Лапышу и разговоръ былъ въ тяжелый шрудъ. Выручить его рѣшилась наконецъ его нѣжная половина и вѣрная помощница. »Чушь было намнясь — сказала она, зѣвая и попягиваясь — кашали они съ синими чоршовы шары. Съ шого денечка ни гугу обь нихъ, *братецъ*, будто мухи померли въ бабье лѣшо.« — »Не заходили-ль къ вамъ еще печайнныя гости?« — »Въ пошаченность шебѣ сказашь« продолжала хозяйка »шолкнулись къ намъ позавчера. . .« — »Сшаруха! а сшаруха!« закричалъ Лапышь: »повѣсь языкъ на палку.« — »Бѣда не вѣсь какая!« продолжала супруга его, качая головой. »Чай мы ошь сшаршины не съ эшу-сша дрянъ видали. Не пошачь, *братецъ*, вопшь видишь позавчера. . . .«

Въ спѣну засшучали палкой и раздался со двора жалобный голось: Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Будшо кипяшкомъ обдало сердце Вольдемара. Голось эшопшь объяснилъ ему

попчасъ, кто былъ злой духъ, его недавно преслѣдовавшій; въ этомъ голосѣ прочель онъ цѣлую старинную повѣсть, которую несчастный хотѣлъ бы забыть навѣки.

— Ну, завьли окаянные! закричала спарушка съ удовольствіемъ; потомъ, наклонившись назадъ къ младшему спраннику, присовокупила шепотомъ: — Они-то и есть, мой родной! все объ тебѣ поспрошала; видно, така лупа пашла!

Не было зова новымъ госпямъ, не было и отказа; но безъ того и другаго вошли они въ избу. Это были Русскіе раскольники. Впереди брель суполовавшій спаричокъ, въ глазахъ коего изъ-подъ густыхъ, сѣдыхъ бровей проскакивала радость. За нимъ следовалъ чернецъ съ ужимками смиренія. Трое суровыхъ мужиковъ, при попорахъ и фонарь за поясомъ, оспановились у двери.

Спаричокъ кряхтя сѣлъ на пусую скамейку, прочиталъ шепотомъ молитву, потомъ обшаривъ сверкающими, крова-

выми глазами во всѣхъ углахъ, оспановилъ ихъ съ ужасомъ на Вольдемаръ, медленно, при разѣ перекрестился двуперстнымъ знаменіемъ и воскликнулъ: — Съ нами крестная сила! Владиміръ! тебя-ли очи мои видяшъ?

— Да, Князь Андрей Мышинскій! отвѣчалъ съ пвердосцію Владиміръ (долѣе не можемъ пашъ его наспоющее имя): наконецъ ты нашель свою жерпву.

Андрей Денисовъ (пбо это онъ былъ) обратился къ своимъ спупникамъ, изъ коихъ въ чернецъ легко было намъ узнать Авраама, и приказалъ имъ ошодти нѣсколько ошъ хижины, одному спашъ на спражъ, другимъ лечъ ошдохнуть; что немедленно и съ подобоспрасшіемъ выполнили они, изключая Авраама, копорый возвратился прислуживашъ сквозъ спѣнку. Самъ хозяинъ, не заботясь о гостяхъ, ушелъ спашъ на жишницу.

Опираясь на посохъ обѣими руками и на нихъ подбородкомъ, остпеннымъ пушистою бородой, сидѣлъ слѣпецъ. Не зная,

кто говорилъ съ его поварницею и не понимая языка ихъ, онъ въ звукахъ ихъ разговора, которому степени спрашей давали различную силу, ловилъ для себя близкій смыслъ и вѣрные образы. Въ собесѣдникѣ своего друга видѣлъ онъ уродливаго, лукаваго шаричишку съ рогами; постигалъ, что эпопѣ бѣсъ хранишель шайны, располагавшей судьбою Владиміра — и потому страхъ, грусть и негодование попеременно отзывались на лицѣ святаго старца, какъ на клавишахъ разнообразныя звуки равно печальной пѣсни. Товарищъ его хопѣлъ казашься швердымъ; однако-жъ замѣшно было, что въ сей величавый дубъ ударилъ громъ; онъ споялъ еще прямо, но сожженный огнемъ небеснымъ, представлялъ только ошовъ прежняго своего величія. Губы несчастнаго помершвѣли; два багровыя пятна, подобныя шѣмъ, какія видимъ у чахотныхъ, выступили на его щекахъ; глаза его горѣли шусклымъ пламенемъ: все въ немъ сказывало, что появ-

леніе нечаяннаго гонимого убило его надежды. Прямо прошивъ него сидѣль ересархъ. По удовольствію, пронизавшему въ глазахъ его сквозь оболочку сожалѣнія, видно было, что онъ поймалъ жершву, долгое время отъ него ускользавшую. Она въ сѣняхъ его; трудно, можешь бышь, не возможно ей вырваться изъ нихъ; но лукавый показывалъ, что она свободна и что отъ нея самой зависишь бышь зарѣзанной, или бѣлымъ свѣтомъ наслаждаешь. Не о благѣ Владиміра хлопоталъ онъ, но о томъ, чтобы угодишь своимъ спраснямъ и отчасни своей кровопиельницѣ. Между темъ онъ показывалъ, что счастію другихъ жершвуешь собою. Андрей Денисовъ не простой раскольникъ. Изъ роду Князей Мышицкихъ; наученный искусству краснорѣчія въ Кіевской Академіи и всемъ приемамъ ухищренной политики при Дворѣ коварной Софіи, которой былъ онъ достойнымъ любимцемъ; умѣвшій поднавишь себя на степень Патриарха По-

морскихъ раскольниковъ, онъ зналъ очень хорошо, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и попому управлялъ свое лицемеріе, власполюбіе и вражду къ роду Нарышкиныхъ въ сладкую, вишевавшую рѣчь, въ чувствва любви, признашельности и свяности. Настоящая картина ада, вставленная въ золошую раму, на углахъ коей изображены Херувимы! Присоединише къ этой группѣ лице хозяйки, на которомъ свѣтъ ошъ горячей лучины озарялъ вполне глупость, неудовлетворенное любопытство и по временамъ сожалѣніе о молодомъ спращникѣ, повидимому обижаемомъ.

Нѣсколько времени съ сожалѣніемъ смотрѣлъ Андрей Денисовъ на Владиміра; наконецъ, покачавъ головой, произнесъ: — Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ, гадашь бы, не разгадашь, чшобы моего питомца, шого, который былъ нѣкогда золошою маковкою Царевница перема, зѣницу ока ея, ошъ кого надрывались зависшію Боярскія дѣши, Стольщики, самъ Пешръ, кому гошовилъ я передашь ключи Вы-

говскаго верхограда... чптобы его найдши мнѣ въ курной Лапышской избѣ, въ сонмѣ печестивыхъ, на одной веревочкѣ съ слѣпымъ бродягою!...

Андрей Денисовъ оспановилъся, опяшь съ сожалѣніемъ долго осмащривалъ Владиміра и продолжалъ: — Помню еще, какъ ты, спашный, гордый, красивый, бѣгалъ по перемамъ Софіи Алексѣевны. Словно теперь вижу, какъ ты споялъ передъ ней на колънахъ, какъ она своей ручкой разчесывала кудри твои. О! какъ вилось тогда около нея вверхъ твое счастье, будто молодой хмѣль около Кіевской пополи! А теперь... худъ, сосшарѣлся, не доживъ въка... въ басурманской одеждѣ, бось... Господи! легче было-бъ мнѣ ослѣпнуть до дня сего. (Туть Денисовъ утеръ слезы, показавшіяся на его глазахъ.)

Владиміръ молчалъ.

— Ты ничего не говоришь, сынъ мой?

— Пожалуй, сказалъ Владиміръ съ усмѣшкою, давай перекидываешься вопросами. Такъ, въ свою очередь, скажи мнѣ,

по какому случаю въ этой самой курной избѣ, въ нищенскомъ видѣ, въ образѣ опешупника своего опечесства и вѣры, съ какими-то разбойниками, встрѣчаю Князя Мышишскаго, украшеніе Кіевской Академіи, сподвижника Князей Хованскихъ и Милославскихъ, задушевнаго друга покой же Царевны, наконецъ преподобнаго опца Андрея, свѣшпильника Поморской церкви и главу ея?

— Опешупника! съ разбойниками! Вотъ чѣмъ плапашъ нынѣ шому, который на рукахъ своихъ принималъ тебя въ Божій міръ, опказался опъ спененей и чеспи, чтообы ухаживашъ за шобою! и я самъ не хуже швоего Бориса Шеремешева умѣлъ бы ѣздить съ вершниками, не хуже его управлялъ бы рашнымъ дѣломъ, какъ нынѣ правлю словомъ Божиимъ; но предпочелъ бышъ несшупомъ сына.....

— Чшо еще? прибавь.

— Да, сына грѣха, говорю тебѣ, неблагодарный! Хороша за все награда!.. Вотъ чему обучили тебя супосшашы наши!..

Оголивъ, изуродовавъ швое обличіе, данное тебѣ по образу и подобію Іисуса Христа и Спасителя нашего, они въ то же время содрали съ души швоей все благолюбіе, ее украшавшее. Оскорбляй меня; именууй меня чаще Княземъ; ибо ты вѣдаешь, что мнѣ давно ненавистны лжеименныя почести міра сего, что я промѣнялъ ихъ на смиренное опшельничество и служеніе моему Господу и единому Владыкѣ. Пожалуй, назови меня Княземъ ада! Называй разбойниками братьевъ моихъ, швоихъ братьевъ о Господѣ, за то, что они носяшъ орудія, копорыя земному отцу Бога и Спаса нашего, Іосифу древодѣлателью, не были въ швѣдѣ. Ругайся надо мною; мечись, какъ василискъ, на грудь, согрѣвшую тебѣ опъ смерти шѣлесной и душевной: я опкрою тебѣ грудь сію. Все, все тебѣ прощаю. Іисусъ Христосъ то ли еще терпѣлъ опъ своихъ?.. Что-жъ ты видишь меня здѣсь, спранникомъ, между Лапышскими псами и погаными Нѣмцами; то знай, неблаго-

дарный! для себя, собственно для себя, покинулъ я паству, Христомъ мнѣ ввѣренную, сихъ агнцевъ Божіихъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ кровожаднаго волка, сей народъ православный, отдѣлившійся отъ народа развращеннаго, Я, владыка и братъ ихъ, спарець, глядящій въ гробъ, вмѣсто того, чтобы послѣдніе дни жизни моей провести въ молитвѣ и изготовиться ко дню предстоящаго намъ всѣмъ спрашнаго суда — я таскаюсь по чужимъ землямъ, гдѣ на каждомъ шагу или встрѣчаютъ меня соблазны, укоризны и оскорбленія, или готовятся мнѣ насильственная смерть. Чего-бъ въ смиренной обителѣ не видѣли очи мои въ полвѣка, на то долженъ я нынѣ взирать безпресшанно. Съ басурманами, съ Содомитянами, новщиками долженъ я перѣдко вести бесѣду, служишь имъ, угождаешь... и все это для того, чтобы возвратишь на путь истины заблудшуюся овцу! Все это для тебя, неблагодарный!

— Неблагодарнымъ я и буду. Напрасны

швои шруды, швои подвиги и жершвы; я ошпанусь, я хочу ошпашься при моемъ заблужденіи: оно для меня сладко, сосшавляешъ мое счастье — и я не промѣняю его ни на какія блага, копорыя шы миѣ гошовъ посулишь и можешъ дашь. Узналъ я довольно хорошо швою испину. Она вооружила руку мою на злодѣяніе, привела меня подь плаху, перебросила въ скишь швой, гнѣздо заблужденія и невѣжества, и засшавила двѣнадцать лѣшь шапашься изъ края въ край безроднымъ сиропшою. Кшо-жь, какъ не швоя испина, довела меня до шого сосшоянія, копорымъ меня упрекаешъ? . . Не пришелъ ли вложишь снова въ руку мою ножъ, изъ нея выпавшій? Теперь, думаешъ, эша рука не опрочешская, опшвердѣла въ несчастіяхъ, искусилашь въ дѣлахъ крови — не сдѣлаешъ промаха. На кого направляешъ ее теперь? гдѣ укажешъ миѣ жершву? Не ошпашь ли у алшаря Бога живаго ошшашь ее? . . Посули ошпашь плаху! Авось, шеперь не увернусь.

Андрей Дешисовъ покачалъ головой, вспалъ, посмопрѣлъ у двери, не видашь ли кого; но такъ какъ лукавый Авраамъ, оспереженный его походкою, успѣлъ завернуть за уголъ избы: то ересіархъ, успокоившись, что никто не услышитъ его бесѣды съ Владиміромъ, сѣлъ опять на свое мѣсто и продолжалъ: — Не вѣрни ему, Господи, словесъ его въ прегрѣшеніе, сказалъ онъ, возведя очи къ небу и перекрестясь: — *суетный* не вѣдаешь, что говоришь и что творишь. До того ерепкики опуманили его разумъ и опутали душу его, что онъ забылъ все святое на землѣ. Опщепенецъ православной церкви, сообщникъ слугъ Антихристовыхъ, онъ и благодарность и кровь топчешь въ грязи. Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! То, что онъ сдѣлалъ, что обязанъ былъ сдѣлать изъ любви и преданности къ своей законной Царицѣ, благодѣтельница, однимъ словомъ. . . второй маперіи своей, называешь онъ злодѣйствомъ?

— Да, злодѣйствомъ и все-таки злодѣйствомъ, для кого бы я его ни сдѣлалъ. Не ужь-ли ты, Князь Андрей Мышинскій, или просто, Андрей Денисовъ, думаешь говоришь нынѣ съ опрокомъ и по прежнему медопочивыми уснами опр-авлять его неопытную душу? Вспомни, что прошло много лѣтъ съ того времени, когда ты игралъ моими помыслами и сердцемъ, какъ мячикомъ, когда я слушала тебя, какъ безразсудное дитя. Вглядись-ка въ меня хорошенько: ты говоришь съ мужемъ; на головѣ моей проглядываютъ ужь сѣдины; я былъ въ школѣ несчастія, научился узнавать людей; и пошому тебѣ просто скажу: я тебя знаю; ты обмануть меня не можешь. Оставь для другихъ свою хитросплетенную рѣчь. Говори просто: чего хочешь отъ меня?

— Спаси тебя, несмысленный, на зло тебѣ же, спаси твое шело отъ казни земной, а душу отъ вѣчнаго мученія.

Владимірь съ герькою усмѣшкою перебилъ рѣчь Денисова:

— Благое же начало ты этому спасенію сдѣлалъ, пославъ своего *старца* въ синаѣ Русскій, подъ Новый-городокъ, съ подмешнымъ письмомъ! Чего лучше? Въ немъ обѣщаль предать меня, обманщика, злодѣя, бѣглеца, прямо въ руки палача Томилы. Я копаю Русскимъ яму; голову мою Шереметевъ купилъ-бы цѣною золоша; самъ Царь дорого бы заплашилъ за нее! И за эту кровную услугу ты же требовалъ награды: не превозмощь твоихъ домочадцевъ зарубежныхъ. То ли самое писалъ ты тогда?

— То самое, отвѣчалъ съ наружнымъ спокойствіемъ Андрей Денисовъ.

— Что-жь ты говоришь теперь?

— То-же самое хотѣлъ я сказать и теперь. Но прежде, нежели я рѣшился погубить тебя, я послалъ къ тебѣ благовѣщителя, старца Аенногена, сего мученика, положившаго за Христа животъ свой.

— Скажи лучше: за свою бороду.

— Что предлагалъ онъ тебѣ?

— То, чего не исполню никогда: возвратишься въ скипъ твой.

— Я и нынѣ пришелъ тебѣ по же предложить: воть путь къ твоему спасенію. А буде не слушаешь, я долженъ тебѣ извести; да я долженъ тогда самъ, своими руками предать ослѣпленнаго, *закуетившагося*, достойной казни. Одна спрочка твоему же Шереметеву — и ты пропаль.

— А Богъ?...

Это слово, съ твердымъ упованіемъ выговоренное, смутило и пустосвяща. Онъ спарался освободиться отъ узъ, въ копорья сковало его это великое слово, совершивъ обычную свою молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — молитву, разрѣшающую, по мнѣнію раскольниковъ, всѣ ихъ напасти. Пошомъ, оправившись нѣсколько отъ своего смущенія, онъ присовокупилъ: Преж-

де, нежели вымолю швой приговоръ, спрошу тебя: кому ты служишь?

— Лукавый долженъ бы тебѣ это ска-
зашь.

— Неправда. Духъ свяшый, вразумляй и старца и младенца, побораяй по вѣр-
нымъ своимъ, сказалъ мнѣ, кому ты слу-
жишь: вѣспѣймо, Русскому воинству!

— Кому-жъ иному можешь служишь
Русскій? Изсуши Матерь Божія руку
шого, кто поднимешь ее на помощь вра-
гамъ отечества! И ты, если истинный
Христіанинъ, если любишь свяшую Русь,
долженъ не губишь меня, а помогаешь мнѣ.

Глаза ересіарха примѣпно разгорѣлись;
возвыся голосъ, онъ перервалъ рѣчь Вла-
диміра: — Постой, дитяшко мое, не такъ
прышко. Служа Русскому войску, не Пе-
тру ли Нарышкину ты работаешь?..
И мнѣ пособляешь тебѣ? мнѣ, цѣловав-
шему крестъ законной Царевнѣ Софіи
Алексѣевнѣ; мнѣ, взысканному ея мило-
спями и дружбою, православному Хри-
стіанину, пойдши въ работники къ погу-

бипелю Царевны, къ мапросу, шабашнику, ерешнику?.. Легче опсохни и моя правая рука, чшобъ я не могъ ею совершить крестное знаменіе! Разорви люшымъ землиемъ ушробу мою! Чшобы меня въ смершній часъ, вмѣсто спрашныхъ Хрисповыхъ Таинъ, напушшвоваль хохошъ сапаны!..

— Только шеперь узнаю въ шобъ прежняго Князя Мышинскаго, врага роду Нарышкиныхъ, друга Милославскихъ. Вошъ рѣчь, кошорая шобъ приспала! Она швоя, не заемная. Давно бы шакъ!

— Умирая, буду ее говорить. (Андрей опъ гнѣва шряся съ судорожнымъ движеніемъ.) Изъ могилы подамъ голось, что я былъ врагъ Нарышкинымъ и другъ Милославскимъ не словомъ, а дѣломъ; что я въ Царствѣ Петра основаль свое царшво, враждебное ему, болѣе Свейскаго; что сія вражда къ нему и роду его не умерла со мною и съ моимъ народомъ, что я засѣяль ее глубоко опъ моря Ледовишаго до Хвалынскаго, опъ Сибири до

Липвы, не на одно, на пѣсколько десяти-
ковъ поколѣній. Знай и ты, радушный
человѣкъ, жертвующій собою величію Пе-
тра Нарышкина! знай. . . (Денисовъ лу-
каво посмотрѣлъ на Владиміра) что въ
тебѣ самомъ печешь кровь Милослав-
скихъ.

— Милославскихъ? повторилъ Влади-
миръ, въ недоумѣніи связывая въ умѣ
своёмъ разныя догадки: пѣшь, пѣшь! ты
смущаешь меня. Какимъ образомъ Кропо-
шовъ въ родствѣ съ Милославскимъ? Я
этого никогда не слыхалъ.

— Въ тебѣ Кропотова пѣшь ни капли
крови.

Для чего-жъ мнѣ въ дѣтствѣ сказы-
вали за шайну, что я сынъ какого-то
Боярина Кропотова? На что-жъ Князь
Василій Васильевичъ Голицынъ и ты самъ
мнѣ объ этомъ не рѣдко напоминали?

— Такъ надобно было. Опшкрою тебѣ
болѣе: ты родился почти въ одинъ часъ
съ сыномъ Кропотова; ловкая бабка под-
мѣнила его тобою; онъ ошвезенъ въ Вы-

говскій скипъ, шамъ воспишанъ, и, если хочешь знашь, эпо попомъ самый молодой чернецъ, Владиміръ, по прозванію Девспвенникъ.

— Эпомъ агнецъ, эпа непорочная душа, которая ничего не знаетъ, никого не любипъ, кромъ Бога? можешь ли спашься?.. Попомъ что?

— Ты слылъ года два сыпомъ Кропотова; попомъ мнимый опецъ уступилъ тебя Князю Васплюю съ пѣмъ, чшобы никто объ эпомъ не зналъ; ты росъ богатырски: тебѣ придали слишкомъ 2 года. Человека два шайно проведали все эпо и подъ кляпвою рассказали за шайну Парышкинымъ; ложъ пошла за испину. Сами Парышкины по любви къ Кропотову выдавали тебя за сироту, издалека вывезеннаго; а всего эшого мы и домогались.

— Для чего-жъ вся эпа куперьма?

— Пужно было вывествъ тебя въ люди и скривъ грѣхъ твоей маперн.

— Моей маперн! По этому я сынъ...?

— Беззаконія.

— Сынъ беззаконія?... Какъ эшо любо!.. Порадовалъ ты меня! Сынъ преступленія?.. Высокое опродье, достойное Милославскихъ!

— Да, опрокомъ ты уже чувствовалъ въ себѣ кровь Милославскихъ; тогда уже рука твоя искала вырвать злой корень...

— Часъ ошъ часу легче! Опрокъ злодѣй!.. Эка честь! эка благодать!.. Ну, несунъ мой! скажи же ты мнѣ, какъ я попалъ къ Царевнѣ?

— Царевна Софія Алексѣевна, съ малолѣтства подруга твоей матери, взяла тебя на свои руки, когда тебя минуло десятокъ лѣтъ. Какъ она тебя любила, ты самъ знаешь. Сына не лзя болѣе любить.

— Сына?... Да! стоило Царевнѣ забопишься о шакомъ поганомъ сѣмени: лучше бы втопшашъ его въ грязь, опкуда оно вышло! И тебя пришла же охота повивать грѣхъ, ухаживать за нимъ,

чтобы опъ выросъ на пагубу чужую, свою, швою собственную! Ты бы...

— Я другъ Мпославскихъ, преданный моей благодѣтельницѣ, моей Царевнѣ... я болѣе... присовокупилъ съ припворнымъ участіемъ и любовью Андрей Денисовъ.

— Не говори, не говори мнѣ ничего, старикъ! вскричалъ Владиміръ, дрожа опъ изступленія. Не искушай меня!... Или — ишь, благодѣтель мой, утѣшитель, порадуй меня еще опвѣтомъ на одинъ вопросъ, — только одинъ вопросъ: кто родившая меня?

— На семь свѣтѣ ты этого не узнаешь.

— По крайней мѣрѣ, жива ли она еще?

— Жива, и въ започеніи.

— Видно, такъ же бѣдствуетъ, какъ и я. Несчастливая мать несчастнаго сына!... Впрочемъ, такъ и быть должно: грѣхомъ порождень грѣхъ, — что-жь можешь прозойдши, кроме зла? — Кто-жь започилъ ее?

— Пепръ Нарышкинъ.

— Царь Пешрь!... (Послѣ минушы задумчивоспи.) Такъ онъ погубилъ ее?

— Онъ.

— Правду ли говоришь?

— Покарай меня Всемогуцій Богъ, и Его небесныя силы, коли я говорю тебѣ ложь!

— Опъ сего часа бросаю все. Иду, слѣдую за побою. Скажи, что мнѣ надобно дѣлать? — Клянусь, что пойду за побою, какъ ребенокъ за кормилицею своею, какъ спруя за попокомъ. — Нѣшь, нѣшь! я не клянусь; я не клялся еще... Ты сказалъ мнѣ, что я на эпомъ свѣшѣ не узнаю имени машери и никогда ее не увижу.

— Никогда.

— Какъ блестяшь маковицы церквей пвоей родины! — произнесъ слѣпецъ по-Шведски вдохновеннымъ голосомъ: — въ храмъ пылаюшь тысячи огней; двери расшворяюшся, и паспырь выходилъ со Креспомъ на встрѣчу молодому спраннику!

Владимірь запрепеталя.

— Чшо говоришь эшошь сумасшедшій? спросилъ ересіархъ, боявшійся, чтобы жершва, которую онъ загналь въ свои сѣти, не вырвалась изъ нихъ: ибо онъ догадывался, что слѣнецъ въ чемъ-то остерегалъ Владиміра.

— Чшо онъ говоришь?... отвѣчалъ гордо и съ чувствомъ Владимірь: тебѣ эшого не понять, черствый старикъ! Я не иду за побою, искуситель; я не слушаю тебя. Чшо миѣ въ матери, которая отрекается отъ сына, не хочешь знать его, не хочешь его видѣть? Волчица не покидаетъ дѣтей своихъ; а моя?.. Нѣтъ у меня матери нѣтъ, какъ и вчера; забытый родомъ и племенемъ, я самъ забуду ихъ. И что миѣ помнишь, что миѣ любишь?.. Развѣ слова матери, отца — звуки языка непонятнаго — тѣби невиданныхъ вещей? Отступишь отъ меня; оставь меня моей судьбѣ, отецъ Андрей! Сжался надо мною: не загораживай миѣ пути къ моему счастью; не

опшнмай у меня шого, чего ты мнѣ не даль, чего не можешь дать — что уже мое! Прошу тебя, умоляю тебя Пречистою Божьею Матерью, Христомъ, распятымъ на Крестѣ — скажи мнѣ, какъ просишь тебя — ты знаешь, я ни передъ кѣмъ въ жизнь мою не преклонялъ колѣна — пожалуй, я паду къ ногамъ твоимъ...

— Я не допущу до шого сына... ея. Чѣмъ могу тебѣ помочь?

— Не препятствуй мнѣ быть на родинѣ.

— На родинѣ? — тебѣ?... Тебѣ не выдашь родины!

— Не выдашь!... Кто это сказалъ?... вскричалъ Владиміръ голосомъ, ошъ котораго задрожали стѣны, и вскочилъ со скамейки, будто готовился вступишь въ бой съ враждующими ему силами. — Кто это говоришь: не выдашь? А?... Господь Богъ мой! спань за меня и посрами моихъ враговъ.

— Не призывай имени Госиода швоего всуе, не бѣсиуйся и прочти лучше вошь

эту грамошку: ты увидишь изъ ней, что я долженъ съ тобою сдѣлать.

Андрей Денисовъ вынулъ изъ пазухи кожаную сумочку и изъ нея сложенную бумагу, которую подалъ Владиміру. Дрожащими руками послѣдній схватилъ листокъ и, взглянувъ на подпись его, произнесъ съ воспоргомъ и гореснію: — Рука Царевны Софіи Алексѣевны!

Да, примолвилъ вздохнувъ лукавый старикъ, бывшей Царевны, нынѣ инокини Сусанны!

Глаза Владиміра остановились на подписи. Равнодушный къ имени Софіи въ устахъ коварнаго старца, онъ шеперь приложился устами къ сему имени, начертанному ея собственною рукою. Какъ часто сія рука ласкала его!.. Тысячи сладкихъ воспоминаній влѣлись въ его душу; долго, очень долго вилась цвѣшочная цѣпь ихъ, пока наконецъ не оборвалась на памяти ужаснаго злодѣянія. Не эта ли рука вела его къ сему злодѣянію?.. Здѣсь онъ, какъ бы опомнившись,

повель ладонью по горьвшему лбу и произнесъ съ ужасомъ: — Чего она хочешь ошь меня?

— Твоего спасенія, непокорное, но все еще дорогое ей дитя! оливъчалъ ересіархъ: и меня избрала она швоимъ спасителемъ. Увидишь самъ изъ грамотки.

Листокъ бумаги, которой держалъ Владимірь, былъ слѣдующаго содержанія:

» Всемогущаго Бога избраннѣйшему Іерею и шайнѣ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Киновіарху Выговской пустыни, пречестному и возлюбленному отцу Андрею кланяюсь: временно и вѣчно ему радовашься и долгоденшвенно съшпипь міру, съ вѣрными всякаго возраста и званія, не токмо въ Поморіи, но и во всей Россіи пребывающими.

» А про насъ изволише о Христѣ любовно вѣдашь, и мы, дакъ Богъ, въ добромъ здравіи въ обители пребываемъ.

» Писаніе ваше чрезъ старца Митрофаца, Большой Носъ, получили вѣрно.

» И мы прочитавъ то ваше писаніе, не
» мало слезъ пролили. О коль печаль вне-
» запная и скорбь великая, что мой воз-
» любленный, мой Яковъ, появился въ Ли-
» фляндахъ, связался съ злодѣями и, под-
» служиваясь имъ, ищешь пущи въ оше-
» чество! Въ какой глубины преиспол-
» ненный неводъ рыба сія мечется! Мой
» злобствующій братъ и врагъ можешь ли
» вѣдать прощеніе? Сердце его поворо-
» щится ли на милость къ тому, кого я
» любила и все еще люблю такъ много?..
» Скорѣе обратись солище вспясть. Казнь,
» ошъ коей я его спасла, ожидаетъ его
» неминуемо. О! кабы я могла сказать
» Владиміру изустно, что для него нѣту
» родины, какъ для меня нѣту вѣнца и
» царства! Злодѣй насъ всего лишилъ. Во
» что ни стало, молимъ тебя, преподоб-
» ный отецъ и другъ нашъ, опыщи его,
» изжени изъ него всякъ лукавій и не-
» чистый духъ, явный и гнѣздящійся въ
» сердце; повѣдай ему, что для него нѣтъ
» родины; убѣди его идти въ Выговскую

» пустынь, сіе спасительное и крѣпкое
 » приспанище, гдѣ ожидаютъ его блага
 » земныя и небесныя, гдѣ онъ можешь, по
 » смерти равноапостольнаго жишїя и чи-
 » на пасыря, паспи на Евангельскихъ и
 » опческихъ пажитяхъ избраннѣйшее Хри-
 » стово спадо. Опъ имени моего накажи
 » ему сіе по любви и по власти; а буде
 » онъ явится пропивень, проклятіе мое
 » надъ его главою. Сами вы тогда судъ
 » прїимите и сотворите съ нимъ, что
 » разсудишь, не жалѣя... (Здѣсь нѣсколь-
 ко спрокъ было зачерчено.)

» Ежели бы сердечнаго сокровища клю-
 » чи, кромѣ Бога, въ чловѣческихъ ру-
 » кахъ обрѣшались: тогда бы тебѣ, о
 » священная глава, и братїи швоей и со-
 » вокупно всѣмъ вѣрнымъ, въ опверсныхъ
 » для васъ персяхъ моихъ возможно было
 » прочишашъ, какую къ вамъ любовь ден-
 » но и ношно пишаю. Во свидѣтельство
 » же сей любви... (здѣсь опять нѣсколь-
 ко словъ было помарано) понеже благоче-
 » стїе церковное любишь благолѣпіе.

» За симъ будете вы покровенни десни-
» цею вышняго Бога ошь всякаго искуше-
» нія вражія до конца житія своего. Спа-
» сайтесея всѣ о Хриспѣ въ любви; бодр-
» свуйтесе, укрѣпляетесе, подвизайтесе,
» и тако щецытесе, да поспигнете. Сіе ока-
» чивая, пребываю грѣшная о васъ молиш-
» венница, недостойная сестра Сусаина.»

Долго, въ угрюмомъ молчаніи, держаль Владиміръ прочитанное имъ писъмо Софїи Алексѣевны. То представлялись ему счастливые дни его отрочества и материнская любовь Софїи; но чудилось ему его пресупленіе; но волновало его душу сожалѣніе о слѣпцѣ, или манила къ себѣ родина, къ копорой, ему казалось, онъ былъ такъ близокъ. Если-бъ говорила въ писъмѣ одна любовь; но онъ, можешь быть, склонился бы на убѣжденіе ея. Но онъ читалъ въ немъ угрозы, проклятія — и для неперпѣливой, гордой души его, необычной носилъ ярмо, довольно было этого, чнобы ее раздражить.

— Чшо-жь ты намтрень дѣлать? спросилъ Денисовъ. Рѣшайся; или шеперь же за мною, или спупай съ проклятіями своей впорсой матери подъ плаху палача.

— Я давно рѣшился, отвѣчалъ съ швердостью Владимиръ. Прежде чѣмъ проклятія Царевны гремѣли надо мною, я поклялся умереть на родной землѣ. Пиши объ этомъ инокинь Сусаннѣ. Скажи ей, что милости Софій Алексѣевны къ сиротѣ для меня незабвенны и дѣроги; что я лобызаю ея руки, обливаю ихъ горячими слезами; что я ей предаю по гробу, по... ее не слушаюсь! Твои-жь угрозы меня не устрашаютъ. Ты долженъ бы звать меня лучше. Я самъ явлюсь въ станъ Русскій, явлюсь къ Шеремешеву, и тогда увидишь, кому Богъ поможетъ. Онъ спанешъ за меня, Богъ сильный!

— Такъ ни прошеніе, ни убѣжденія ничего не могли надъ тобою, непреклонная душа?

— Ничего.

— Знай же: я могу тебѣ приказать.

Владиміръ съ презрипелною усмѣшкою посмотрѣлъ на Денисова и произнесъ: — Ты?.. когда не могла ничего просьба самой Царевны!.. шш, дрянной старичишка?..

Эта усмѣшка, эти слова взорвали все брениое существо властолюбиваго спарика; досада завозилась въ груди его, какъ раздраженная змѣя; скулы его подергивало; рѣдкая бородка его ходила изъ стороны въ сторону; злоба захватывала ему дыханіе. Онъ весь разразился въ опвѣшь: — Такъ... знай, бездѣльникъ!.. я... швой отецъ.

— Отецъ, отецъ! вскрикнулъ Владиміръ голосомъ, опъ кошораго приподняло Конрада; вскочилъ со скамьи и дико озирался, хватая себя за горящую голову. — Скажи еще что нибудь, старикъ, и я задушю тебя!

Послѣдовало нѣсколько минушь молчанія. Владиміръ долго смотрѣлъ съ ужасомъ и робостью на Денисова взоромъ, кошорый, казалось, обворожилъ его своею

неподвижносью, и наконецъ дрожащими губами въ полголоса выговорилъ :

— » Нѣтъ. . . не можешь быть ! . . ты не отецъ мнѣ.« Попомъ, въ судорожномъ движеніи схвативъ Конрада за руку, прибавилъ тихо : — » Не выдержу ! пойдемъ, отсюда, Конрадъ ! . . я продрогъ до костей.« — Еще съ ужасомъ и робостію посмотрѣлъ онъ на Денисова и, безпре-спанно озираясь, вывелъ слѣпца изъ хижины.

Проклятія бѣсновавшагося Денисова долго гремѣли въ слѣдъ Владиміру. » Не пощажу, не пощажу крови ея ! « кричалъ онъ. На крикъ сей прибѣжали его служители. — Составлено наскоро совѣщаніе, и постановлено : догнавъ слѣпца и его поварища, разлучить ихъ силою и связавъ увезши послѣдняго съ собою; но адскій совѣтъ былъ разстроены послышавшимися издали двумя голосами, разговаривавшими по-Русски. Они довольно внятно раздавались по зарѣ, уже занимавшейся.

Раскольники спали прислушиваться къ нимъ, завернувъ за избу.

— Эй, брашъ, Удалой! — говорилъ голосъ — послушай меня: брось добычу. Право слово, эшотъ рыжій мальчишка былъ самъ сашана. Видѣлъ ли, какъ онъ всю почъ щерилъ на пасъ зубы? то забѣжишь въ одну сторону, то въ другую. Подшупилъ лихо надъ нами! Легко ли? потеряли изъ-подъ носу авангардію и навѣрнякъ попадемъ не на Черную, а на чоршову мызу.

— Добышое кровью не опдамъ, хопъ бы самъ лѣшій вспунился за него! слышался другой голосъ. Опложу долю на мѣспную свѣчу Спасу Милоспивому, другую раздамъ нищей брашн, а остальными и Богъ велишь владѣть. Да, вопъ и жиле: смотри въ оба, шрусъ!

Вижу-спа избушку на курьихъ ножкахъ. Избушка, избушка, спань къ намъ передомъ, а къ лѣсу задомъ! Чуръ, да не баба ли Яга, костяная нога, ворочается

тамъ на помель? А что-то возишься, съ нами крестная сила!

Авраамъ схватилъ осторожно Денисова за рукавъ кафшана и сказалъ ему въ полголоса: — Отойдемъ отъ зла, ошце Андрей, и сотворимъ благо.

Ересіархъ успѣлъ разглядѣть, что приближавшіеся къ избѣ были два солдата Русскіе, и что одинъ изъ нихъ прихрамывалъ, а у другаго перевязана была голова. Не говоря ни слова, онъ пошелъ имъ на встрѣчу.

— Кажись, не Лашыши и не Шведы — гворили между собою солдаты: однакъ на всякой часъ наспроимъ свои балалайки.

Тупъ солдаты оспановились, изготовили свои мушкеты къ бою, тронулись опять тихимъ шагомъ и, поровнявшись съ раскольниками, оба разомъ крикнули молодецки: — Что за люди?

— Пустынножители! отвѣчалъ Денисовъ. Миръ вамъ отъ Бога, православные!

— Ай, да это наши, Русскіе! вскричалъ одинъ солдатъ. Шли на волковъ, а

попали на барановъ. Да вошь и чернецъ. Благослови, опче!

Солдашь подошелъ подь благословеніе Авраама; шоварищъ послѣдовалъ его примѣру. Авраамъ съ важностію благословилъ ихъ.

— Куда же вы пущь держите, добрые люди? спросилъ Денисовъ.

— А вошь изволишь видѣшь, отвѣчалъ одинъ изъ солдашь: въ славной башаліи подь Гуммелемъ, гдѣ любимый Шведскій Генераль Шлицценбахъ унесъ отъ насъ только свои косточки — вы, чай, слышали объ эшой башаліи? — вошь въ нейшо получили мы съ шоварищемъ по доброй орѣшинѣ, я въ голову, онъ въ ногу, и выбили изъ строя. Теперь пробираемъ на родимую сторону заживишь раны боевыя.

— Въдомо ли вамъ, сказалъ ересіархъ, что за нѣсколько попріщъ опсель, на Черной мызѣ, стоишь опрядь Шведскій?

— На все-то мы и маршируемъ, прямо таки на Шведскій карауль; да, хваспашь нечего, идемъ-то не одни, за ошрядомъ Князя Василя Алексѣевича Вадбольскаго.

— Коѣ лукавій завелъ васъ сюда! Вѣдь, вы съ дороги сбились.

— Вошь-ше на! Удалой, говорилъ я тебѣ, что рыжій сыграетъ шшуку...

— Коли хошите, продолжалъ ересіархъ, я укажу вамъ путь на мызу, только попросу за шруды.

— Ну, распоясывайся, камрадъ!

— Господи упаси, за услугу своимъ брашьямъ православнымъ брашь деньги! Нѣшь, не объ эшомъ хочу васъ просить.

— А что же надобно тебѣ, ваше благо-родіе?

— Экой болвапъ! прервалъ своего товарища солдапъ, дергая его за мундиръ: говори, преподобный опче!

— Вошь видише, добрые люди, и я былъ некогда Князь. — Солдапы сняли съ почтеніемъ шляпы и спали во Фруншѣ.

— Надѣвайше-ка своихъ жаворонковъ на голову и выслушайше меня. Миѣ есть до Фельдмаршала Бориса Пепровича слово и дѣло; Царю оно очень угодно будетъ; узнаешь объ немъ, такъ сердце ево разыграетъ, аки солнышко на Свѣшное Христово Воскресенье.

— Говори, Бояринъ, что за дѣло — сказала одинъ изъ солдатъ.

— Ради Царю нашему башюшкѣ службу сослужить, прибавилъ другой.

Здѣсь Денисовъ опвелъ солдатъ въ сторону и сказалъ имъ въ полголоса: — Въ Лифляндахъ бѣгаешь одинъ спрѣлецъ, злодѣй, какого мѣръ не родилъ другаго; подкупленъ онъ сестрою Царя, Софіею Алексѣевою, избытъ, во что ни стало, Его Царское Величество. Пепра Алексѣевича богатырское сердце не утерпикъ не побывалъ у своей вѣрной армин. Тутъ-то бездѣльникъ уловилъ часъ добратся до Всепресвѣшлѣшаго нашего, Державнѣйшаго Государя Я посланъ Царскою Думою съ наказомъ, какъ можно,
Часть III.

дашь знашь о злодѣйскомъ умыслѣ Фельд-маршалу; но боюсь съ нимъ разошпиться. — Ктому-жъ силы меня покидаютъ: долго ли смертному часу застигнуть на дорогѣ? и тогда не мудрено, что все-краснѣйшее, Всероссійское солнце скроется отъ очей нашихъ и покинетъ государство въ сиротствѣ и скорбѣхъ. Коли вы вѣрные слуги Царскіе и хопите получить награду; то доставьте грамотку въ собственныя руки Бориса Петровича. Можеть спасться, и я встрѣчу его; все-таки и тогда ваше усердіе не пропадетъ.

— Беремся за это дѣло, закричали оба солдата.

— Награди ихъ Господи своими милостями! сказалъ Денисовъ, возведя очи къ небу.

Съ нимъ была чернилъница и всѣ принадлежности для письма. Изъ хижины вынесена доска и поставлена на два пня: она служила письменнымъ столомъ. Посланіе было наскоро изговлено, отдано одному изъ солдатъ, который казался

болѣе надежнымъ, и привязано ему на крестъ. Служивые выпровожены съ благословеніемъ на дорогу къ Менцену, давъ клятву исполнить сдѣланное имъ порученіе. Съ другой стороны начальникъ раскольниковъ, довольный своими замыслами, отправился съ брашьею, куда счелъ надежнѣе.

Хозяева хижины проснулись, когда и слѣды гостей ихъ проспыли. Пальба къ сторонѣ Менцена доложила имъ, что сіе съ зелеными опять капающъ чоршовы шары.



Глава шестая



КАЖЕТСЯ, МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ.

*Уже-ль загадку разрѣшили?
Уже ли слово найдено?*

Пушкинъ.

На мызѣ Blumenшросовой, по видимому, не было никакой перемены съ того времени, какъ мы ее оставили. Также какъ и въ началѣ повѣсти нашей, сидѣла въ задумчивости на балконѣ пригожая Швейцарка; одинаково расположились въ саду, на скамьѣ, слѣпецъ, повариха его и Швейцарецъ; а Нѣмой, раскинувшись на правѣ, слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и по временамъ упиралъ слезы.

Будто и рѣчь вели собесѣдники все шу же, что и тогда. За то окрестности мызы во многомъ измѣнились. На огромномъ крестѣ, обладавшемъ долиною мертвецовъ и загораживавшемъ собою полнеба, сіялъ мѣдный складень, который, вѣроятно, набожные Русскіе прибили, чтобы охранить имъ опъ навѣстовъ нечислаго могилу повариха. Къ сторонѣ Менцена курился дымный столбъ, свидѣтельстввавшій о развалинахъ сей мызы, и бѣлѣлся спанъ Русскій. По окольной дорогѣ, прежде столь уединенной, вмѣсто Баронской кареты, едва двигавшейся изъ Мариенбурга по пескамъ и заключавшей въ себѣ прекрасную дѣвушку и старика, Лютеранскаго Пастора; вмѣсто высокаго Шведскаго рыцаря, на пощей, высѣкой лошади сопровождавшаго экипажъ, какъ шень его, пробирались къ Мариенбургу то Азіятскіе всадники на лепучихъ коняхъ своихъ, то увалистая артиллерія, то пѣхота Русская. По временамъ слышна была пѣсня:

Изъ славнаго изъ города изъ Пскова
Подымался Царевъ Большой Бояринъ,
.. Борисъ сударь Пепровичъ Шеремешевъ.
Онъ со конницею и со драгуны,
Со пѣхотными солдапскими полками,
Не дошедши *Красной мызы*, спановился. . .

Еще надобно прибавить, что у ворошь мызы, въ рамъ за проволочной рѣшеткой, прибитъ былъ охранный листъ уже не съ подписью и печатью Генераль-Вахтмейстера Шлиппенбаха, но съ подписью Фельдмаршала Шереметева. Всѣ обстоятельствова сіи показывали, чья спорона взяла верхъ: такъ побѣдитель все оборачиваешь на свою сторону и влечешь за собою.

Едва я не забылъ сказать, что въ окошко нижняго этажа мелькали два новыя лица. Одно изъ нихъ былъ Шведскій Офицеръ, молодой, привлекательной наружности, но такой блѣдный, что походилъ болѣе на восковое изображеніе, нежели на живое существо. Казалось, онъ

смотря, ничего не видя, слушалъ не внимая. Изрѣдка глаза его оживлялись; онъ вздыхалъ и улыбался, какъ умирающій продолжительною болѣзнію, когда ему говорять, что онъ скоро выздоровѣетъ. Сіи признаки жизни возбуждали въ немъ магическія слова, произносимыя челоѣкомъ, напрошивъ его сидѣвшимъ. У этого челоѣка сквозь сладость сѣроголубыхъ глазъ и рѣчей проникало лукавство бѣса — не того, который съ шумомъ вооружался, какъ Титанъ, противъ своего Творца, но того, который вкрадчиво соблазнилъ первую женщину. Одинъ былъ Густавъ Траушфеттеръ, потерявшій все, чѣмъ красялся дни челоѣка — свободу и надежду — все, кромѣ любви, не покидавшей его на зло обстоятельствамъ. Утѣшитель былъ Никласзонъ, съ осторожностію врача разсказывавшій то, что зналъ о чувствованіяхъ къ нему Луизы. По временамъ продажный Секретарь Баронессы Зегевольдъ и подкупленный агентъ Пашкулевъ съ

пзумленіемъ посмаприваль сквозь стекло окошка на Владиміра, этого мнимаго шпіона Генераль-Вахпмейстера. Мирно съ нимъ сойшлись подь кровомъ, равно для нихъ гостепрімнымъ, казалось ему чьмъ-то чудеснымъ. Одинъ человекъ могъ только объяснить эту странность, и его-то поджидалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Перемежавшаяся по дорогѣ изъ Менцена пыль, которую установили-было на ней шедшіе мимо Русскіе полки, снова поднялась, и сердце Розы сказала глазамъ ея, что ѣдетъ шестъ, кому предалось оно съ простодушіемъ, свойственнымъ пастушкѣ Альпійской, и спрашю, рѣдкою въ ея лѣта. Какъ она любила его! Для него Швейцарка могла забыть свои горы, отца и долгъ свой.

Роза была уже у воротъ мызы, попому чино къ воротамъ подѣхаль Господинъ Фишерлингъ (имя, которое даваль себѣ Пашкуль въ Швейцаріи, во время своего бѣгства, и удерживаль на мызѣ друга своего Блуменшроста, гдѣ укрывался онъ

преслѣдованій власти и своихъ враговъ, и откуда дѣйствоваль противъ нихъ съ своими друзьями и лазутчиками). Блѣднѣя, вспыхивая и дрожа, Швейцарка схватила за узду бойкаго коня прїѣзжаго. Животное безъ сопротивленія ей опдалось. «Здорова ли ты, милая Роза?» спросилъ Пашкуль, съ нежностью остановив на ней взоры. — «Тенерь здорова!» отвѣчала она, и спѣшила проводить лошадь, чтобы скрыть радость свою отъ прощипательныхъ глазъ Фрица, слѣдовавшаго за своимъ господиномъ.

Никласонъ, чужьемъ узнавшій о прїѣздѣ своего высокаго довѣрителя, и бѣжавшій сломя голову, чтобы его встрѣпить, вдругъ остановился; но видя опять, что онъ не помѣха, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, превратился весь душою и шѣломъ въ поклонъ, и спѣшилъ поздравить Его Им-во съ благополучнымъ прибытіемъ въ свою резиденцію послѣ такихъ трудовъ и одержанія столь знаменитой побѣды надъ Карломъ XII. Гене-

раль-Кригскомиссаръ съ своей спорсны поздравилъ его пѣмъ, что велѣлъ сосставишь счетъ, сколько запрачено имъ собственннхъ денегъ изъ усердія къ пользѣ общаго дѣла, назначилъ ему богатую награду, обезпечивавшую его на всю жизнь; но совѣщивалъ ему скорѣе удалиться въ Саксонію, куда обѣщался дать ему рекомендапельныя письма. »Такіе люди, какъ ты« сказалъ Паткуль, положивъ ему руку на плечо »нужны мнѣ при тамошнемъ Дворѣ. Тамъ можешь продолжашь служишь мнѣ и Россіи. Здѣсь въ арміи постъ мой кончился, и съ эшимъ изменяется швоя должность. Доволенъ ли ты?« Никласзонъ кланялся и показывалъ, что отъ радости не въ состояніи говорить. Дѣйствительно распоряженіе его патрона не могло быть для него лучше, ибо избавляло его отъ висѣлицы и давало ему способности начашь жизнь честнаго и значущаго челоуѣка. Видно однако-жъ было, что во все время разговора, исполненнаго милостей, Паткуль избѣгалъ съ нимъ сблн-

жепій: шакъ червя, на кошораго ловяшь рыбу, брашь въ руки гадко. На вопросъ Эліаса, какимъ образомъ главный агентъ Шлинненбаха находится въ одномъ съ нимъ обществѣ, ему сдѣлали также вопросъ, какимъ образомъ вѣрный Секретарь дипломатки очутился въ обществѣ ея врага. — Нынѣ люди такъ хитры, сказалъ Паткуль, что трудно узнать, кто какой стороны держится... Закусивъ языкъ и внутренно негодуя, что имѣли для него тайну, Никласзонъ поспѣшилъ, между тѣмъ, согнать морщины со лба своего, и унизженно согнувшись въ дугу, последовалъ за Паткулемъ къ скамейкѣ, гдѣ сидѣли собесѣдники, о коихъ мы упомянули.

Владиміръ въ глубокой задумчивости черпилъ палкой по песку слова: *Софьино, Коломенское, Москва*, — слова, непопятныя окружавшимъ его, но милыя ему, какъ узнику привѣтъ роднаго голоса сквозь рѣшетку тюремную. Никто изъ нихъ не слышалъ пріѣзда высокаго гостя.

»Богъ помочь!« закричалъ Пашкуль, подкравшись сзади и ударивъ Владиміра по плечу. »Такъ-то встрѣчаютъ друзей?« На это привѣтствіе, роднымъ языкомъ Владиміра выговоренное, привсталъ онъ слегка, поклонился и радостно произнесъ: — »Милости просимъ, гость желанный!« Дружеское пожатіе руки было ему отвѣтомъ. Товарищей его привѣтствовали также Пашкуль ласковыми словами; но замѣливъ, что Швейцарецъ холодно и угрюмо кивнулъ, спросилъ его о причинѣ его суровой задумчивости. — »Э! господинъ, чему веселишься?« отозвался этакъ сухо. »Пора спарымъ костямъ на покой; а здѣсь некому будетъ и похоронить меня, какъ Швейцарца.« — »А дочь?« перебилъ Пашкуль. Не было отвѣта; но спрашивавшій прочелъ его въ тревожной душѣ своей. Дипломатъ смѣшался, хотѣлъ сказать что-то слѣпцу, все еще сидѣвшему на одномъ мѣстѣ; но встрѣшивъ также на челѣ его укоръ своей совѣсти, спѣшилъ, схвативъ Владиміра за руку, удалиться отъ

доказчиковъ пресупленія, которое, думалъ онъ, только Богу извѣстно было.

Горестно пожалъ Фрицъ руку благородному сыну Гельвеціи, и эпонъ привѣщивоваль его шѣмъ же.

Когда Пашкуль оспался въ саду одинъ съ Владиміромъ, первый вынулъ изъ боковаго кармана муцира двѣ бумаги и, отдавая одну своему агеншу, сказалъ ему: — Не думай, другъ, чтобы я не понималъ тебя и не умѣлъ цѣнить. Чувствую, что ты сдѣлалъ для меня, для Россіи, и стараюсь отблагодарить тебя. Не предлагаю тебѣ денегъ: это цѣна заслугъ Никласзона. Вотъ свидѣтельство за подписью Шереметева. Въ этой бумагѣ означено, чѣмъ обязанъ тебѣ Царь Русскій. Поздравляю тебя съ паспортомъ въ твою родину.

Владиміръ дрожащими руками схватилъ бумагу и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Я оставляю армію и мое опечество, продолжалъ Пашкуль: и потому сѣвшиль съ шобою разчеспись. (Это

извѣстіе, казалось, встревожило Владимира.) Судьба моей жизни я въ другомъ мѣстѣ: она сблизжаетъ меня съ Карломъ къ его или моей гибели. Что дѣлать? Я долженъ съ тобою разстаться. Холодная математическая полишка Шереметева превращаетъ мое отечество въ степь, чтобы Шведамъ негдѣ было въ немъ содержать войско и снова дать сраженіе, какъ будто Полководецъ Русскій не вадѣется болѣе на силы Русскаго воинства — воинства, коего духъ расстаетъ съ каждою новою битвой. Я не могъ смотрѣть на это обдуманное, цифирное пошворство грабежу и зажигательству. Душу мою взорвало; она передала Фельдмаршалу все, что ей прошивно было. Можешь спастись, я сказала слишкомъ много; можешь спастись, я долженъ былъ болѣе уважать въ немъ заслуги, благоразуміе и духъ, истинно геройскій, когда онъ лицомъ къ непріятелю, а не въ палаткѣ своей. Но я видѣлъ пожаръ моего роднаго края — и не

видалъ ничего болѣе! Мы поссорились. Давно Государь предлагалъ мнѣ командование корпуса въ Польшу, или значительный постъ при Дворѣ Августа, извѣстномъ мнѣ болѣе стана Русскаго. Тамъ буду я представителемъ Русскаго Царя, а здѣсь я только докладчикъ его Генерала; тамъ мы сблизимся съ моимъ пріятелемъ Карломъ! — Возьми тебѣ еще письмо къ самому Царю. Не ищи къ нему доступа черезъ вельможъ его; старайся найдти случай встрѣпнть самага Петра. Прямо къ нему — безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и сердца его! Это не Карлъ. Вѣрь мнѣ, Царь грозенъ для одного зла; великій умѣешь цѣнить все великое; онъ забываетъ себя, когда дѣло идетъ о благѣ отечества. Но не подумай, чтобы, исполняя твое желаніе и свой долгъ, я хотѣлъ оторвать тебя отъ войска Русскаго. Прошу тебя, Вольдемаръ, другъ мой, не покидай его своею помощью; ибо всѣ, кто ни служилъ общему нашему дѣлу, потеряли свое назна-

ченіе. Фрицъ болѣе не кучеръ у Баронессы и не коноваль въ Шведскомъ полку; Никласзонъ кончилъ свою роль при дипломаткѣ; Блуменшросшу некого лечишь въ землѣ опустошенной; любовь моего племянника не поможетъ намъ болѣе, а развѣ сама потребуетъ нашей помощи; несчастная Ильза все для насъ сдѣлала, что могла, и вѣроятно исполняешь теперь свое предопредѣленіе. Ты одинъ у меня здѣсь остаешься; ты долженъ замѣнить меня въ Лифляндіи. Хотя кора снята съ глазъ Шлиппенбаха и связи съ нимъ распоргнуты своимъ нешернѣишемъ; но ты держись еще волшебною нитью за Мариенбургъ. На дняхъ начнется его осада. Объ измѣнѣ твоей дѣлу Шведскому тамъ не узнаютъ; ибо всѣ сношенія съ сею крѣпостью уже пресѣчены. Решившій выходець Брандтъ захваченъ со всемъ отрядомъ по милости твоей и бывшаго Баронессина кучера. Свидѣтельство, данное тебѣ Шлиппенбахомъ и предъявленное Цейгмейстеру въ

долинѣ мертвецовѣ, естъ ключь, кошо-
рымъ можно еще оппереть Мариенбургъ.
Пользуйся этими обстоятельствоми; поль-
зуйся всеми тонкостями полишки, мною
преподанной тебѣ, ученикъ, не всегда
покорный ей! Спайся войдши въ ми-
лосць къ Пастору Глику, къ воспитан-
ницѣ его, которыхъ Вульфъ послѣ Коро-
ля болѣе всѣхъ любишь, хотя чувства
его не пробиваются наружу сквозь прой-
ную броню солдатчины. Все прочее до-
вершишь любовь своя къ родинѣ.

Владиміръ весь горѣлъ благодарностію.
Изъясненіемъ ея доставилъ онъ Папкулю
чистѣйшее удовольствіе, какового послѣд-
ствіи эпошъ не испытывалъ уже болѣе.
Драгоценныя бумаги положилъ Влади-
міръ въ башмакъ, крѣпко стянувъ его
шпиблешами. »Какъ легко буду шенерь
спунать на эту ногу!« сказалъ онъ съ
восхищеніемъ, пожимая руку того, кто
наградилъ его такимъ сокровищемъ.

— Кешаши, продолжалъ Папкуль, я

долженъ поздравить шебл съ новымъ опекуномъ.

— Я доволенъ и шѣмъ, котораго ше-
перь имѣю, отвѣчалъ Владиміръ: не о
добромъ ли Вирѣ говорите вы?

— Пѣшь, собсѣмъ не объ эшомъ благо-
родномъ чудака. Твой новый опекунъ Рус-
скій, Полковникъ, чудо-богатырь.

— Не опгадаю.

— Эшо Князь Вадбольскій.

— Понимаю, шопѣ самый Князь, кошо-
рый первый изъ Русскихъ взошелъ на
Гуммельсгофскую гору?

— Онъ въ эшомъ день спалъ выше
всѣхъ. Только ты, вѣрно, не понимаешь
его опиошеній къ шебѣ. Я не намѣренъ
шебл долѣ поминъ. Слушай же: шайна
швоей жизни разоблачается. Въ сраженіи
убишь Полковникъ Полуекшовъ. Когда
спали его хоронишь, нашли въ мундирѣ
его завѣщаніе, писанное его другомъ Кро-
пошовымъ.

— Кропошовымъ? произнесъ робко Вла-
диміръ, поблѣднѣвъ.

— Да! и эшотъ Кропошовъ, герой, падшій вмѣстѣ съ своимъ другомъ на той полосѣ земли, гдѣ навсегда похороненъ ужасъ Шведскаго имени, герой, коего память станеть на спражѣ Гуммельсгофа — наконецъ эшотъ рыцарь Христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей... твоей отецъ.

— Господи! о, когда бы это такъ было!.. Но нѣтъ, не вѣрю, не можешь бытъ; есть важныя доказательства противъ этого. Я не сынъ благороднѣйшаго воина; а незаконное отроче какого нибудь преступника, мнѣ подобнаго.

— Какихъ лучше доказательствъ нужно тебѣ, невѣрующій, какъ не признаніе самаго отца? Князь Вадбольскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, давалъ мнѣ читать завѣщаніе. Видя, что оно имѣло къ тебѣ несомнительныя отношенія, я сдѣлалъ изъ него выписку. Вотъ она — присокупилъ Пашкуль, вынулъ изъ камзола бумагу и подавъ ее Владиміру — прочи ее и удостовѣрься, что Судьба, ли-

шивъ себя опечесства и опца, возвращаешь себя первое, благородное имя и мать, которой ты можешь быть еще подпорою и утѣшителемъ.

Выписка изъ завѣщанія Кропотова была чипана и перечипана Владиміромъ съ нешерпѣніемъ и вниманіемъ, свойственными его положенію. Вошь она, почти слово въ слово. Надобно помнишь, что Пашкуль передѣлалъ, большею частію, слогъ завѣщателя на свой ладъ.

» Въ 16 . . . году дня (чисалъ Кропотовъ) во время крашковременной
 » оплучки моей изъ дому, жена послѣ
 » шрудныхъ родовъ произвела на свѣшъ
 » сына, нареченнаго Владиміромъ, по обы-
 » чаю нашихъ предковъ, именемъ Свяша-
 » го, приходящаго въ осьмой день. Жена
 » говорила, что это будешь необыкно-
 » венный ребенокъ, пошому что онъ, уви-
 » дѣвъ свѣшъ въ первый разъ, закричалъ
 » спраннымъ голосомъ, какъ будто два
 » ребенка кричали разомъ. Ему было два
 » года, когда пріѣхалъ ко мнѣ Андрей Де-

» нисовъ, изъ рода Князей Мышинскихъ.
 » Нечаянно увидѣлъ онъ дѣтя на рукахъ
 » у мамки, долго любовался имъ и сшалъ
 » находишь въ немъ сходство съ Княземъ
 » Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ.
 » Мы этому смѣялись; однако-жь съ того
 » времени въ самомъ дѣлѣ прѣискивали сіе
 » сходство и не дивились этому, ибо
 » Князь Василій былъ мнѣ близкій родст-
 » венникъ по женѣ. Въ скоромъ времени
 » онъ самъ посѣтилъ насъ изъ любопыт-
 » ства увидѣшь дѣтя, которое было на
 » него такъ похоже. Маленькій Влади-
 » мѣръ за ласки его плашилъ шѣмъ же по
 » своему; онъ пошелъ къ нему охотно на
 » руки и не охотно сошелъ съ нихъ. Дол-
 » го ушѣшался имъ Князь Василій. Чаше и
 » чаше началъ онъ посѣщать насъ, что
 » не мало удивляло всѣхъ и возбудило во
 » многихъ зависть; ибо онъ былъ тогда
 » при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ во вре-
 » мени. Наконецъ онъ такъ полюбилъ на-
 » шего Владимѣра, что спалъ просить
 » его къ себѣ вмѣсто сына, обѣщаясь вы-

» вещь его въ люди, отказать ему по
» записи свою Красную отчину близъ
» Рязани и мнѣ на покупку крестьян-
» скыхъ дворовъ дать тысячу рублей. Съ
» своей стороны я долженъ былъ записать
» нашу сдѣлку не только отъ его жены,
» которую онъ не любилъ, но и отъ
» всѣхъ вообще, совершенно распаться
» съ сыномъ и никогда не смѣлъ назы-
» вать его своимъ, что обязывался я под-
» твердить клятвою. Я и жена сначала
» испугались — было такого предложенія;
» но подумавъ, что у насъ еще два сына,
» все погодки, одинъ краше другаго, на-
» дѣясь, что наше семейство приумно-
» жится и впередъ, и посовѣтовавшись съ
» Андреемъ Денисовымъ, рѣшился не мѣ-
» шать благополучію Владиміра нашего.
» Въ это время нужды окружили насъ со
» всѣхъ сторонъ, и къ мысли о счастьи
» сына присоединилось проклятое жела-
» ніе себѣ добра. Жена моя — таковъ
» былъ уговоръ — поѣхала въ Коломну
» къ своей родственницѣ; на дорогѣ, именно

» въ Софѣино, ошлакавъ Владиміра, кошо-
 » раго въ послѣдній разъ назвала своимъ,
 » сдала его новому отцу его; возвращаясь
 » же домой, распустила слухи, что сынъ
 » ея на дорогѣ померъ. Казалось мнѣ, шоль-
 » ко два челоуѣка, Князь Василій и Де-
 » нисовъ, знали нашу тайну; но, видно,
 » гдѣ два челоуѣка замѣшаются, шамъ
 » вмѣшается навѣрно и лукавый. Вскорѣ,
 » къ удивленію нашему, дошли до насъ
 » вѣсти, что слухамъ, нами распушен-
 » нымъ, не имѣють большой вѣры. Не
 » смѣли говорить, что я уступилъ или
 » продалъ своего сына, ибо временщикъ
 » по власти своей могъ тогда зажать
 » ротъ желѣзною рукой; однако-жъ самые
 » приближенные Нарышкиныхъ намѣкали
 » мнѣ глазами и усмѣшкою о томъ, что
 » я желалъ скрыть. Къ стыду отъ людей
 » примѣшались угрызения совѣсти. Вездѣ
 » началъ преслѣдовать меня гомось: ты
 » продалъ своего сына! Упраты послѣдо-
 » вали за упратами: жена моя хотя и ро-
 » дила еще сына, но въ теченіе пяти

» лѣтъ померли у насъ два старшіе; дво-
» ры, купленные на кровныя деньги, по-
» лученныя ошъ Князя Василья за наше
» дѣшнице, сгорѣли; въ двѣ жашвы собра-
» ли мы одну солому; скопѣ падалѣ; нача-
» лись Спрѣлецкіе мятежи, и я едва не
» лишился тогда головы за преданность
» мою дому Нарышкиныхъ; воспиташель
» и впорой опець моего сына палъ въ
» безвременье, и село Красное, назначен-
» ное воспитаннику, отдано Гордону. Нѣ-
» сколько лѣтъ не видали мы Владиміра;
» однако-жъ вѣсти объ немъ не урѣжали.
» Пригожъ, не по лѣшамъ спленъ и разу-
» менъ, онъ одолѣвалъ въ борьбѣ мальчи-
» ковъ, старшихъ его нѣсколькими года-
» ми, за что прозвали его Ильєю Муром-
» цемъ, и въ разсужденіяхъ съ спариками
» заспавлялъ ихъ умолкашъ своими убѣж-
» деніями. По онъ же былъ всимъльчивъ, не
» любилъ никому усшудашъ, поднималъ
» голову выше дѣшей Княжескихъ, и го-
» ворилъ, что будетъ первымъ Бояри-
» номъ Русскимъ. Гордосшью не въ родѣ

» нашъ, говорили мы съ женою, а весь
 » въ Великаго (шакъ звали Князя Василья).
 » Наконецъ мы увидѣли Владиміра, жена
 » въ домъ Княжескомъ, я въ храмъ Божи-
 » емъ. О! никогда не забуду я дня сего!
 » Черныя, живыя очи его устремились
 » разъ на меня и врѣзались въ моей па-
 » мяши и сердць. Женѣ позволено было
 » видашь его пошаенно: она цѣловала его,
 » обливала своими слезами; но кляшвы не
 » смѣя нарушишь, не называла его сы-
 » помъ. Я снималъ съ ея губъ поцѣлуй
 » Владиміра; мы мѣшали вмѣстѣ наши
 » слезы и казались счастливые. Разъ при-
 » шли намъ сказать, что воспишанникъ
 » Князя Василья взять въ перемъ Царев-
 » ны Софіи Алексѣевны и что онъ сдѣ-
 » лался ея любимцемъ. Это насъ огорчило
 » шѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ былъ
 » нравъ ея, избалованный опцомъ и ма-
 » терью, и раннія спраски, незнавшія
 » препяшспвій уже съ 14-лѣшняго ея воз-
 » распа. Можно сказать, что душа и
 » шѣло ея и брата ея Пепра Алексѣе-

» вича рано возмужали, одной на гибель,
» другому на славу и благо Россіи. Женѣ
» моей, на прежнихъ условіяхъ, дозволено
» было изрѣдка видѣть Владиміра. Она по-
» дарила ему маленькія гусли, на кото-
» рыхъ приклеена была картинка съ изо-
» браженіемъ Ильи Муромца. Эпоть по-
» дарокъ привелъ его въ восторгъ. Съ
» того времени въ немъ оказался необык-
» новенный даръ музыки: со слуху разыг-
» рывалъ онъ духовныя пѣсни и пѣсни хо-
» роводныя такъ, что его заслушивались.
» Царевна была отъ него безъ ума; по-
» вскорѣ привязанность ея къ нашему
» сыну сдѣлалась ревнива. Въ 1683 году
» вовсе запрещенъ былъ входъ женѣ моей
» въ перемъ Софіи Алексѣевны.»

Здѣсь кончалась выписка изъ завѣщанія
Кропошова.

— Остальное я не почелъ нужнымъ
приобрѣсть — сказалъ Папкуль, увидѣвъ,
что Владиміръ кончилъ чтеніе бумаги:
повѣствованіе дальнѣйшаго пребыванія
твоего у Царевны и твоихъ несчастій не

сходно съ описаніемъ, которое ты мнѣ сдѣлалъ. Отецъ твой, какъ и многіе другіе, получилъ о смерти твоей вымышленныя извѣстія. Въ концѣ завѣщанія описываетъ онъ потерю единственнаго, оставшагося у него сына, служившаго въ Семеновскомъ полку и посланнаго за рекрутами въ Новгородское воеводство. Этого удара не могъ онъ выдержать и, по видимому, искалъ смерти въ битвѣ. Онъ умолялъ друга своего Полуектова принять на себя попеченія о матери твоей, поставилъ придѣлъ во имя Святаго, твоего Патрона, въ церкви Троицкаго посада, гдѣ совершилась твоя мнимая казнь, учредилъ поминовеніе по душѣ твоей и взять на воспитаніе бѣднѣйшаго сироту вмѣсто сына. Что скажешь на это, другъ? Ты и теперь будто сомнѣваешься?

— Справедливо многое, что здѣсь описано, сказалъ Владиміръ, читавшій досель выписку изъ завѣщанія Кропотова съ жаднымъ и грустнымъ вниманіемъ.

Пригожая, добрая женщина, подарившая мнѣ гусли, и теперь предспавляется мнѣ, какъ въ сновидѣніи; но и теперь скажу: она не была моя мать. Выслушайте, что открылъ мнѣ самъ Андрей Денисовъ, встрѣпившійся со мною на дняхъ въ жилищѣ здѣшняго лѣсника.

Тутъ Владиміръ пересказалъ Пашкулю разговоръ свой съ коварнымъ спарикомъ. Выслушавъ повѣсть, Рейнгольдъ углубился въ размышленія; казалось, онъ былъ пораженъ новымъ открытіемъ. Не отвѣчая ничего, повелъ онъ въ домъ Blumenшроста Владиміра, оставшагося по прежнему сиротою.



Глава седьмая



ИСТОРИЯ ЗАВѢЩАНІЯ.

*Не въ первый разъ мертвецъ дѣла творитъ,
Какія въживе ему на мысль не приодили!..*

Анонимъ.

*Готово все: женихъ приходитъ;
Идутъ во храмъ... .*

*Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?*

*Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.*

Жуковский.

Свиданіе Гусшава съ Пашкулемъ было прогашельно. Племянникъ видѣлъ шеперь въ немъ только своего ближайшаго родственника, благодѣшеля, вшораго опца, единственную надежду, и въ объясніяхъ его сибшилъ скрыть свои слезы. »Гусшавъ! — сказалъ Пашкуль, когда они мо-

гли бесѣдовашь покойнѣе: — представлю тебѣ моего друга. Не смотри на бѣдную его одежду: подъ нею скрывается возвышенная душа, съ которою я не смѣю своей поравняться; ибо она не знаетъ мести. Еще прибавлю: онъ Русскій!» И Владиміръ и Густавъ помѣряли другъ друга взглядомъ; связи Русскаго съ Папкулемъ поняты Траушфештеромъ, и мысль объ нихъ возмутила было душу послѣдняго; но другая мысль, что новый знакомецъ его облачилъ себя смрадною одеждою шпиона изъ любви къ опечесиву, и благородный взглядъ Владиміра заставили его съ нимъ помириться. Оба поняли другъ друга и единодушно пожали другъ другу руки.

Теперь, сказалъ Рейнгольдъ, когда всѣ они сблизились искренностію разговора: теперь, любезный Густавъ, могу исповѣдаться тебѣ въ своихъ поступкахъ. Тяжба моя съ Шведскимъ Королемъ оканчивается. Самъ Богъ брани за меня. Жребій моего опечесива брошенъ, каковъ ни

есть опъ: Лифляндія принадлежишь уже Россіи. Крѣпости среди опустошеннаго ея края не оплошь Шведамъ. Суди Всевышній! не я первый зашѣялъ эту шажбу. Соотечественники мои избрали меня своимъ представителемъ у престола немолнимаго Карла XI и ходатаемъ за права ихъ, освященный временемъ, законами и клятвою Царей. Я исполнилъ, что мнѣ поручено было, какъ благородный Лифляндець: никто не упрекнетъ меня въ прошивномъ. За это осуждець я потеряшь голову и честь. Бѣжавъ опъ жестокаго, незаслуженнаго наказанія, уже ли я сдѣлался преступникомъ? . . . Сколько разъ молилъ я двухъ вѣнчаныхъ судей моихъ простить мнѣ вину, которой не знаю, и обѣщаль честнымъ словомъ Папкуля служишь имъ вѣрнооуданнически; но я не обѣщаль измѣнять обѣщану, данному отечеству моему, любить его выше всего — и не былъ прощенъ. Мщеніе молодаго Короля за оскорбленіе будто бы овица не велишь и теперь палачу опу-

скашь попора, на меня занесеннаго. Лишенный имѣнія, правъ гражданина, отечества, съ одною честію, которой не въ силахъ опияшь у меня соединенные приговоры всѣхъ Владыкъ земныхъ, я вынужденъ былъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнаничества среди гостепріимныхъ, свободныхъ Альповъ, искашь себѣ гражданской жизни. Отечества никто не могъ мнѣ замѣнить. Августъ предложилъ мнѣ свое покровительство; я принялъ его. Изъ мирнаго круга пастуховъ Гельвеціи перенесенный въ кипучую, шумную жизнь Двора, съ душею пламенною и нетерпѣливою, какова моя, я долженъ былъ дѣйствовать. На политической дорогѣ своей встрѣшилъ я самонадѣянность Карла и ненависть его ко мнѣ. Карль пересталъ быть моимъ Государемъ; онъ сдѣлался только личнымъ моимъ врагомъ: я не пошелъ назадъ и сталъ ему поперегъ. На это чувствовалъ я въ себѣ довольно силы; успѣхи оправдали мою отвагу. Отечество мое предано было своей несчастной

судьбѣ: я хотѣлъ спасти его отъ совершенной гибели. Мѣры спасенія были тяжелы, но вѣрны; я схватился за нпхъ. Съ медленнымъ умомъ Августа и холодною, шапкою душой его я не сошелся. Я его называлъ застроемъ прошедшаго вѣка; онъ меня — горячкою вѣка новаго. Надобно было намъ распашься. На Сѣверѣ вспавалъ исполинъ. Подпирая подъ невѣжество Россіи сильный рычагъ, онъ захватилъ имъ основаніе Швеціи и готовъ уже былъ пытать надъ нею силы свои. Геній Петра плѣнилъ меня: онъ одинъ могъ примкнуть къ себѣ Лифляндію и сдѣлать ее счастливою. Положеніе ея, ея раны, подѣланныя властолюбіемъ Карла XI и расправленныя удальствомъ его сына; силы, средства, обширность Россіи, которая рано или поздно должна была поглотить мое отечество своимъ сосѣдствомъ и которая — повѣрьте мнѣ — не позже столѣтія будетъ могущественнѣйшею Державою въ мірѣ; величіе Петра, ручающееся за благосостояніе

спранъ , ему ввѣренныхъ : все подвигло меня оставишь Августа и бросишься въ объятія Царя, для меня открытыя. Я сдѣлался его подданнымъ, его другомъ. Пѣшь воли его, нѣшь желанія, которыхъ бы я не почелъ для себя долгомъ. Если бы онъ заставилъ меня смолить корабли, я выполнилъ бы это; ибо этого желалъ бы Пешръ. Помогая его видамъ, я создаю вмѣстѣ благосостоянiе Лифляндiи. Вашъ мой вины передъ нею ! Суди меня въ нихъ, Густавъ, какъ бы судила Европа, какъ будешь судишь попомство.

— Дядюшка! отвѣчалъ Густавъ: трудно рѣшать дѣло, на которое по чувствамъ нашимъ мы можемъ смотрѣть съ разныхъ почекъ. Скажу вамъ только : разумъ мой соглашается съ вами; по сердце васъ осуждаетъ. Первымъ будешь для васъ попомство, вторымъ — современники, еще болѣе соотечественники ваши. Не знаю впередъ судьбы своего опечества: можешь спаться, ваша полишка доставишь ему счастье, котораго

истиинно ему желаю. Но теперь петопшаннныя жатвы, сожженныя села, скипающіеся безъ пристанища жители, тысячами гонимые, какъ спада, въ Московію бичемъ Татариина, города, опустошенныя на нѣсколько вѣковъ — не уже ли всѣ эти бѣдствія не вопіють прощивъ васъ? Какая истина, какія надежды зажмутъ вопли несчастныхъ?

— Прощивъ этихъ жестокоостей я первый возсталъ въ станѣ Русскомъ и старался облегчить участь несчастныхъ. Скажу болѣе: за сію безчеловѣчную политику поссорился я съ Шереметевымъ — и, чтобы не быть въ ней невольнымъ соучастникомъ, удаляюсь къ Петру. Вспомни также, Густавъ, что не я присовѣтовалъ войну, не я привелъ войска Русскія въ Лифляндію.

— Но всѣ въ этомъ васъ упрекають. Говорять вообще, что Рейнгольдъ Пашкуль опмщаетъ Королю на своихъ соотечественникахъ.

— Неправда! неправда! Война была начата до меня; она прежде меня созрѣла въ умѣ Царя, желавшаго облокошнить свою державу о берегъ моря Бальшійскаго. Я поспѣшилъ управлять ходомъ сей войны не для опягощенія моего отечества, но для освобожденія его отъ ига Шведскаго и безумнаго удальства новаго Донъ-Кихота, предавшаго его собственной защитѣ, симъ пожарамъ, симъ переселеніямъ, о коихъ ты говоришь. Не было-бъ нынѣ Паткуля въ Лифляндіи — развѣ она освободилась бы отъ сихъ бѣдствій? Онѣ были-бъ еще жесточе, длились бы долѣе. Пускай же упрекають меня шеперь, клянущъ тѣ, копорые не хотяшъ разобрать моихъ дѣйствій. Отечество мое заключается не въ одномъ настоящемъ поколѣніи; оно и въ потомствѣ, а потомство будетъ благословлять имя того, кто устоялъ его благосостояніе. Лифляндія, нынѣ оппорженная прошивъ собственной воли ея, или, лучше сказать, нѣкоторыхъ за-

коснѣлыхъ Бароновъ, связанныхъ узами родства и подкупомъ со Швеціею, будетъ счастлива подъ скипетромъ Россіи. Голова моя въ эшомъ порукою.

— Голова! да, голова!... сказалъ, глубоко вздохнувъ, слѣпецъ, приведенный Нѣмымъ въ комнату, гдѣ находились наши собесѣдники.

Конрада посадили на кресла, и Нѣмой удалился.

Слова, произнесенныя слѣпцомъ, видимо сдѣлали непріятное впечатлѣніе на духъ Папкуля, хотя онъ не могъ изъяснить себѣ причину сего неудовольствія. Вскорѣ однако-жъ успокоился онъ и продолжалъ снова оправданіе своей политической жизни. Густавъ не могъ согласиться съ дядею; но, зная пылкій нравъ его и пошому не желая ему прощиворѣчить, замолчалъ.

— Вижу, что ты не соглашаешься со мною, сказалъ Папкуль съ неперпнѣемъ.

— Я подданный Карла XII — опивчалъ съ твердостью Густавъ: а вы непріятель его.

— То же ли ты скажешь, молодой неопытный упрямецъ, написанный героизмомъ Скандинавскаго Рыцаря, когда узнаешь, что съ судьбою своего опечесства я устроиваю свое собственное счастье? Спрашиваю тебя: любишь ли ты еще Луизу Зегевольдъ?

— Вы мой дядя, благодѣтель мой; я въ плѣну, я весь вашъ, и не думаю, чтобы вы насмѣхались надъ несчастіемъ и моими отношеніями къ вамъ.

— Дядя твой, возразилъ Пашкуль съ ироническою улыбкою, хотя жестоко до того, что привелъ Русскихъ въ свое опечесство, чтобы его жечь, палишь, грабишь, опустошаешь; хотя забылъ права государственныхъ и законы Божіи до того, что не пожертвовалъ собою несправедливости и властолюбію двухъ Королей, захотѣвшихъ выпотрошить его физически и нравственно, чтобы сдѣлать

изъ него чучелу на позоръ Лифляндіи; хошя онъ шаковъ...

— Дядюшка! ради Бога, не оскорбляй-песь моими мнѣніями, моими чувствами. Вы не пребовали, чшобы я говорилъ прошивъ себя.

Пашкуль не слушалъ его и продолжалъ: — Хошя онъ шаковъ; но не былъ никогда столь злобенъ, чшобы смѣяться надъ несчастіемъ, особенно тѣхъ, кого любишь больше всѣхъ послѣ своей чести. Чшо говоришь Рейнгольдъ Пашкуль, шо онъ и сдѣлаешь. Я обязанъ тебя въ эшомъ удостовѣрить. Вольдемаръ не лишній въ нашей бесѣдѣ. Слушай же меня и отвѣчай на мои вопросы.

— Слушаю, дядюшка!

— Помнишь ли упро, когда, одолѣваемый мученіями любви и жаждою узнать о состояніи Луизы, ты шелъ, какъ сумасшедшій по дорогѣ изъ Оверлака въ Гельмешъ?

Вопросъ эшомъ поразилъ Густава неожиданностію его. Собравъ разсѣянные

мысли и стараясь успокоить чувства свои, встревоженные разнообразными воспоминаніями, онъ отвѣчалъ: — Дорого бы я заплашилъ, чтобы забыть день сей!

— Нѣтъ, помни его, запиши его въ своемъ сердцѣ: онъ для тебя день счастья. Тише! не говори ничего и отвѣчай только на мои вопросы. Кто встрѣшилъ тебя тогда?

— Кучерь Баронессы, Фрицъ.

— Фрицъ! закричалъ Папкуль изъ окна, и вѣрный служитель, который, казалось, дожидался призыва и потому находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, явился предъ изумленнымъ Густавомъ. Не зная послѣдній, что говоришь; слезы заструились по лицу его; глаза старика были также мокры — и Густавъ, бросившись его обнимать, воскликнулъ: — Онъ, онъ сулилъ мнѣ счастье!...

— Чѣмъ именемъ обѣщаль онъ тебѣ это счастье?

— У моего благодѣшеля не было погда имени; но я узнаю его теперь. Безымянный были вы — мой второй отецъ!

— Теперь опвѣчай ты, Фрицъ! посредствомъ кого назначилъ ты исполненіе моихъ обѣщаній?

— Черезъ *Русскихъ* и *Чухонскую дѣвку*, опвѣчалъ Фрицъ.

— Когда, говорилъ ты, можно будешь приступишь къ этому исполненію?

— Когда Русскіе и Чухонка побываюшь вмѣстѣ въ Рингенъ.

— Дней съ пять они должны быть уже тамъ. Съ часу на часъ ожидаю извѣстія, что переломъ швоей судьбы, Гуспавъ, совершился. За это теперь опвѣчаю; но пока не побывалъ въ Гельмешъ Докторъ Падуанскаго Университета, пока я не увидалъ Адольфа, швой спрянчій могъ еще бояться за успѣхъ своихъ плановъ. Еще одинъ вопросъ: заключаешь ли ты свое счастье въ томъ, чтобы Луиза не принадлежала никому другому, кроме тебя?

— Если она меня еще любишь, чего мне болѣе?

— Остальное предоставимъ Богу!

— Только изъ всего этого я ничего не могу понять, дядюшка!

— А вопъ мы сейчасъ все дѣло объяснимъ. Выслушай мой рассказъ.

— Адольфу не было еще шести лѣтъ — такъ началъ Папикуль свое повѣствованіе — а тебѣ осьми, когда отцы ваши померли, одинъ въ слѣдъ за другимъ, въ печеніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Они оставили вдовамъ и дѣтямъ своимъ благородное имя, незапятнанное ни однимъ чернымъ дѣломъ, и довольно большое помѣстье. Первое наследство, благодареніе Богу, вами сохранено въ цѣлости; второе вырвано изъ слабыхъ рукъ женскихъ ревнивою властію Карла XI и редуціонною Коммиссіею, коею изобрѣшательное усердіе не столько въ поправленіи государственныхъ финансовъ, сколько въ угожденіи сей власти, превзошло мѣру несправедливости, какую

можно только вообразишь себѣ. Чтобы обогащать казну, судьи опирались сначала на законы; далье, пренебрегая и сею благовидною опорой, стали опинимать только именемъ Короля, даже Коммиссін, и наконецъ однимъ именемъ Гаспфера. Такъ несправедливость, послабленная свыше, дѣлаешь быстрые успѣхи! Это государственный анпоновъ огонь; онъ заражаешь все шло, если въ началѣ его не примушь мѣрь сильныхъ и скорыхъ. Мать Адольфа пережила своего мужа двумя годами; послѣ нея сирота перешель на мои руки. Въ способахъ воспитанія его помогаль мнѣ вашъ дѣдъ по матери, Баронъ Фридрихъ Фюренгофъ. Я нарочно распроспраиюсь объ этомъ достойномъ человекѣ, какъ для удовольствія говоришь о немъ, шакъ и для того, чтобы показать шель прекрасный образецъ жизни частной. Дѣдъ вашъ былъ честный человекъ въ спрожайшемъ смыслѣ этого слова. Не шолько дѣломъ, думаю, и мыслью онъ ни

передъ кѣмъ не солгалъ. Рѣдко и неохотно, по принятымъ имъ правиламъ, ручался онъ за кого; но когда ручался, тогда не требовали залоговъ. Сколько былъ онъ честенъ, столько и бережливъ: можно было-бъ назвать его хозяйственностью скупостью, если бы въ домашнемъ быту не окружало его довольство. Во всю жизнь свою не былъ онъ никому долженъ; ссужалъ деньгами только людей починыхъ и никогда безъ процентовъ, хотя бралъ самые умеренные; никому особенно не благошворилъ; считалъ своими непріятелями только тѣхъ, кто жилъ не по состоянію и безпорядочно. Для своего стола онъ не былъ скупъ, любилъ угостить хорошимъ кускомъ и старымъ виномъ добраго пріятеля, но званыхъ обѣдовъ не дѣлалъ. Дворовые люди его были хорошо обушты, одѣшты, сышты; но каждый изъ нихъ вознаграждалъ сію часть хозяйственныхъ расходовъ своими трудами, ибо каждый былъ обученъ какому-нибудь ре-

меслу. Все, что для дома было потребно, находилось у него въ помѣстьяхъ и дѣлалось дома, все, отъ фундамента до черепицы, отъ гвоздя до щеголеватого и прочнаго берлина, отъ бердышка до зашѣйливой шапюлки, въ которой онъ пряталъ свои деньги, и надъ которой незнающій попомъ бы нѣсколько часовъ, чтобы открыть ее. Самъ онъ былъ всегда одѣтъ чисто, хотя и шивалъ свои плаща по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ; роскошь зналъ онъ только одну, именно бѣлья, которое въ время, черезъ усердныхъ должниковъ своихъ, выписывалъ изъ Голландіи. Спарость его была пріятная, потому что онъ опрятность считалъ одною изъ добродѣтелей человека. Имѣлъ онъ домъ помѣстительный, но чрезвычайно страннѣйшимъ фасадомъ и внутреннимъ расположеніемъ; обдѣлывалъ его поспешно, смотря по надобностямъ своимъ, изъ маленькаго домика. Всѣ пристройки къ нему дѣлались такъ, что хозяинъ не

имѣлъ никогда нужды изъ него выходишь. Прибавленіе каждой комнаты было памятникомъ какой-либо эпохи въ жизни Фридриха. Собирался ли онъ жениться: выстраивали на дворѣ спальню и дѣвичью, первую шолько съ прѣмя спѣнами, придвигали ихъ къ одней сторонѣ дома, подводили подъ нихъ фундаменшь, нахлобучивали ихъ крышею, огромными, желѣзными связями скрѣпляли все съ главнымъ зданіемъ, которое можно было наззашь родоначальнымъ; наконецъ вырубали, гдѣ нужно, двери и закладывали окна. Родился сынъ: такимъ же образомъ примыкали для него комнату. Та же исторія для двухъ дочерей, для дядекъ, для прислуги. Можно судишь, каковъ былъ эшотъ многоугольникъ. Говоряшь, что желѣзо, которое пошло въ него, стоило цѣлаго дома, и пошому-шо Балдуинъ, получа его въ наслѣдство, спѣшилъ сломать на продажу. Кромѣ плодовишаго сада, приносившаго хорошій доходъ, шарикъ Фюренгофъ никакого не

имѣлъ; не ошягощаль онъ барщиною кресстьянъ для вычищенія дорожекъ, кошорья самъ пропашываль, гуляя шамъ каждый день аккуратшо два раза, поушру и послѣ обѣда, лѣшомъ и зимою, въ лсиую погоду и дождь. Кедръ, посаженный имъ еще въ малолѣтствѣ, служиль ему пріятнѣйшимъ павильономъ. Онъ имѣлъ избранную библіотеку, и все повое въ области Литтературы и наукъ дѣлалось собственносцію его пышливаго ума. Сосѣдей, безъ разбора состоянія, прищималь онъ ласково и умѣлъ каждого занять такъ, что умный и глупый ошѣзжали онъ него довольные имъ и собою. Самъ же ѣздиль только по разу въ годъ къ двумъ, шремъ пріятелямъ, особенно имъ уважаемымъ, въ день ихъ рожденія: ни гроза, ни буря, не могли помѣшашь ему исполняшь сію обязанность. Въ городѣ же, именно въ Дерпштѣ, былъ онъ только разъ въ 20 лѣшъ, и то по случаю смерти своей сестры. Сіе путешествіе сдѣлалось эпохою по всему

пропѣженію дороги его; теперь еще въ деревняхъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, и въ самомъ Дерптѣ воспоминають о его раззолоченномъ берлинѣ и двухъ долгихъ егеряхъ на запяшкахъ, какъ объ осьмомъ чудѣ. Окрестное дворянство, знавшее его умъ, швердосць и благородство души, прибѣгало къ нему за совѣтами и помощью: гдѣ нужно было научить, защитить отъ припѣсенній сильнаго, вышколить судей за несправедливость, онъ вызывался охотно на услугу и выполнялъ ее съ пользою для обиженнаго, лишь бы не требовали отъ него никакихъ расходовъ. Но лучшимъ ему панегирикомъ служатъ слезы крестьянъ надъ могилою того, кого прозвали они ошцемъ своимъ. Надобно замѣтить, что его точность въ образѣ жизни измѣнилась видимо подъ конецъ ея, по причинѣ, которую не замедлю объяснить.

Изъ всѣхъ дѣшей своихъ Фридрихъ Фюрентгофъ любилъ предпочтительно мать свою: это была его милая дочь,

его утѣшеніе въ старости, его Ревекка. Никто, кромѣ ея, не могъ спарику угодишь, когда онъ бывалъ боленъ; никто не умѣлъ, какъ она, оживить его пустыню. Любовь къ ней старался онъ выказать во всѣхъ случаяхъ. Мать своя не возгордилась симъ предпочтеніемъ; мать Адольфа имъ не огорчалась. Последняя скоро умерла. Фридрихъ, почтительный во всемъ, заранѣе составилъ завѣщаніе, коимъ отказывалъ порядочную часть недвижимаго имѣнія Адольфу, наследнику послѣ умершей матери его, а лучшую, главную часть и все движимое имѣніе своей Ревеккѣ. Сыну же своему, Балдуину, котораго онъ къ себѣ на глаза не пускалъ за его распушенство, жестокосердое обращеніе съ своими людьми и покражу у него значительной суммы денегъ изъ коммода, ничего не давалъ, кромѣ мызы Рингенъ, преданной безпушному на жертву еще при жизни старика. Надобно сказать себѣ, что, нѣсколько времени послѣ того, какъ

мать своя вышла за-мужъ и покинула домъ родительскій, старикъ, грустя по ней и скучая своимъ одиночествомъ, выпросилъ у моего отца дворовую 10-лѣтнюю дѣвочку Елизавету изъ семейства Трейманъ, которое такъ прозвано за наследственную вѣрность и преданность къ нашему дому. Одинъ братъ этой Елизаветы — Фрицъ, имѣющій честь быть тебѣ извѣстнымъ; другой братъ — Нѣмой, котораго ты, безъ сомнѣнія, здѣсь до меня видѣлъ.

— Онъ первый оказалъ мнѣ самыя краснорѣчивыя услуги, перервалъ Густавъ.

— Имъ-то, продолжалъ Паткуль, обязанъ я много въ нынѣшнюю войну. Но объ этомъ послѣ; теперь слово объ Елизаветѣ. Дѣвочка эта за живую фizioномію, умные отвѣты и особенную распорочность чрезвычайно полюбилась своему дѣду. Взявъ ее къ себѣ, онъ старался самъ образовать ее, и въ четыре года успѣлъ сдѣлать изъ нея маленькое чудо. Въ такое короткое время выучилась

она читаша стихотворцевъ бѣгло и съ чувствомъ, писала мастерски, какъ будто жемчугомъ унизывала бумагу, и вела счеты не хуже конторщика. Успѣхи ученицы радовали наставника. Сначала она служила дѣду своему въ уединенной старости вмѣсто игрушки; потомъ привычка и польза сдѣлали ее для него необходимою. Другаго чтеца, счетчика и секретаря не имѣлъ онъ. Наконецъ, по сродной преклоннымъ лѣтамъ слабости, онъ началъ и баловать ее. Между тѣмъ въ Елизаветѣ, упредившей возрастъ необыкновенными успѣхами въ умственномъ образованіи, развивались также скоро и спраси. Въ душу ея сполло только забросить искру, чшобы онѣ воспылали. Маленькій деспотъ въ домѣ, дѣвчонка понемногу подбирала къ себѣ владычество и надъ хозяиномъ его: замѣшивъ, что необходима для спарика, Елизавета каждый день дѣлала новыя требованія; спарикъ каждый день успуналь что нибудь изъ правъ своихъ.

Впрочемъ она пользовалась властью не для опягощенія окружавшихъ ее слушителей, а напрошивъ для послабленія ихъ обязанностей. Въ послѣднемъ находила она свое поржештво. Домашніе любили ее, потому что она всѣхъ ихъ баловала. — Шестнадцати лѣтъ Елизавета узнала скуку, а куда заглянешъ эта гостыя, туда навѣрно приходишь съ нею подруга ея, желаніе. Балдуинъ воспользовался симъ душевнымъ состояніемъ ея, и бросилъ на нее свои хищные виды. Присупъ сдѣланъ со всѣми ушонченностями любовной науки. Балдуинъ, хопя имѣлъ близъ 40 лѣтъ, былъ недурень собою, краснорѣчивъ на искушеніе, казался спрасшнымъ, и дѣвчонка, наклонная къ пороку, предалась обольстителю. Въ это время дѣдъ швой сдѣлался болѣнь; онъ гасъ медленно и съ каждымъ днемъ приближался ко гробу — обстоятельство, поторопившее Балдуина къ исполненію его замысловъ. Увѣренный, что обладаетъ совершенно

любимицею отца, искуситель ошкрывъ ей свое положеніе, свои муки; разсказалъ, что обязанъ несчастіями своими единственно цронскѣмъ сестрѣ, поссорившей сына съ отцемъ и готовившейся будто бы выгнать постыднымъ образомъ изъ Фюренгофа новую владычицу его; просилъ Елизавету помочь ему въ сихъ несчастныхъ обстоятельствевахъ и обѣщаль на ней жениться, какъ скоро только отецъ его умретъ. Чего-бъ не обѣщаль онъ тогда, лишь бы получить желаемое! Елизавета любила обольстителя со всею силою первой и последней спраски; она носила уже подъ сердцемъ залогъ сей преступной любви, и потому не было жертвы, которую бы не принесла ей. Все, что только могъ бы онъ придумать къ своему благополучію, обѣщано ею выолнить, хотя-бъ потребовалось смерти ея благодѣтеля!.. Сосшавленъ былъ адскій совѣтъ, въ коемъ главное лице игралъ Никласонъ, водочный заводчикъ въ одномъ изъ по-

мѣспьевъ Фюренгофа, молодой, ловкій Еврей, принявшій Христианство и готовый каждый день перемѣнять вѣру, лишь бы эта перемѣна приносила ему деньги; пошъ самый Никласзонъ, копорого видѣлъ ты Секретаремъ у дипломатки Зегевольдъ и нынѣ видишь моимъ агеншомъ.

— И эшотъ злодѣй — перервалъ съ жаромъ Густавъ — осмѣливается сквернить своими устами имя Ангела земнаго!.. и онъ хвалится вашею дружбою, дядюшка?

— Моею дружбою?.. Негодяй! онъ только мой наемщикъ, мой слуга. Я могу плюнуть ему въ лице, упереть ногою, бросить ему послѣ того кошелькъ съ деньгами — и онъ низехонько поклонится мнѣ! Моею дружбою?.. Я проучу его!..

(Никто изъ собесѣдниковъ не подозрѣвалъ, что Никласзонъ споймъ въ соседней комнаѣ и слышишь все, что въ ней говорили. — Теперь *выдержу!* раз-

суждалъ самъ съ собою Эліась; но когда нибудь и ты, гордецъ, попадешься на мой ногошокъ!)

— Какъ-же вы сами, дядюшка — продолжалъ Густавъ — могли избрать это гнусное орудіе для выполненія своихъ полишическихъ видовъ?

— О! это дѣло иное, другъ мой! Полишика неразборчива на средства, лишь бы онѣ вели къ предположенной цѣли. Часто ласкаетъ она существа, которыя и задавишь гадко. Въ рядахъ военныхъ эпого не понимающъ, и шѣмъ счастливѣе. Но — мы не философствовать, а просто рассказывать намѣрены: возвратимся же къ нашему повѣствованію. Составленъ былъ адскій совѣтъ, говорилъ я, и въ немъ положено было: вопервыхъ, Балдуину явиться къ опцу своему, броситься къ нему въ ноги, умолять его о прощеніи и между шѣмъ подвигнуть къ посредничеству въ семъ дѣлѣ духовника Барона Фридриха. Эпоть приступъ удался. Сшарикъ, чувствуя

приближеніе смерти и убѣжденный Христіанскими доводами пастора, вымолвилъ прощеніе; но въ сердцѣ его, не только на устахъ, не было помину о перемѣнѣ духовнаго завѣщанія. Съ того времени Балдуинъ, казалось, переродился: нѣжпѣйшія попеченія о больномъ опцѣ, милости окружавшимъ его служителямъ, заботы о бѣдныхъ въ округѣ — все это могло ослѣпить чернь, но не обмануло умнаго старика на счетъ цѣли, съ какою это дѣлалось. Впрочемъ дѣдъ швой, желая перейти за порогъ жизни, неопытный и независимый къ сыну, показывалъ при всѣхъ если не нѣжность къ нему, по крайней мѣрѣ, милосливое съ нимъ обращеніе. Сіе обстоятельство въ послѣдствіи времени не мало служило къ оправданію злодѣя. — Старикъ ожидалъ со дня на день пріѣзда милой дочери своей, жившей съ швоимъ опцемъ подъ Ревелемъ. Она не ѣхала — и не мудроно: письма къ ней и опъ нея были перехватываемы. Сіе мнимое равнодушіе

подпачивало послѣдній корень, которымъ онъ держался еще къ землѣ. Какъ будто нарочно, для лучшаго успѣха злодѣйскаго плана, пришло опъ дочери письмо, которымъ увѣдомляли старика о безнадежности состоянія своего отца. Эта убійственная посылка была на время задержана. Между тѣмъ завѣщаніе искусно украдено Елизавешою, знавшею всѣ мышки норки въ домѣ, и какъ оно было писано ея рукою, то и составлено эпою же рукою новое. Симъ завѣщаніемъ Баронъ Фридрихъ, будучи въ полномъ умѣ и памяти, совершенно уничтожалъ старое, и въ уваженіе раскаянія и исправленія сына, также дабы благопріобрѣтенное имѣніе Фюренгофовъ не могло перейти въ другой родъ, дѣлалъ Балдуина главнымъ наследникомъ всего своего богатства, движимаго и недвижимаго, за исключеніемъ небольшой части, назначаемой дочери, оставшейся въ живыхъ, и сына умершей дочери. А чтобы вновь созданный акшъ имѣлъ болѣе благовидно-

спи, завѣщатель обяыиваль въ немъ Балдуина избрать себѣ въ наслѣдники, по своему благоусмотрѣнію, одного изъ своихъ племянниковъ, къ которому уже все имѣніе должно было перейти съ фамиліей Фюренгофа. Эліась, умѣвшій мастерски подписываться подъ разныя руки, подмахнулъ подъ руку Барона Фридриха такъ искусно, что лучшіе пріатели его не могли въ подписи усомниться. Когда все это было улажено, предъявили больному письмо швоей матери и новое, вслѣдъ за тѣмъ прішедшее, коимъ увѣдомляли о смерти отца швоего. Убийственная посылка имѣла дѣйствіе, предугаданное злодѣями, безъ всякихъ другихъ насильственныхъ средствъ, хотя Никласзонъ и увѣрялъ своего довѣршеля, что химія его въ семъ случаѣ много помогла. Какъ извѣстно сдѣлалось мнѣ въ послѣдствіи, это была выдумка, чрезъ которую хитрый повѣренный думалъ взять болѣе власти надъ душою злодѣя. Водяная, мучившая

дѣда своего, поднялась въ грудь, и онъ лишился языка. Призваны были въ комнату умирающаго духовникъ его, нѣскольکو служителей, стариковъ, и одинъ изъ сосѣдей, только именемъ дворянинъ, должникъ Балдуиновъ. Послано и за самимъ Балдуиномъ, нарочно уѣхавшимъ дня за два въ свой пригонъ. Твой дѣдъ держалъ въ коспенѣвшей рукѣ завѣщаніе; изъ другой только что выпало перо. Будучи еще въ памяти, онъ съ гореспнымъ видомъ кивнулъ на роковую бумагу. Паспоръ, просподушный и поропливый, вынулъ ее изъ руки и, увидѣвъ, что это было духовное завѣщаніе, прочелъ его при всѣхъ. Знаки перепѣнія, копорые умирающій силлся показать при семь чшеніи, переполкованы духовнику за желаніе, чтобы актъ былъ имъ скорѣе подписанъ, пока сохранялась въ завѣщателѣ жизнь. Дѣдъ свой навѣки смыкалъ глаза, а духовникъ скрѣплялъ подложный актъ; за нимъ подписалъ и дворянинъ, о которомъ я говорилъ. Этомъ

между шѣмъ предостерегъ Паспора, что, для избѣжанія всякаго сомнѣнія со стороны наследницы, не худо-бѣ заспавишь старыхъ служителей присягнутьъ, что они всѣ видѣли и слышали волю покойнаго на засвидѣтельствваніе духовной — и это выполнено въ точности просподушнымъ Паспоромъ. Акшъ, сдѣланый по формѣ, представлень въ судъ. Судьи знали хорошо подпись Барона Фридриха, и удостовѣрили законность сего акта. Вскорѣ родились однако-жъ подозрѣнія; машь швоа пропештовала прошивъ него; но деньги, сильное ходамайство Баронессы Зегевольдъ, съ которою въ это время сдѣлано было извѣстное условіе, и наконецъ присяга духовника и служителей выиграли спорное дѣло въ пользу пресупленія, которое владѣешь имѣніемъ швоимъ и доньимъ. Но Богъ, иногда попускающій злодѣянія для нравственной полношы міра, рано или поздно караетъ злодѣевъ. Часъ швоего дяди пробилъ.

Не много ранѣ бранили мы Эліаса Никласзона: теперъ расскажу тебѣ объ одной чертѣ его дальновиднаго ума, за копорую онъ годился бы въ дипломаты. Онъ ушамъ у себя на всякой случай истинное духовное завѣщаніе, а своему покровителю объявилъ, что сжегъ его и развѣялъ даже его прахъ. Эша догадка была не лишняя. Балдунъ въ первый годъ обладанія своими сокровищами былъ признаменъ къ шѣмъ, копорые помогли ему достать ихъ: Никласзонъ возведенъ въ степень повѣреннаго по дѣламъ; жалованье, по условію, ему исправно выдано. Во второй годъ оказалась маленькая неустойка, въ шрестій большая, и такъ поспешенно съ каждымъ годомъ, до того, что повѣренный, въ одинъ срокъ плашежа, опущенъ съ руками, полными однихъ извиненій и жалобъ на неурожай, худыя обстоятельства и тому подобное. Эліаса однако-жъ боялись еще и, въ вознагражденіе за денежныя недоимки, удовольствовались его самолюбіе, опредѣливъ

его Секрешаремъ къ Баронессъ Зегевольдъ. Онъ казался довольнымъ; но осадка мести лежала на днѣ сердца его, и стоило только дать ему сильный полчокъ, чтобы возмутить сей ядовитый настой. Съ Елизаветой обходились каждый годъ хуже. Причинъ много къ тому было: надлежало опклонить подозрѣніе, что она участвовала въ подложномъ завѣщаніи; великодушіемъ своимъ къ дворовымъ людямъ, щедростью и желаніемъ владычествовать въ замкѣ безпрестанно спалкивалась она съ низкою душою, скупостью и тиранствомъ Балдуина; наконецъ нужно было замѣнить старую любимицу новою. Мальчикъ, котораго Елизавета родила, давно сослаанъ былъ на прокормленіе къ родственницѣ ея, бабкѣ Ганнѣ, живущей подъ Гельметомъ. Это пріятель твой, Маршышка, напугавшій тебя такъ много въ роковой вечеръ у *трехъ сосенъ*.

— Не далеко же упало сѣмя отъ злой крапивы — сказалъ Гусшавъ.

— Никласзонъ, соболѣзнуя объ участницѣ его пресупленія, открылъ ей, какимъ драгоценнымъ сокровищемъ онъ обладаешь. Свобода не столько бы обрадовала заключеннаго, какъ Елизавешу эша вѣспь. Въ душѣ ея, удрученной раскаяніемъ, ревностью къ соперницѣ, неблагодарностью ея обольспишеля, жестокимъ обхожденіемъ съ ней, вспала месць во всемъ спрашномъ своемъ вооруженіи, со всѣми орудіями казни. Бывшая любимица швоего дѣда, прежде столь гордая, пала къ ногамъ Никласзона, обнимала ихъ, умоляла осчаспливить ее усшупкою роковаго завѣщанія, и давала кляшву, самую ужасную, упошребивъ его въ дѣло шогда шолько, когда онъ ей эшо дозволишь и найдеть удобнымъ, не жершвуя своею безопасностію. Никласзонъ сжалился надъ нею, или лучше сказашь, разсчель выгоды и невыгоды эшой усшупки, и — завѣщаніе было въ рукахъ Елизавешы. Эшому прошло дѣшь пяшь. Могу шебѣ сказашь шеперь, что

къ сему времени двое изъ моихъ друзей, подавая мнѣ изъ Лифляндіи въ Лозанну руку помощи, вербовали мнѣ приверженцевъ и лазутчиковъ въ моемъ опечесствѣ. Они бросили виды свои на Эліаса. Потомокъ Іуды былъ скрышень, уменъ, лукавъ; золошо ослѣпило его, и онъ сдѣлался моимъ. Съ того времени, исправно получая условенныя деньги и поощряемый наградами не въ зачешъ, онъ вѣрно служилъ мнѣ. Въ этомъ долженъ я опдашь ему справедливосшь. Перемѣна службы не мало побудила его къ уступкѣ завѣщанія Елизавешъ, кошорой оно принадлежало по праву злополучія. Несчастливая, угадывая злодѣйскіе надъ собою замыслы Фюренгофа, рѣшилась въ одну ночь бѣжать; но успѣвъ только сползши изъ окна по стѣнѣ, услышала за собою погоню. Увернушья опъ нея было невозможно. Она спряшалась въ саду. Уже мелькали исполнишели злодѣя. Что дѣлать? Опавалось только спасти орудіе своей мести. Роковая бумага завернута

въ плашокъ, въ другой, ношомъ въ башмакъ, и сунуша въ глубокое дупло дерева, распускаго подь окномъ кабинета Рингенскаго власшелина.

— Можешъ бышь — произнесъ Густавъ съ какимъ-то спрахомъ — дерево это давно срублено или сгнило?

— Провидѣніе хранишь его для наказанія злодѣйства. По крайней мѣрѣ, мы не пераемъ въ эпомъ надежды. Пойманная Елизавета заключена въ особенную комнату подь жесточайшій присмотръ. Объ ея несчастной участи узналъ Никласзонъ и спѣшилъ къ ней па помощь. Онъ уговорилъ Фюренгофа, только для вида, сжалился надъ своею плѣнницею, просишь ее и оппустишь съ нимъ, будшо для свиданія съ ея сыномъ, въ Гельмешъ, опкуда обѣщаль, черезъ нѣсколько дней, опправитъ въ Елисейскія поля этого опаснаго для нихъ обоихъ свидѣтеля. Рингенскій Баронъ не зналъ скорѣйшаго средства избавитъся опъ нея, и согласился. Черезъ нѣсколько дней

получено имъ въ самомъ дѣлѣ извѣстiе, что Елизавета не существуетъ. Онъ такъ обрадовался этому извѣстiю, что сшилъ своей новой любимицѣ Маршѣ пон-кой чепчикъ, себѣ сдѣлалъ модной парикъ и рѣшился-было выдать Никласзону одинъ годъ недоимки; но подумавъ, что эшошъ повѣренный не смѣетъ измѣнить ему собственно для себя, ошсчиталъ ему только кучу благодарностей. Въ послѣдствiи Секретарь Баронессы, продолжавшiй называться преданнѣйшимъ человекомъ Фюренгофа, дѣйствовалъ заодно съ Елизаветою; даже еще въ недавнемъ времени диктовалъ ей красно-рѣчивое письмо, коимъ грозилъ ему и вмѣстѣ себѣ роковымъ завѣщанiемъ. — Елизавета укрылась здѣсь, на мызѣ моего добраго прiятеля Доктора Блуменшпро-спа. Когда-жъ я самъ явился инкогнито въ Лифляндiю, когда мой вѣрный Фрицъ опредѣлился кучеромъ къ Баронессѣ Зе-гевольдъ, чтобы надглядывать надъ Никласзономъ и получить по возможности

своей сферы свѣдѣнiя о томъ, что происходило кругомъ Гельмета...

— Извините, дядюшка, что прерываю васъ. Какимъ же образомъ Баронесса и другiе непрiатели ваши не опгадали вашего лазупчика въ Фрицъ, кошораго они должны были по васъ прежде знать?

— Нѣтъ, другъ мой, они его вовсе не знали. Опець мой въ разныя времена своей жизни имѣлъ пребыванiе въ Спокгольмъ и умеръ тамъ. Семейство Треймапа было съ нимъ неразлучно. Тамъ опдалъ онъ Фрица, еще мальчикомъ, въ берейшоры и вешеринары. Кончивъ курсъ ученiя, Фрицъ оспавался всегда въ резиденции для надзора за лошадьми, конми опець мой особенно любилъ щеголять и славился во всемъ Королевствѣ. Неоднократно служилъ успѣлъ показатъ своему господину опыты рѣдкой преданности и вѣрности. Господинъ умѣлъ ихъ чувствовать и цѣнить: со смершнаго одра своего благороднѣйшiй изъ людей и нѣжнѣйшiй изъ ошцевъ поручалъ меня

съ брапомъ этому служилелю, какъ род-
ственнику, какъ другу. Я пушешество-
валъ тогда. По прїездѣ моемъ въ Лиф-
ляндію, Фрицъ жилъ у моего брата, спо-
лваго съ полкомъ въ одной изъ отдален-
ныхъ провинцій Швеціи; поступилъ же
ко мнѣ, когда начались мои несчассія.
Теперь моя помощь вамъ нужнѣе, гово-
рилъ онъ, и оправдалъ свои слова на
дѣлѣ. Всѣмъ былъ онъ для меня въ чер-
ные дни мои: спасилелемъ отъ позорной
казни, меня ожидавшей, ибо онъ болѣе
всѣхъ способствовалъ къ моему бѣгству
изъ Спокгольма; питалелемъ во дни го-
лода, утѣшилелемъ въ изгнаніи; теперъ
помощникомъ моимъ въ освобожденіи
Лифляндіи отъ ига Шведскаго. Но я
замѣчаю, что пронулъ твою слабую
спруну. . . .

— Не по чипаете вы, дядюшка, на
лицѣ моемъ: я хотѣлъ спросить, по чему
знаешь меня Фрицъ?

— Онъ видѣлъ тебя въ Спокгольмѣ, у
мебя въ домѣ, передъ всупленіемъ тво-

имъ въ Университетъ. И такъ, когда наспроены были все мои политическіе виды въ Лифляндіи, куда тайно привѣзжалъ я нерѣдко, когда Русскія войска вступили въ здѣшній край, въ душѣ Елизаветы зажглись темныя надежды мщенія. Войско Русское могло бытъ въ Рингенъ!.. Почему-жъ и ей не бытъ шамъ вмѣстѣ?.. Съ этою мыслью и разными видами, которыя мнѣ сообщила, она поснула маркишаншею въ корпусъ Шеремешева, подъ именемъ Чухонской дѣвки Ильзы. Чего не испытала она шамъ въ два года между солдашчины!.. Но близокъ часъ ея торжества; можешь бытъ, онъ уже наступилъ. Съкира, лежавшая у корня, должна бытъ поднята, и древу нечестія пришло время настъ. (Пашкуль въ благоговѣніи прочиталъ про себя молитву.) Молись Богу, добрый мой Гусавъ, и Луизу не опшимушь у тебѣ.

— Дядюшка! благодѣтель мой! если-бъ это такъ было!..

— Обѣщался ли-бѣ ты тогда оспа-
вить Шведскую службу и вступишь въ
Русскую?

— Никогда, никогда, хотя-бѣ это сто-
ило руки Луизы! Я умру вѣрнымъ моему
законному Государю.

— Даже и тогда, когда опечесство
твое признаешь своимъ Государемъ Пе-
тра Великаго и присягнешь ему на вѣр-
ность?

— Тогда... Это не можешь быть!..

— Но если бы это случилось?

— Тогда-бѣ и я служилъ Петру, Госу-
дарю Лифляндіи. (Пашкуль молча пожалъ
ему руку.) Но что я говорю? До какого
слова довели вы меня, дядюшка! Я себя не
узнаю. Когда мое опечесство гибнешь въ
пожарахъ и неволь; когда мои ближніе,
мои друзья, идутъ тысячами населятъ
степи Сибирскія, въ то время имя Пе-
тра, виновника этихъ бѣдспвій, на устахъ
моихъ и, можешь быть, въ моемъ сердцѣ
замѣнило имя законнаго моего Государя.

Луиза! — вскричалъ Гусшавъ, закрывъ глаза руками: — ты это все дѣлаешь!.. Помомъ, не много подумавъ, сказалъ онъ Папкулю: — Воля ваша, дядюшка, я не понимаю, какія надежды могу имѣть. Полученіе имѣнія?.. На что мнѣ оно въ неволь, безъ ней? Счастливиѣе былъ бы я въ тысячу разъ, если бы вмѣсто богатства пришла она безъ придачи, въ мою бѣдную мызу, наслѣдство бѣднаго опца; я принялъ бы ее погда, какъ божество, которое однимъ словомъ можешь дать мнѣ всё сокровища міра.

— Я не Творецъ. Могу тебѣ только сказать: будь покоенъ. Если Илиза не умерла до прибытія Русскихъ въ Рингенъ, такъ бракъ твой не женатъ на Луизѣ. Все прочее предоставимъ Богу; а покуда будемъ ожидать благопріятнаго посланія отъ нашей Фен, обладающей шалисманомъ всемогущимъ.

Такъ кончился разговоръ, открывшій многое Гусшаву и нашимъ чипашелямъ. Не можешь изъясниться мучительное по-

ложеніе, въ коемъ онъ провелъ цѣлый день между мечтами о счастіи, блуждавшими въ шумы будущности, между неперенѣимъ и страхомъ. Иногда представлялась ему Луиза въ полночь самый мигъ, когда она, сходя съ горы Гельмешкаго замка, съ нѣжностью опиралась на его руку, и смотря на него глазами, исполненными любви, говорила имъ: Гуславъ, я вся твоя! То гремѣло ему въ слухъ имя Адольфа, произнесенное въ пещерѣ, или видѣлось брачное шествіе брата его съ Луизой. . .

Утромъ слѣдующаго дня Пашкуль пришелъ къ нему съ бумагою, только-что полученною отъ Ильзы на имя Г. Blumenпроса. Принесшій ее былъ Чухонскій крестьянинъ, которому заплачены были за сію услугу большія деньги, съ обѣщаніемъ такой же награды при доставленіи.

— Другъ мой! сказалъ Пашкуль племяннику своему: я не развертывалъ до тебя роковаго посланія. Возложимъ упо-

ваше наше на Бога и съ твердостью, сродною нашему полу, приступимъ къ чпенію.

Здѣсь поднялъ онъ глаза къ небу и съ шрепешомъ сердечнымъ, какъ бы его собственная судьба заключалась въ бумагѣ, развернулъ ее. Онъ обѣщаль такъ много. . . . и горе ему, если онъ писалъ напрасно любовь и надежды Густава! горе послѣднему, если дядины слова не сбудутся!

— Поспойте, дядюшка! вскричалъ Густавъ: подождите чинать; не убивайте меня вдругъ; дайте мнѣ однажды перевести духъ.

— Малодушный! помни: Лупза смотришь на тебя. Человѣкъ, неумѣющій управлять собою, недостоинъ ея.

Это волшебное имя придало силы несчастному, и онъ готовъ былъ спокойно выслушать свой приговоръ.

— Письмо это на имя Блуменшроста, продолжалъ Пашкуль, пробѣгая глазами бумаги и перевершывая листы. Понимаю;

предосторожность не лишняя! Но рука незнакомая, и подписи не видно! Боже мой! сколько лоскушковъ, и что за чепуха!.. Постараемся пройди черезъ эпошъ Дедадь. Но вопшь письмецо, вѣроятно, писанное женскою рукою. Оно къ тебѣ адресовано, милый другъ, и запечатлѣно имепемъ, для тебѣ драгоцѣннымъ.

Записка была уже въ дрожащихъ рукахъ Гуспава. Онъ пожираль на ней глазами и сердцемъ слѣдующія спроки: » Гу-
» спавъ! женщина, посланная опъ тебѣ,
» сказала мнѣ, что ты ранень, болень, и
» умрешь, если на вѣчное прощаніе не
» скажу тебѣ слова упѣшенія. Какое упѣ-
» шеніе можешь дашь та, которая сама
» болте имѣешь въ немъ нужду, нежели
» кто нибудь? Сказаль ли мнѣ, что я
» тебѣ люблю? Ты это знаешь; и на что
» тебѣ теперь это слово?.. что сдѣ-
» лаешь изъ него?.. Повторяя его тебѣ,
» я уже преступница: черезъ нѣсколько
» часовъ я жена швоего брата. Веляшь,
» и я повинуюсь. Прости! Будь счаст-

» ливъ: мысль объ эшомъ усладишь не-
» многіе дни, которые оспалось жишь
» Луизъ 3.»

— Свершилось все, дядюшка! воскликнулъ Гуспавъ, цѣлуя записку и рыдая надъ нею: по крайней мѣрѣ, съ эшимъ залогомъ умереть не тяжело. Она меня любишь!... Чего-жъ мнѣ болѣе?... Луиза моя!... Самъ Богъ мнѣ ее далъ... Она придетъ къ тебѣ въ домъ, Адольфъ, но не будешь швоя. Ты не знаешь, что она сердцемъ сочепалась со мною прежде!... Скоро уйдетъ она опъ тебя ко мнѣ, къ законному ея супругу. Ложе наше будетъ сладко... гробъ!... Изъ него ужъ не повлекушь ее сплюю. Въ гробу, вѣдь, не знаюшь власти мапери.

Глаза Густава были дикки; съ ядовитою усмѣшкою онъ обращалъ ихъ на все окружавшее его; онъ весь дрожалъ. Записка упала изъ рукъ. Папкуль поднималъ ее.

— Успокойся, другъ мой! сказалъ эшопъ, пробъжавъ ее, и пошомъ ласково взявъ

руку своего племянника, прибавилъ: Ты прочелъ не всю записку. Взгляни: вошь опмѣшка, сдѣланная рукою твоего благороднѣйшаго брата. Всмотрись хорошенько. Успокойся, прошу тебя именемъ Луизы.

При этомъ имени Густавъ вздрогнулъ, потеръ себѣ лобъ рукою, озирался, какъ бы не зналъ, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается. Паткуль повторилъ ему свое замѣчаніе, и онъ схватилъ опять записку Луизы. Дѣйствительно была на ней слѣдующая опмѣшка: *»Я читалъ сіе письмо, и возвращаю его по принадлежности. Будь счастлива, Густавъ, повторяю вѣстѣ съ Луизою. Благодарю Бога, что еще время. Давно бы открыться тебѣ брату и другу твоему Адольфу Т.«*

За этой припиской слѣдовала другая: *»Я отлучена. Въ дни счастья своего не забудьте злополучной Ильзы.«*

Густавъ не вѣрилъ глазамъ своимъ; читалъ, смотрѣлъ радостно на дядю, углублялся въ думы, еще перечитывалъ. Гла-

за его просвѣплѣли; сладкія слезы полились изъ нихъ и облегчили его сердце, сдавленное горестію. — Я еще ничего не понимаю — сказалъ онъ наконецъ, бросаясь обнимать Паткуля — но уже счастливъ.

— Поищемъ объясненія въ этой бумагѣ; но клянись мнѣ прежде не дурачиться болѣе и помнишь одно: тебя любящъ, и твоя любовь извѣстна брату, какихъ мало на свѣтѣ. Съ тебя пока довольно.

— Клянусь быть спокойнымъ, что бы ни было написано въ бумагахъ, еще непрочтенныхъ: послѣ той, которая у меня, я ничего не спрашусь. Добрый, благородный, милый Адольфъ! я тебя постигаю.

Взглянувъ на Густава съ усмѣшкою, какъ бы не довѣря ему, Паткуль началъ читать вслухъ по порядку листы, бывшіе у него въ рукахъ:

» Вы удивитесь, почтеннѣйшій Господинъ Докторъ, получивъ отъ меня

» письмо изъ Дерпта, и такъ небрежно
» написанное на нѣсколькихъ лоскуткахъ.
» Причиною тому чудесныя происше-
» сшвіа, случившіяся въ семействѣ Зеге-
» вольдъ, и поспѣшность, съ которою я
» извѣщаю васъ объ нихъ: онѣ перевер-
» нули весь домъ вверхъ дномъ, вскружи-
» ли мнѣ голову до того, что я не въ
» состояніи нынѣ классифицировать поря-
» дочно ни одно растение, и такъ деспо-
» тически мною управляюшъ, что я, не
» имѣя бумаги, принужденъ выдирашъ на
» письмо къ вамъ листы изъ Флоры, ко-
» торую составилъ-было во время моего
» путешествія опъ Гельмста до Дерпта.
» Ахъ, почтеннѣйшій Господинъ Докторъ!
» какую собралъ я коллекцію драгоцен-
» ныхъ растеній, по коимъ не рѣдко взды-
» хали мы такъ тяжко! Если бы вы могли
» видѣшь чудесный *ganunculus septentrionalis*,
» который ошыскалъ я — и гдѣ-жъ, какъ
» бы вы думали? неподалеку опъ *salix acu-*
» *tifolia foemina*. А вы знаете, мой любез-
» нѣйшій другъ, что женскій полъ сего

» рода, бывшій досель у насъ неизвѣст-
» нымъ, почишали только дикораспу-
» щимъ на берегахъ Каспійскаго моря...»
(Тутъ Пашкуль, поперявъ перьяне,
пожалъ плечами и сказалъ: — Спѣшите
же чудаку увѣдомить о дѣлахъ фамиліи
Зегевольды! — Потомъ пробѣжалъ гла-
зами нѣсколько спрокъ, бормоча про се-
бя, и вдругъ началъ опять читать вслухъ:)
» Вы только можете повѣрить, съ какою
» любовью обнялъ я эту прелестную
» Дафну, досель убѣгавшую отъ моихъ
» поисковъ — вы только, потому что
» ваше сердце бьется, какъ и мое, при
» видѣ сихъ прекрасныхъ твореній... И
» что-жь? Злодѣи, служители Баронесси-
» ны, выбросили...» (Тфу пропасть! да
это цѣлая исторія лжи. Сколько мол-
чаливъ онъ на словахъ, столько болш-
ливъ на бумагѣ. Боже мой, пошли мнѣ
перьяне! Бррь, бръ... Наконецъ бе-
регъ, берегъ!) »Я, кажется, сказалъ вамъ
» въ началѣ письма, что не писалъ бы къ
» вамъ такъ скоро послѣ свиданія наше-

» го, если бы не просла меня объ
» этомъ убѣдительно одна несчастная
» женщина, которой имя узнаете изъ
» содержанія сего письма, и въ судьбѣ
» которой, какъ она мнѣ изъяснила, вы
» принимаете такое же искреннее, живое
» участіе, какъ и въ судьбѣ моей вос-
» питанницы. По видимому, звезда одной
» имѣетъ сильное вліяніе на путь другой.
» Вы должны вопервыхъ знать, мой по-
» чтеннѣйшій, что мы съ Адольфомъ
» Граушфеттеромъ едва довели боль-
» ную Луизу до Гальсдорфа, помѣстья
» Г-жи Баронессы, неподалеку отъ Рин-
» гена — помѣстья, которое облада-
» тельница его близь десяти лѣтъ не
» видала и откуда мы выпугнули сотни
» лепучихъ мышей. Одну изъ нихъ, весь-
» ма замѣчательную по устройству го-
» ловы, берегу въ банкѣ. Она, — то есть
» Баронесса, хотѣла я сказать — до се-
» го времени не любила Гальсдорфа; по-
» въ бѣдѣ пригодился иногда и то, на
» что мы прежде смотрѣть не хотѣли.

» Всѣ пѣжнѣйшія попеченія влюбленнаго
» жениха были истощены, чтобы успо-
» коить спраждущую или, лучше сказать,
» умирающую невѣсту. Кажется, для спа-
» сенія ея онъ пожертвовалъ бы жизнью.
» Жаль мнѣ было добраго, благороднаго
» Адольфа! Луиза принимала его услуги
» съ признашельностью, казалась внима-
» тельною къ его попеченіямъ; между
» тѣмъ душевный огонь видимо пожиралъ
» остатки ея жизни. Адольфъ приписы-
» валъ это состояніе разлукъ съ матерью,
» неизвѣстности о ней въ такое злопо-
» лучное для Лифляндіи и особенно для
» Гельмста время, и тому подобному. Но
» я видѣлъ, что болѣзнь ея имѣла оди-
» накій источникъ, какъ и та, ошъ ко-
» торой вы излечили мою воспитанницу
» нынѣшнею весной. День ото дня нѣж-
» нѣй становился Адольфъ, день ото
» дня — Луиза грустнѣе. Худо выдешъ
» изъ этого! думалъ я; но этому худу по-
» мочь было нечѣмъ. Пріѣхала черезъ двое
» сутокъ Баронесса, скучная, молчаливая,

» кажешся, изъ доброй школы, попому
» что опложила въ спорону все диплома-
» щическія заботы. Она помышляла, го-
» ворила только объ одномъ: устройшь
» скорѣе счастье своей Луизы. А я такъ
» думалъ: эппмъ счастьемъ ты довершишь
» ее! Адольфа умѣла въ это время дипло-
» машка ослѣпишь до того, что онъ бре-
» дилъ только о своемъ будущемъ благо-
» получіи. Тогда же получено нами извѣ-
» стіе, что въ Рингенъ приходили Гама-
» ры съ ужаснымъ своимъ предводителемъ,
» и приходили, какъ аншикваріи, взгля-
» нушь на развалины замка. Къ удивленію
» общему, они были смиренны шамъ, какъ
» ягнята; никого не пронули на волосъ;
» ни у кого не взято даже нишки. Можно
» сказать, что Фюренгофъ вышелъ сухъ
» изъ воды. Въсстѣ съ эппмъ извѣспі-
» емъ прошла въ околдкѣ нашемъ молва,
» что съ войскомъ Азіяшскимъ въ Рин-
» генъ была какая-то колдунья, бросила
» мершваго, золошо-волосаго мальчика
» предъ окнами Вира, вынула изъ дупла

» какого-то дерева гнѣздо въ видѣ баш-
» мака, съ ужасными угрозами показала
» его издали Фюренгофу, говорила о ка-
» кой-то бумагѣ и ускакала на черпомъ
» концѣ вмѣстѣ съ Ташарскимъ начальни-
» комъ. Съ того времени Баронъ слегъ въ
» постелю и не допускалъ къ себѣ ни-
» кого, кромѣ своей вѣрной Марш. Про-
» стой народъ говоритъ, что колдунья
» ушатила гнѣздо, въ которомъ лукавый
» несъ Барону золотыя яйца: съ того-де
» и тяжело ему спало. Между тѣмъ у
» насъ въ Гальсдорфѣ рѣшено было от-
» праздновать свадьбу и вслѣдъ за тѣмъ
» вмѣстѣ съ новобрачными ѣхать въ
» Дерпшъ, куда Комендантъ тамошній
» приглашалъ Адольфа укрыться отъ не-
» пріятеля и на службу. Послали къ
» Фюренгофу съ испрошеніемъ на все
» это его утвержденія, согласно извѣ-
» стному условію. Вмѣсто отвѣта прі-
» ѣхалъ онъ самъ и, что насъ не мало
» изумило, требовалъ, чтобы свадьба
» была отправлена какъ можно поспѣш-

» иѣ. Этого только и хотѣла Баронесса.
» Передъ роковою церемоніей пришла ко
» мнѣ моя воспитанница. Она была блѣд-
» на, какъ мертвецъ; глаза ея помуши-
» лись. Она схватила мою руку своею
» ледяною рукою, и холодъ смерти со-
» общился мнѣ. Я не могъ удержашь
» слезъ своихъ. »Другъ мой! мнѣ и пла-
» кашь не велятъ« сказала Луиза, сжимая
» мою руку: я пришла съ тобою про-
» списься и. . . . (Тутъ легкій румянецъ
» означился на щекахъ ея; глаза ея сверк-
» нули погасающимъ пламенемъ; она сняла
» съ груди крошечную шелковую поду-
» шечку и подала мнѣ ее.) Этомъ даръ
» прислалъ мнѣ онѣ въ послѣдній день мо-
» его рожденія; никто мнѣ этого не ска-
» зывалъ; но я знаю, что это прислалъ
» онѣ. У сердца моего хранился милый
» даръ донынь: никто, кромѣ сердца моего,
» не знаешь объ этомъ. Я хотѣла, чтобы
» его вмѣстѣ со мною положили въ гробъ...
» Сдѣлавшись женою другаго, я не могу
» имѣть его при себѣ. Когда меня не

» будешь на свѣшѣ — а эшого ждешь не
» долго — возвратите его Густаву. Обѣ-
» щаете ли? . . . » Слова ея раздирали мнѣ
» душу; я хотѣлъ ее успокоить, но толь-
» ко могъ плакать. Мы плакали вмѣстѣ.
» Я ей все обѣщаль. Луиза хотѣла еще
» что-то сказать, но слышались шаги
» Баронессы, преслѣдовавшей свою жерт-
» ву. Вошедши въ мою комнату, она су-
» рово взглянула на насъ и повлекла не-
» счастливаю къ алтарю. Въ эти роковыя
» минуты я не могъ покинуть свою Луизу:
» я присоединился къ ней у входа въ цер-
» ковь. Она едва могла съ моею помощію
» и жениха взойти на лѣстницу. Адольфъ
» замѣнилъ ея состояніе и спросилъ ее
» съ нѣжнымъ участіемъ, не больна ли
» она. »Немножко!« отвѣчала Луиза, и едва
» не упала на мои руки; но грозный взоръ
» маэри оживилъ ее. Въ храмѣ находи-
» лись только Баронесса, Фюренгофъ, я —
» и домашніе. Баронесса была угрюма;
» милліонеръ все першилъ, будто спра-
» далъ чахошкой; Адольфъ былъ невеселъ;

» служивши плакали такъ, что нѣкошо-
» рые принуждены были выдти на па-
» першь. Церемонія походила на погре-
» бальную процессію. . . .»

— По этому она. . . вскричалъ Густавъ
задыхающимся голосомъ.

— Безумный! перебилъ съ сердцемъ
Пашкуль: что обѣщаль ты мнѣ? Развѣ
не имѣешь въ собственнхъ рукахъ за-
лога своего спокойствія? Начипаю со-
мнѣваться, достоинъ ли ты его. Не пре-
рывай меня, или я самъ замолчу.

— Нѣшъ, нѣшъ! ради Бога, продол-
жайте. . .

Пашкуль началъ снова чтеніе: »Цере-
» монія походила на погребальную про-
» цессію. Казалось, сама природа хотѣла
» сдѣлать ее еще пасмурнѣе. День уже
» вечерѣлъ; черныя тучи собрались со
» всѣхъ сторонъ и повисли надъ храмомъ;
» бушевалъ вѣтеръ, и опорванный лиспъ
» желѣза на кровль, споная, раздираль
» душу. Пасторъ готовъ былъ произне-
» сти слово судьбы, какъ вдругъ опво-

» рилась съ шумомъ дверь церкви и пе-
» редъ нами явилась высокая женщина, съ
» лицомъ мѣднаго цвѣща, съ черными длин-
» ными волосами, распущенными по пле-
» чамъ, въ нищенской одеждѣ. Глаза ея
» ужасно прыгали и, казалось, издавали
» опъ себя пламень. Мы всѣ съ шрепе-
» шомъ опшснули опъ этого привидѣ-
» нія; но всѣхъ болѣе видимо перепугался
» Фюренгофъ, ибо лице его начало по-
» дергивать ужасными конвульсіями. Спой!
» закричала женщина страшнымъ голо-
» сомъ, какого я не слыхивалъ въ жизнь
» мою, и. . . .« (Пашкуль съ неперивніемъ
схватилъ послѣдній листъ, чтобы чи-
тать продолженіе) »и. . . *Sphagnum obtusi-*
» *folium* настоящая губка, поглощающая...«
Что это значить? — вскричалъ чпецъ
съ неудовольствіемъ: — нашъ мудрецъ не
обернулъ ли въ забывчивости вверхъ по-
гами листъ, на кошоромъ начашо было
его правяное разсужденіе? Нѣтъ, это не
шакъ; и это все не то — продолжалъ
онъ, оборачивая листъ на разныя спо-

роны. — Посмотримъ опять: »*Sphagnum obtusifolium* настоящая губка, поглощающая необыкновенно много воды и имѣющая свойство расширять свои сосудцы до величины изумительной. . . .» Чтобы чортъ меня побралъ, если я шучу что понимаю! Весь послѣдній листъ исписанъ разсужденіемъ объ одномъ и томъ же растеніи; а окончанія настоящаго разсказа объ Луизѣ не видно.

— Что онъ со мною сдѣлалъ? воскликнулъ Густавъ, который досель едва смѣлъ дышать.

— Бездѣлицу! Опъ проклятаго разсѣянія, въ шорняхъ, онъ навѣрно смѣшалъ листы, и вмѣсто того, который намъ нуженъ, всучилъ свою *sphagnum obtusifolium* — чтобъ ему самому превратиться въ *sphagnum*!.. О! если бы опъ попался мнѣ теперь, я выжалъ бы изъ этой негодной губки все, что она утала опъ насъ! Негодяй! болванъ, годный только вмѣсто бюста Сократа на запыленный шкапъ деревенской библіотеки!..

Пашкуль ходилъ взадъ и впередъ по комнашѣ широкими шагами, ныхшѣль опъ досады, и — наконецъ засмѣялся.

— И мы, сказали опъ, мы настоящіи дѣшпи: сердимся на чудака, сославляющаго одинъ изъ благороднѣйшихъ рельефовъ рода человѣческаго, за слабосшь, кошорой сами причастны. Не всѣ ли мы имѣемъ своего конька? не всѣ ли покланяемся своему идолу: я — чеспи, пы — любви, Фюренгофъ — золошу, Адамъ — своей Флорѣ? О чемъ ни думаешь, что ни дѣлаешь, Флора въ головѣ его, въ его сердцѣ. И что-жь? Когда мы впадаемъ въ безуміе опъ шого, что не можемъ удствлешворять своей спрашпи, не ужь ли не извинимъ въ другомъ припадка безумія опъ любви, болѣе безкорыстной, болѣе невинной и чистой?

— Дядюшка! но онъ на волосъ повѣсилъ мечъ надъ головою моею.

— Неблагодарный! прочши еще разъ записку Луизы и брата своего, опѣв-

чалъ спокойно Папкуль, и благодарил судьбу за милости, которыя она такъ явно тебѣ посылаешь. Съ своей стороны возсылаю Тебѣ, о Боже всемогущій, благодареніе за то, что не постыдилъ меня и совершилъ мои обѣщанія.

Гуславъ прочелъ еще разъ письмо Луизы.

— Да! я виновата передъ Тобою, Господи! сказала она и, павъ на колѣна, пролила слезы благодарности передъ Творцемъ своимъ за любовь къ нему Луизы и низпосланіе залога, примиряющаго его съ жизнью и надеждами, хотя темными, но все-таки драгоценными.

Слѣдующій день былъ днемъ разлуки горестной. Гуславъ отправлялся въ Россію съ другими офицерами, взятыми въ плѣнъ въ разныхъ сраженіяхъ. При прощаніи съ дядею ему дано слово заботиться и въ опдаленіи объ его благополучіи. Что спалось съ нимъ, когда онъ, сидя на двухколесной Латышской

тѣлежкѣ, подъѣхалъ къ повороту въ землю ненрѣшельскую и взглянулъ назадъ на дорогу, копорая вела въ мѣста, для него столь драгоцѣнные? Едва закрывшіяся раны его сердца вновь распворились. . . Кто терялъ свое отечество и оставлялъ въ немъ милую, можешь судить, что онъ чувствовалъ. Когда-то онъ увидишь ихъ? Какія переменны могутъ въ это время случиться! Теперь Луиза свободна: въ этомъ увѣришь письмо ея, засвидѣтельствованное Адольфомъ; но Луиза еще не его! Кто поручишься, что ее не принудятъ выйти за другаго? Гдѣ она? что съ нею? Какая судьба постигнетъ его отечество? какія собственныя его надежды? . . . Запросы сіи пропадали въ мрачной неизвѣстности. Онъ посмотрѣлъ впередъ на дорогу въ Россію: въ эту бездну долженъ былъ онъ броситься — и сердце его замерло. . . Онъ оборотился еще разъ на дорогу въ Лифляндію: глаза его наполнились слезами. Тѣлежка двигалась; съ каждымъ ша-

гомъ лошади цѣна его потерь дѣлалась для него чувствительнѣе: онъ ничего не взвидѣлъ и бросился на солому.

Пашкуль уѣхалъ ко Двору Петра. Проводивъ мнимаго Господина Фишерлинга, Швейцарка шла, рыдая, въ свое отечество за угрюмымъ опцемъ своимъ и, казалось, готова была выплакать свое сердце. Ей назначено тайное свиданіе въ Германіи: любовь или жалость его назначали, мы не знаемъ; но извѣстно только намъ, что безъ того-бъ Роза осталась умереть на мызѣ, гдѣ похоронила свое спокойствіе и счастье.

Владимира и слѣпца давно не было на мызѣ. Опередивъ ночью Русское войско, они опдыхали на послѣдней высотѣ къ Маріенбургу. Сзади оглядывался на нихъ золотой иѣстухъ Оппекаленской кирки; впереди показывались имъ блестящимъ полумѣсяцемъ воды озера, врѣзаннаго въ темныя рамы береговъ; чернѣлся въ воздухѣ высокій шпигъ Маріенбургской ко-

локольні, п за пей, какъ искры, мелькали по времепамъ въ амбразурахъ крѣпости пушки, освѣщаемыя лучами солнца восходящаго. Уже былъ слышанъ перекатный бой барабана, возвѣщающій побудокъ. . . .



Глава осьмая



Что дѣлалось въ Мариенбургѣ?

*Деревни, города пвлаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... по дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошеня!*

ДѢВ. ОРЛ. ЖУКОВСКИЙ.

Мы такъ привязаны къ одной изъ героинь нашего романа, что не будемъ скупиться на описаніе мѣстечка, оживленнаго ея пребываніемъ. Думаю, что со временемъ читатели за это не посѣпуютъ на насъ.

Замокъ Мариенбургскій* основанъ въ

* По Лашышски Аллукене, по Русски Алистъ, находящійся въ уѣздѣ, бывшемъ Розула, нынѣ Венденскомъ, близъ угла, гдѣ сходящяся границы Псковской и Вишебской Губерній, въ 45 верстахъ отъ Нейгаузена, или Новгородка-Ливонскаго, въ 60 в. отъ Печоры.

1541 году Орденмейстеромъ Бурхардомъ Дрейлеврономъ для защиты границъ Ливоніи отъ Русскихъ. Первый Комтуръ сего замка былъ Арнольдъ фонъ Фишингофъ, по спранныму спеченію случаевъ, предокъ и однофамилецъ нынѣшняго владѣтеля Маріенбурга. Какъ и прочіе замки въ Лифляндіи, переходилъ онъ изъ рукъ въ руки то къ Русскимъ, то къ Полякамъ, или къ Шведамъ: всѣ они почтили объ его бойницы желѣзо своихъ мечей и стрѣлъ. Въ 1658 году Маріенбургъ осажденъ и взятъ Русскими подъ предводительствомъ Аѳанасія Насакина. Черезъ четыре года сданъ онъ Шведамъ въ слѣдствіе Кардисскаго договора — прибавить надобно — неохотно; ибо при исполненіи онаго объ стороны посчитались довольно жарко, къ невыгодѣ нашихъ предковъ. Въ началѣ борьбы Петра I съ Карломъ XII, военачальникъ послѣдняго, Шлиппенбахъ, исправилъ укрѣпленія замка. Только съ 1702 года Маріенбургъ становился для насъ особенно занимательнымъ.

Воображеніе, увлекаемое историческими воспоминаніями сего времени, окидываетъ его волшебною сѣтью. Еще не видавъ Мариенбурга, представляешь его себѣ какимъ-то садомъ Армидинымъ; увидѣвъ — не разочаруешься. Все въ немъ соотвѣтствуетъ той, которая некогда украшала его своимъ присутствіемъ и украшала попомъ... Но рѣчь теперь о Мариенбургѣ. Живописнѣе мѣстъ я мало видываль. Для сравненія съ пріятнѣйшими мѣстами Германіи недостаетъ ему только Европейской населенности.

Хотите ли имѣть лучшую точку зрѣнія на окрестности? Спупайте на высоту, гдѣ стоить храмикъ, съ большимъ вкусомъ сооруженный нынѣшнимъ владѣтелемъ Мариенбурга. Высоты сей не было до 1702 года. Чтобы скорѣе овладѣть замкомъ, Шереметевъ, также, какъ и при осадѣ Азова, рычагомъ тысячей рукъ передвинулъ издалека земляной валь, за которымъ укрывались осаждавшіе; взгромоздилъ бугры на бугры, засыпалъ ими

берегъ въ уровень замка и, съ высоты грома пвердыни, пребоваль покорности. Сип насыпи, пзключая высшую, красующуюся подъ храмикомъ, обросли густыми рошицами. Между ними проведена дорога, по которой можно добратъся до него въ экипажѣ. Думаль ли Полководецъ Русскій, что онъ своими батареями украситъ владѣнія Лифляндскаго Барона и устроишь постъшителямъ Маріенбурга самое выгодное и пріяшное мѣсто для обозрѣнія его окрестностей? — Откуда попросимъ читателя нашего смотрѣть на нихъ.

Развалины замка, образующія неправильный шесшугольникъ, споятъ на небольшомъ островѣ овальной фигуры, въ южномъ заливѣ Маріенбургскаго озера. Онъ, кажется, выплыли изъ водъ; ибо оставили крайницы земли и мыски, едва замѣшныя. Война будпо нарочно взорвала крѣпость, чтобы сдѣлать еще живописнее Маріенбургскую окрестность: развалины красивѣе не могъ бы создать ис-

куснѣйшій архитекторъ. Природа-зодчій, соперничая съ челоуѣкомъ въ украшеніи сего острова, съ большимъ вкусомъ помѣстила кое-гдѣ на берегахъ его кудрявыя деревья, коимъ дали жизнь сѣмена, съ маперика заброшенныя. Остатки замка, выступая изъ воды и погружаясь въ воды, двоятъ красоты сей картины. За островомъ, прямо на проливномъ берегу, возвышается кирка. Она построена въ новѣйшія времена и славится въ Лифляндіи своею огромностью и изяществомъ архитектуры. Нѣсколько правѣ, на берегу-жъ озера, изъ купы деревъ, раздѣленныхъ цвѣтникомъ, выглядываетъ простой, но красивой домикъ Паспора*. На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ домъ, гдѣ жили Гликъ и его воспитанница. Посѣ-

* Нынѣшній Пасперъ Г-нъ Рюль, умный, любезный, достойно уважаемый и любимый своею пасивою. Госпенріимство его буду всегда помнить съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ какимъ воспоргомъ рассказывалъ онъ мнѣ о шѣхъ, которыя слишкомъ за 100 лѣтъ украшали его обитель! Ему-то я особенно обязанъ за драгоцѣнныя о нихъ свѣдѣнія, за что пріятнѣйшимъ долгомъ почишаю свидѣтельствовать здѣсь мою благодарность.

щаешь жилище нынѣшняго Пастора, забываясь, что ихъ не найдешь болѣе. При каждомъ спукѣ двери думаешь: не взойдетъ ли прекрасная Кете? такъ очаровательно воспоминаше о ней! Правѣ отъ Пасторскаго домика, на холмѣ у загиба озера, красуется березовая, чистая рощица. Время ее засадило. На этомъ возвышеніи стояла кирка, въ которой патриархъ Маріенбургскій науществовалъ свою паству къ добру, и Катерина Рабе пѣвала въ хорѣ смиренныхъ прихожанъ пѣснь хвалы и благодаренія Богу, для нея столь щедрому. Здѣсь нынѣшній владѣтель Маріенбурга, Баронъ фонъ Фишицгофъ, пламенно любя все изящное и высокое, предполагалъ поставитъ памятникъ. вмѣсто двухъ одинокихъ корчмъ, нынѣ раздѣленныхъ цѣлою верскою, порядочное мѣстечко занимало берегъ. Дѣвѣ отъ нынѣшней кирки стоить господскій домикъ съ принадлежностями; отъ него по берегу шянется садъ, расположенный со всеми запѣями вкуса и

богатства. Берегъ озера съ многочисленными заливами на пространствѣ нѣсколькихъ верстѣ по убранъ рошцами и холмами, какъ грудь красавицы пышною оборкою, по устьянъ рыбачьими хижинами, деревнями и красивыми мызами, которыя глядяшя въ воды и въ нихъ умывающя. Кое-гдѣ, посреди водъ сихъ выстунающъ зеленые букеты деревъ, или волнуюшя по нимъ полосы раззолоченой осоки. Въ разныхъ направленияхъ по временамъ лешяшъ большія лодки, взмахнувъ крыльями своихъ парусовъ, и скользяшъ челноки, едва замѣшныя, какъ водяныя букашки. Иногда всплывающъ на озерѣ снѣжныя острова, образуемыя спаданми лебедей, или надъ нимъ тянушя они, воздушныя пилигримы, длинною вереницей.

Схвапывая опять нить происшествій, которую мы было-покинули для описанія Мариенбурга, просимъ вмѣстѣ съ этимъ читателя помнить, что въ послѣднихъ числахъ Юля 1702 года замокъ существовалъ во всей красѣ и силѣ

своей, и вмѣщалъ въ своей оградѣ гарнизонную кирку, домъ Коменданта и казематы, что противъ острова по дугѣ берега песпрѣло множество домиковъ съ кровлями изъ черепицы, изъ коихъ выступало грудцой жилище Пастора Глика и возвышалась на холмѣ кирка, довольно древняя, а вправо, гдѣ воды озера наиболѣе суживаются, островъ сообщался съ материкомъ деревяннымъ мостомъ, котораго сваи и шеперь еще уцѣлѣли.

Стемнѣло на дворѣ, когда Цейгмейстеръ Вульфъ возвращался въ свои казармы. Онъ только-что отпрапортовалъ, послѣ вечерней зари, своему старому Коменданту Тило-Фонъ-Тплавъ о благополучномъ состояніи крѣпости и выслушалъ отъ него грустное сознаніе, ежедневно повторяемое и ежедневно приправляемое вздохами, что бойницы, въ случаѣ нападенія непріятеля, не въ состояніи будущъ долго держаться. Скучный и грустный, Вульфъ взошелъ на крѣпостной валъ. Сапфирная полусфера

неба надъ его головою, испещренная мириадами звѣздъ, и другая полусфера въ такой же блестящей красѣ, опрокнувшая подъ его ногами, образовали дивный шаръ, коего онъ составлялъ средоточіе. »Какъ малъ человекъ въ семь нерукопворенномъ храмѣ!« думалъ Вульфъ: »но какъ возвышается онъ, умѣя постигать Тебя, мой Боже, и къ Тебѣ духомъ приближаться!« Цейгмейстеръ скинулъ шляпу, преклонилъ колено и съ горячими слезами на глазахъ молился. Никогда еще молитвы его не были такъ усердны. Вставъ, невольно взглянулъ онъ на противоположащій берегъ, гдѣ стоялъ домъ Пастора. Жилище Глика погонуло во мракъ: ни одинъ огонекъ не мелькалъ въ немъ, потому что хозяинъ его еще не пріѣзжалъ. Цейгмейстеръ и не ожидалъ его такъ скоро. Вздохнувъ, онъ собирался сойдти съ вала, какъ вдругъ въ домъ Пастора блеснулъ огонекъ, другой; огоньки начали ходить, вышли на крыльцо и освѣтили его. Можно было различить фигуры

спарика и молодой женщины. Сердце артиллерійста не на мѣсѣ. Это они; это Кеше, не лзя сомнѣваться. Онъ хотѣлъ бы перескочить къ нимъ черезъ воды; но барабанъ пробилъ роковой часъ, и заключенный въ стѣнахъ крѣпости, онъ долженъ провести мучительную ночь прежде, чѣмъ ихъ увидить.

Наступило утро слѣдующаго дня. Высокій Цейгмейстеръ съ шрепешомъ сердечнымъ стоялъ уже у кабинета Паспорова, оспорожно спукнулъ въ дверь пальцами и на ласковое воззваніе: Милости просимъ! ворвался въ кабинетъ. Гликъ сидѣлъ, обложенный книгами всякаго размѣра, какъ будто окруженный своими дѣтьми разнаго возраста. Не успѣлъ онъ еще оглянуться, кто пришелъ, какъ пріишелъ его сжималъ уже его шакъ усердно въ своихъ объятіяхъ, что сплющилъ ушуну рыжекаштановаго парика, прибранные съ необыкновеннымъ шщаніемъ. »Кешхень!« закричалъ Паспоръ звонкимъ голосомъ, поправляя свою прическу и

разводя кости — и на эпошь зовь при-
бжала воспитанница его, въ домашнемъ,
простомъ плащницѣ, съ чернымъ перед-
никомъ, нарумяненная огнемъ очага, у ко-
порога готовила похлебку для своего
воспитателя. Маленькой, проворный кни-
ксенб — и полная, бѣленькая ручка ея про-
шянуша на пожирание неуклюжаго Цейг-
мейстера. — »Какая бомба принесла васъ
такъ неожиданно къ намъ?« вскричалъ
последній съ необыкновеннымъ удоволь-
ствиемъ. — »А! господинъ будущій Ко-
мендантъ нашъ!« отвѣчалъ Пасторъ: »бла-
годарите за это Русскихъ, которыхъ вы
на свою шею намъ накликали.« — »Рус-
скихъ?« — Да, они не дали намъ и поню-
хать супу Госпожи Баронессы. Право,
такой діеши не запомню. За то, върояшю,
теперь спрянають у нея исправно, по
своему. Едва, едва не попали мы сами
подъ Сооргофомъ на вешчину къ Тапа-
рамъ, какъ вы обѣщали намъ въ долги
мершвецовъ.

Вульфъ, полагая, что надъ нимъ подыму-

чиваюшъ, вздумалъ-было сердиться; но
 разсказъ его невѣсны, переданный со
 всею очаровательностію ея голоса и
 убѣжденіемъ истины, открылъ ему глаза.
 Онъ бѣсился, что Генераль-Фельдвахт-
 мейстеръ Короля Шведскаго допустилъ
 себя обмануть варварамъ. »Но это еще не
 бѣда!« воскликнулъ Вульфъ, попирая се-
 бѣ руки. »Наши проучатъ ихъ за дерзкую
 попытку; наши оцпилютъ это вороное
 стадо.« Пасторъ, вмѣсто отвѣта, вздох-
 нуль. — »Мы ихъ встрѣшимъ, доинервеш-
 теръ!« продолжалъ Цейгмейстеръ, все
 болѣе и болѣе горячась. — »Для этой
 встрѣчи и я готовлю свои орудія. Во-
 первыхъ, господинъ Цейгмейстеръ, во-
 первыхъ, какъ говаривалъ добрый нашъ
 Фрицъ, возьму я подъ мышку Славянскую
 Библію моего перевода... Слово Божіе
 есть лучшее орудіе для убѣжденія побѣ-
 дителя.« — »Побѣдителя?« вскричалъ съ
 сердцемъ Вульфъ: »а кой чортъ шепнулъ
 вамъ, что слава непобѣдимаго войска на-
 шего Карла скинетъ шапку передъ вашими

Московитями? Развѣ сердце ваше? развѣ вашъ пономарь Московитскій написалъ вамъ о томъ?» — »Господи! пошли мнѣ духъ терпѣнія и смиренія съ этимъ бѣшеннымъ. Вошь видите, господинъ Цейгмейстеръ: я возьму подъ одну мышку Славянскую Библию; *Institutio rei militaris* и *Ars navigandi* подъ другую...« — »Вы изменники! вы предатель страны, давшей вамъ гостепріимство! Вы...«

Кете бросила на Цейгмейстера умоляющій взглядъ, схватила его за руку — и слово ужасное, гошное вырвалось изъ устъ его, не было произнесено. — Говорите, говорите, господинъ Пасторъ!« продолжалъ уже Вульфъ упишающимъ голосомъ: »я готовъ слушать васъ съ терпѣніемъ, къ кошорому мнѣ пора бы привыкнушь.«

— Мы, изменники, въ дѣла ваши, въ дѣла вѣрныхъ, нелицемѣрныхъ сыновъ отечества, не мѣшаемся! — сказала Пасторъ, стараясь удерживать свой гнѣвъ при видѣ уступаемой ему спорной земли.

Мы, вошь изволише знать, бредимъ иногда ошь старости; нами, прости Господи! обладаешь иногда нечистый духъ. (Туть Пасторъ плюнуль.) Не смопря на эшо, мы думаемъ о дѣлахъ своихъ заранѣе. Греше! Греше!

Служанка лѣшь подь пятьдесятъ, маленькаго роста, круглая, свѣжая, будшо вспрыснутая росю Аврора, прибавишь надобно, вечерняя и осенняя, съ улыбкою на устахъ прикашила предь своего господина. »Грешхень!« сказалъ Гликъ ласковымъ голосомъ: »намъ надобно отсюда убираться.«

Служанка, открьвъ заплывшіе ошь полношы глаза и списнувъ передникъ въ рукахъ своихъ, оспалась въ эшомъ положеніи: ошь ужаса она не могла набрать голосу на ошвѣшь.

— Да, да, говорю тебѣ, убираться, и со всѣми пожипками. Пуще всего надобно осторожно убрать вошь эши Славянскія книги.

— Кто-жъ насъ гонитъ отсюда? могла наконецъ выговорить Грете дрожащимъ голосомъ.

— Московиты заполонили нашу Лифляндію, если позволятъ намъ еще такъ называть ее, заполонили, говорю тебѣ, по милости нашего Всемилостивѣйшаго Государя и отца, который для своей славы ловитъ мухъ въ Польшѣ, между тѣмъ, какъ мы бѣдствуемъ, преданные невѣжеству, презрѣнію, безпечности *снихъ* нашихъ друзей, или владыкъ. Я говорилъ тебѣ давно: помани мое слово, Алексѣевичъ великій Монархъ. Не даромъ проѣзжалъ онъ черезъ Нейгаузенъ 25 Марта 1697 года; не даромъ изволилъ гнѣваться, что ему дали худой форшпанъ, что его неловко встрѣтили господа высокоименные Маіоръ Казиміръ Глазенапъ, Капитанъ Дорифельдъ и еще какой то дворянинъ безыменный, назначенный въ переводчики къ Его Величеству; а переводчикъ эшотъ говорилъ по-Русски, какъ я по Кипайски (нашоръ ослабилъ свои

румяныя губки и поправилъ на себѣ парикъ). Вообрази, Греше онъ! сказалъ Царю: Ваше Московитское Государство, по есть *Ihro Moskewitsche Kaiserthum*, вмѣсто того, чтобы сказать: Ваше Царское Величество, по есть *Ihro Zarische Majestät*. Понимаешь ли?

— Понимаю, господинъ Паспоръ! отвѣчала грустная слушательница, у которой тогда въ воображеніи плясали каспрюли, столовая посуда, бочки и прочая домашняя утварь, попревоженная съ своей осѣдлости въ безвѣстное путешествіе.

— Я улыбнулся. Великій Алексѣвичъ усмѣхнулся также, и черезъ челоуѣкъ десятокъ, которыхъ онъ былъ всѣхъ выше цѣлою головою — ты меня понимаешь, Греше! это метафора и не метафора, какъ хочешь — не одною головою на плечахъ, хотѣлъ я сказать, но головою Юпитера, изъ которой выступила Минерва. Однако-жь дѣло не въ томъ: черезъ десятокъ челоуѣкъ Великій Алексѣ-

вгчъ посмошрѣль на меня своими быспрыми, черными глазами, врѣзавшимися въ моемъ сердць, какъ будшо хощѣль сказашь: вошъ эшошъ человекъ зналь бы, какъ меня привѣшсшвовашь! Съ эшого времени (здѣсь Пасторъ гордо посмошрѣль вокругъ себя) мы познакомились; мы поняли другъ друга.

— Вы говорили — возразила служанка съ подобострастїемъ, уширая передникомъ слезу, выкаптившуюся изъ глазъ ея: вамъ угодно было сказашь, что намъ должно опсюда... Далѣе не могла она говорить и закрыла глаза передникомъ.

— Эка ты дурочка! Хныканьемъ не можешъ. Что-жъ намъ дѣлать? Московиты, шого и гляди, будутъ сюда; подѣлаюшъ изъ насъ чучель или изжаряшъ насъ на вершелъ, какъ говорилъ нѣкогда одинъ давнишній мой прїатель...

— Да когда вамъ шакъ знакомъ Московитскій Царь, прервала Греше съ нѣкошорою досадою, почему-жъ не напишете вы къ нему адреса?

— Адреса! адреса! вскричалъ Паспоръ, и началъ съ нешерпѣніемъ ходишь взадъ и впередъ по комнашѣ, двигая и передвигая безпрестанно свой парикъ. Вскорѣ онъ весь горѣлъ въ огнѣ энтузіасма. — Правда, это не худо-бѣ! Написать не диво; но съ кѣмъ пошлемъ? гдѣ мы его найдемъ?.. Творецъ своего Государства, онъ вездѣсущъ. Гмъ! пошлемъ, найдемъ... Адресъ! богатая мысль! прекрасное дѣло!.. Ты вразумляешь меня, Греше! Кабы пришли на поминѣ спранспвующіе музыканшы... тогда-бѣ — и дѣло въ шляпѣ. Греше! ты спасительница Мариенбурга. Да, сяду, сяду, буду писать.

Паспоръ придвинулъ къ себѣ спулъ, взглянулъ сухо и сурово на Вульфа и хотѣлъ съ нимъ раскланяться; но эпопъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, дружески пожалъ ее, еще разъ, и сказалъ: — Русскіе еще не пришли, господинъ Паспоръ; а хотя бы и такъ, развѣ у васъ нѣтъ друга ближе Алексѣевича? Замокъ, мнѣ вѣрней, крѣпокъ; клянусь

Богомъ силъ; его возьмутъ развѣ тогда, когда въ преданномъ вамъ Вульфѣ не останется искры жизни. Но и тогда вы и Фрейлейнъ Рабе безопасны — прибавилъ оцъ въ первый разъ съ особеннымъ чувствомъ, посмотри на нее. — Предлагаю вамъ кварширу бывшаго Коменданша, которую нынѣшній не хотѣлъ занять.

Такое дружеское предложеніе и мысль, что онъ поставилъ на своемъ, обезоружили Глика. Определено, по полученіи неблагопріятныхъ для Шведовъ извѣстій, перебраться въ крѣпость, туда же переправить членовъ богадѣльни и значительныхъ гражданъ мѣстечка. Грете опущена изъ аудіенціи, не совсѣмъ успокоенная. Хотя и знала она, что весь придворный штатъ ея перевезется безъ тревоги черезъ воды Маріенбургскаго Ахерона; но кто могъ поручиться, чтобъ какая сумасшедшая бомба не чокнулась въ крѣпости съ членами ея кухни и погреба, столько сердцу ея близкимъ?

Когда миръ и любовь воцарились въ семействѣ Глика, Цейгмейстеръ, казавшійся спокойнымъ, между шѣмъ, какъ неизвѣстность о судьбѣ Шведскаго войска щемила его сердце, вызвался разсказать свои походы съ того времени, какъ они разспались — походы, говорилъ онъ, весьма занимательныя. Прежде, нежели онъ началъ разсказывать ихъ, сходилъ онъ пошептать о чемъ-то съ Грете.

— Мое повѣствованіе — такъ началъ Цейгмейстеръ, возвращаясь въ кабинетъ Пастора — будетъ продолженіемъ того, которымъ пугалъ васъ Фрицъ, когда мы подъѣзжали къ долинь мертвецовъ. Вы помните, что я далъ слово, на возвращенномъ пути свести знакомство съ шаманскими духами. Я и исполнилъ его. Да, господинъ Пасторъ, побывалъ и я въ когтяхъ у шаманы. Вы смѣетесь и, можете бытъ, думаете, что я подвожу мины подъ мужество моей безспрашной сестрицы. Право, нѣтъ. Если хоть одно красное

словцо скажу, такъ я не аршиллеристъ, не Шведъ! Довольны ли вы?

— Вѣримъ, вѣримъ! вскричали Пасторъ и воспитанница его: просимъ къ дѣлу.

— Жай! или! вошь вамъ вмѣсто предисловія: слушайте! Снабженный нужными приказаніями отъ Генераль-Фельд-вахтмейстера, котораго нашель я на пуши въ Перновъ, и сопутствуемый Шпыкъ-юнкеромъ и двумя пушкарями, выбранными мнѣ въ подмогу Его Превосходительства изъ искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ защитѣ крѣпостей, я спѣшилъ въ Маріенбургъ шѣмъ болѣе, что хопѣлъ еще васъ перенять на дорогу. Черезъ Валки проѣхалъ я въ полночь; видѣлся тайно съ Фрицомъ, копорый сказалъ мнѣ, что починка экипажа задержитъ васъ еще тамъ на цѣлые полдня. Дорожа вашимъ спокойствіемъ, я не смѣлъ васъ разбудить.

Пасторъ пожалъ руку Цейгмейстеру; Кете бросила на него такой взглядъ, копорый, вшоргался въ сердце, бьетъ въ

немъ радостную тревогу. Вульфъ, ободренный симъ вниманіемъ, продолжалъ живѣе свое повѣспованіе: — Весь изломанный душевою жизнію на конѣ и соспрадая къ моему Буцефалу, надъ кошорымъ и жало шпоръ уже не дѣйствовало, я пріостановился въ Менценѣ. Тамъ отдохнуль я крѣпкимъ сномъ, и проснулся, когда уже ночь порядочно разгуливала надъ спраною. Мѣсяць, какъ говорятъ, заспавляющій духовъ плясать на лучахъ своихъ, прямо глядѣль мнѣ въ лице своимъ волшебнымъ ликомъ. Я вспомнилъ о долинь мершвецѣвъ. Дай-ка, перемигаем-ся съ длиннымъ, ночнымъ Барономъ ея! сказалъ я самъ себѣ, и разбудилъ своихъ спутниковъ. Храбрые у лафеша и въ амбразурѣ, они не любили возишься съ духами, и пошому, наслышавшись объ ужасной долинь, неохотно собрались въ походъ. »Скоро полночь!« сказалъ шоскли-во одинъ изъ пушкарей. »Эшо мнѣ и нужно!« отвѣчалъ я, и скомандовалъ къ маршу. Только-что въѣхали мы въ рошу,

изъ коей по косоугору идетъ дорога въ долину мертвецовъ, наши кони стали упираться, и наконецъ ни съ мѣста, какъ пушки безъ колесъ. Я разсердился на своего Буцефала, и прочелъ ему палашемъ порядочный урокъ; но животное мошало головою, прыдало и ворочало назадъ. Это меня взбѣсило. Кидаю лошадь; Шшыкъ-юнкеръ бросаетъ свою, схватываетъ пистолеты, и за мною; пушкари остаются полумертвые при лошадяхъ. Выходимъ изъ чащи, и что-жь? Въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ полнога мѣсяца, исполнски шагаетъ по долинѣ высокое привидѣнiе, выше меня двумя головами, — въ саванѣ и съ мертвецомъ за плечами. И теперъ еще, кажется, вижу, какъ мошталась безобразная мохнатая голова послѣдняго. Невольно схватилъ меня ужасъ. Товарищъ стоялъ окаменѣлый на одномъ мѣстѣ, творя молитву. Это шашки! сказалъ мнѣ разумокъ. Ободрившись немного, толкаю своего Шшыкъ-юнкера и приказываю ему слѣдовать за мною.

Спѣшу за привидѣніемъ по долинь, въ ущелье; оно опъ меня. Шаги его не человѣческіе. Казалось мнѣ, мертвецъ оберпуль ко мнѣ голову и страшно киваль ею, какъ будто зваль за собой. Чшобы себя ободрить, я крикнулъ по лѣсу, и нѣсколько голосовъ отвѣчающъ мнѣ на разные манеры: шупъ было и вышье собаки, и мяуканье кошки, и крикъ совы, однимъ словомъ, весь сапанинскій хоръ. Вдругъ забѣгали огоньки и деревья начали ходить. Оглядываюсь назадъ, ищу товарища: его уже не было. Признаюсь, волосы вспали у меня дыбомъ; но я зажмурилъ глаза, подумаль, что иду на сраженіе, и открывъ пхъ, уже смѣлѣ шель за мертвецомъ. Пышаю силу руки своей надъ деревомъ, и при взмахѣ паша оно съ трескомъ валится въ спорону. Эшо меня еще болѣе ободрило. Иду все за своимъ вожашаемъ. Въ споронѣ мелькнуло космашое чудовище, обспавленное уродливыми каменьями. Привидѣніе съ мертвецомъ опъ него въ

спорону; я все за нимъ черезъ кочки, пни и кусты: то настигаю его, то отъ него отспаю. Уже я съ нимъ свыкъся; но усталость гонова подкосить мнѣ ноги. Впереди, шаговъ за пятьдесятъ, вижу избушку, — въ ней огонекъ. Высокое привидѣніе въ нее, я за нимъ, ужъ шамъ, и — брякъ передо мною на полу ужасный мертвецъ. Привидѣніе исчезло. Земля подо мною заколебалась, и все закружилось. Съ пренешомъ оглядываюсь, махая безъ цѣли палашемъ; — кругомъ спѣны нѣсколько скелетовъ человѣческихъ въ разныхъ положеніяхъ: иные держали какіе-то значки, другіе большія зажженные свѣчи, всѣ грозили мнѣ косянками своими. Я слышалъ, какъ они переговаривались между собою на языкѣ мертвыхъ; смрадные пары окушали меня; адскій хохотъ надо мною посыпался. Тупъ холодный потъ меня прошибъ; я обмеръ, спотыкнулся, зашупался въ ногахъ мертвеца и упалъ прямо на ледяную грудь его. . . и вдругъ, слышу, схватили меня когтями и пощипали. . .

Въ сію минушу разскащикъ громко кашлянулъ; хлопнули съ ужаснымъ шумомъ ставни, и въ кабинетѣ, гдѣ были собесѣдники, сдѣлалась пемь. Кеше вскрикнула и прижалась къ своему воспитателю, который и самъ порядочно вздрогнулъ. Но ставни пошчасъ опворились и при свѣтѣ дня испуганные слушатель и слушательница увидѣли смѣющееся лицо Вульфа, и вслѣдъ за тѣмъ раздался шоржественный хохотъ его. Онъ поздравлялъ себя съ побѣдою надъ безспрашною Рабе и признался, что внезапное закрытіе съ громомъ ставней была спрашагема, устроенная имъ съ Грете, копторой за содѣйспвіе въ семь дѣль обѣцано безопаснѣйшее мѣсто въ замкѣ для ея посуды.

— По этому и разсказъ вашъ выдумка? сказала прекрасная слушательница, стыдясь минушнаго своего испуга.

— А гдѣ слово Шведа? прибавилъ Пасторъ.

— Я и теперь честію Шведа завѣряю, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ слова солганнаго, отвѣчалъ Цейгмейстеръ.

— Удивительно! сказалъ Гликъ. — Удивительно! повторила воспитанница. И шопъ и другая просили развязки, какимъ способомъ удалось ему выпутаться изъ когшей саманинскихъ.

— Къ ней-то и приступаю со спыдомъ пополамъ — произнесъ Цейгмейстеръ, вздыхая и попизивъ голосъ. Съ кѣмъ на вѣку не бываетъ осьчки? И лучшей конь спопыкается. Иные, прошу замѣнить, вскрикивають ошь одного разсказа о мертвецахъ; а я оробѣлъ только передъ настоящимъ сомнищемъ ихъ. И такъ къ развязкѣ. »Что васъ несло сюда, господинъ офицеръ, да еще въ полночь?« раздался надо мною человѣческій голосъ, прерываемый смѣхомъ. Я осмѣлился опкрыть глаза: спрашныя видѣнія исчезли; я лежалъ на канане въ чистой комнатѣ, хорошо освѣщенной; подлѣ меня сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, пріятной и

умной физиономіи, хорошо одѣтый. »Мнѣ кажется, я былъ въ лѣсу...« сказала я ему, робко осматриваясь, »и видѣлъ много ужаснаго. Не въ сповидѣніи ли мнѣ это все представилось? Но какимъ образомъ я здѣсь? гдѣ я? съ кѣмъ имѣю честь говорить?« — Вы, милоспивый государь, сказала незнакомецъ — если не ошибаюсь, господинъ Цейгмейстеръ Вульфъ — находишесь дѣйствительно въ лѣсу и въ анапомическомъ театръ вашего покорнѣйшаго слуги, Доктора Медицины Блуменшроста. А что это за театръ анашомпческій, я вамъ сей часъ объясню, если вы, господинъ офицеръ, оправдлись опъ испуга вашего — прибавилъ онъ съ коварною улыбкой. — Чортъ побери! думалъ я: лучше понасть въ цѣпныя объ-яшія кишелей, чѣмъ подъ ногошокъ насмѣшливаго Доктора. Дѣлашь было нече-го: я поручилъ себя знакомству господи-на Доктора Медицины и, краснѣя, про-силъ его растолковать мнѣ свою загад-ку. Онъ взялъ меня за руку, отворилъ

одну изъ дверей шой комнаты, въ копорой мы находились, и — какъ бы вы думали? — мы очутились въ шой самой проклятой избушкѣ, гдѣ грозили мнѣ скелеты. Полъ изъ гибкихъ досокъ дѣйствительно подо мною заколебался, и грозные осповы замахали свѣчами и значками своими. Мершвеца уже не было. Я взглянулъ на Г. Blumenшроста: онъ смѣялся отъ души. — Не бойтесь, господинъ Цейгмейсперъ! подойдемъ-ше ближе: сказалъ онъ иронически. Могу похвастаться, что въ Европѣ никто искуснѣе меня не бѣлится человѣческихъ костей, изъ которыхъ дѣлаются скелеты. Съ небольшимъ 20 лѣтъ, какъ открыто сіе искусство Симономъ Паули, изъ Ростока. Немалыхъ трудовъ и издержекъ стоило мнѣ дойти до такого совершенства, въ какомъ вы видите мои произведенія. Вотъ эпощъ скелетъ, напримѣръ — прибавилъ онъ, указывая мнѣ на самого большого — опличается глянцовишпощію своихъ костей. Въ свое время онъ

водилъ шайку разбойниковъ на границахъ Псковскихъ, а нынѣ по смерти пугаетъ Шведскихъ воиновъ. Онъ назначенъ для Дерптскаго Университета. Вънѣ и значокъ съ номеромъ и надписью, куда ему слѣдуетъ отправиться. Проволока, пущенная въ его руки, даетъ имъ необыкновенную гибкость. Опъ этого-то проводника мои куколки такъ забавно умѣютъ помахивать руками. Замѣшьте, этошъ особенно изященъ бѣлизною коспей. Онъ съ ума сошелъ опъ честлюбія: ему хотѣлось понасть въ старосты, чшобы имѣть волю бить въ селѣ своемъ палкою всѣхъ, кого ни разсудить; а какъ жезлъ сельскаго всемогущества обращался не опъ него, а на него, шо онъ удавился. Теперь вы видите, что чудакъ добился своего: онъ играетъ на моемъ театрѣ едва ли не первую роль. Если бы вы не скучали подробностями, я съ особеннымъ удовольствіемъ объяснилъ бы вамъ достоинства каждаго изъ членовъ этого общества. Вънѣ и привилегія —

продолжалъ Blumenшростъ, указавъ мнѣ на бумагу въ золотой рамѣ — данная мнѣ господиномъ Генераль-Фельдвахшмейстеромъ: она охраняетъ мое заведеніе отъ нападеній невѣжества. А вотъ одобренія разныхъ Академій, коимъ я доставилъ уже нѣсколько такихъ молодцовъ.«— Дѣйствительно прочелъ я привиллегію моего начальника, написанную по формѣ, и апшестаты Г-на Доктора. — Но, позвольте мнѣ сдѣлать еще два вопроса, сказалъ я: куда дѣвалось высочайшее привидѣніе, за которымъ я бѣжалъ, и мершвецъ, запушавшій меня въ сѣняхъ своихъ? — »Нѣмой!« закричалъ Докторъ, хлопнувъ въ ладони. На эшотъ зовъ явился молодой Лапыщъ, необыкновенной величины и такъ богатырски сложенный, что могъ бы смять добраго медвѣдя. »Нѣмой эшотъ, мой помощникъ, не въ первый разъ разыгрываетъ ролю привидѣнія, присовокупилъ Докторъ — но, признаюсь, нынѣ превзошелъ себя. Не мудрено! онъ имѣлъ передъ собою, или,

лучше сказать, за собою образованнаго зрителя. Другіе довольствуются только увидѣть его въ долину; но вы преслѣдовали его въ самое святилище его искусства. Для чего все это дѣлается, я вамъ сей часъ объясню. Всякое высшее знаніе, непоспнжимое для невѣжественнаго класса людей, имѣетъ нужду прикрыться опъ близорукихъ очей своею таинственностію. Мудрость была бы побита камнями, если бы показалась черни въ своей нагошѣ. Необходимы и въ наше время Елевзинскія таинства; и въ наше время науки имѣютъ свои жертвы, когда не облечены чудесностію.

— Правда, правда! сказалъ вздохнувъ Гликъ: давно ли пострадалъ-было, какъ ерешикъ и колдунъ, Георгъ Спернгиельмъ за то, что показалъ сквозь стекло высокоименитому Дерптскому Профессору Виргиніусу муху съ быка, а другимъ стекломъ зажегъ чухонцу бороду? Едва спасся бѣдняга опъ пепли, и то по милости Королевы Христины: вѣчная ей

за шо слава! Охъ, охъ! всѣ времена имѣли и будущъ имѣшь своихъ Виргиніусовъ.

— Не мое дѣло углубляться въ разсужденія, а полько передашь вамъ, что я слышалъ отъ доктора, правду сказать, зѣвая. На моемъ мѣсцѣ, я выставилъ бы пушку прошивъ всей этой чертовщины; жай! пли! — и, доннеръ-вешперъ, переспалъ бы у меня цырюльникъ пугать народъ. . . Но вы ждете конца моего разсказа. Оканчиваю. »Искусство мое, сказалъ Докторъ, имѣеть нужду въ чудесности болѣе, нежели какое другое. Для этого воспользовался я старинною, народною сказкою о здѣшной долинь. Въ маперіалахъ для своего дѣла не нуждаюсь. Высота креста назначена окружными жишелями кладбищемъ для умершихъ насильственною смершью. Мое привидѣніе подбираеть шрупы и доставляеть мнѣ ими средства пріобрѣшашь богатство и славу Европейскую. Я показалъ бы вамъ шеперь свою лабораторію, если бы не зналъ, что вы болѣе храбры прошивъ

живыхъ, нежели противъ мертвыхъ. Слышите ли, какъ бурлишь въ адскомъ кошлѣ бѣднякъ, такъ умильно кивавшій вамъ своею косматою головой?» Въ самомъ дѣлѣ, я слышалъ, какъ вода клокопала въ ближней комнаѣ, и со спыдомъ догадался, что эшопъ шумъ почтень мною говоромъ спрашныхъ скелешовъ. Тушь же объяснился и паръ, обхвашившій меня. Миѣ хотѣлось узнать, почему актеры анапомического театра встрѣпили меня такъ торжественно со свѣчами. »Признашья вамъ, отвѣчалъ скелешчикъ: мы васъ поджидали. Одинъ человекъ (имени его не скажу) далъ миѣ знать о вашемъ намѣреніи познакомиться съ духомъ долины; и мы успѣшили исполнить ваше желаніе. Кажется, все приготоовлено съ нашей стороны, чтобы сдѣлать вамъ приличную встрѣчу. Впрочемъ, хотя эши господа дѣйствующія лица были шѣмъ же, чѣмъ мы шеперь, а мы будемъ еще шѣмъ, чѣмъ нынѣ они, могу догадаться, что общество ихъ для васъ не совсѣмъ

пріятно. Пойдемъ успокойте вашихъ спутниковъ, ожидающихъ васъ на мызѣ съ шерпѣніемъ.» Охотно послѣдовалъ я за своимъ хозяиномъ изъ анатомическаго театра, сквозь лѣсъ и на мызу. Нѣмой и какая-то пригожая дѣвушка, живая, какъ порохъ, освѣщали намъ путь изъ царства смерти въ область жизни. Обласканный и угощенный гостепріимнымъ хозяиномъ, забывъ въ обществѣ его и еще болѣе на добромъ мажорасѣ ужасы ночи, и наконецъ убѣжденный, что не подобно никогда хвастаться своимъ безстрашіемъ, выѣхалъ я уже на слѣдующее утро изъ мызы Г-на Блуменшроста. Совѣтую и вамъ, любезная сестрица, воспользоваться даннымъ мнѣ урокомъ.

Гликъ и воспитанница его смѣялись много разсказу проученаго храбреца.

Не долго смѣялась Кете; не долго была она беззаботна: будущій Комендантъ Маріенбурга заговорилъ о женитьбѣ и просилъ вычеркнуть при мучительныхъ недѣли изъ назначеннаго до нея

срока. Паспоръ призадумался. На бѣду Кете, пришелъ въ минушу сего раздумья Мариенбургскій Бургомисшрѣ и, узнавъ, о чемъ шло дѣло, совѣщовалъ опложншь брачное торжештво до окончанія войны. — По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, эшо общее мнѣнїе вашихъ прихожанъ. — Самолюбивый, упрямый Гликъ не любилъ совѣщовъ; пословицу: *умѣ хорошо, а два лучше*, считалъ онъ сужденїемъ робкихъ головъ; для него шо было лучшее, что онъ въ кризисы упрямаго самолюбїа задумалъ и опредѣлилъ.

— Вошь, въ первый разъ приходъ хочешъ бышь умнѣ своего Паспора! Я не глупѣ другихъ; знаю, что дѣлаю — сказалъ онъ съ сердцемъ, и сїдя на своемъ конькѣ, рѣшилъ: бышь брачному торжештву непременно черезъ 20 дней. Никакія обстоятельства не должны были эшому помѣшашь. »Только съ шѣмъ уговоромъ« прибавилъ онъ, »чтобы Цейгмейсперъ всшунилъ въ службу къ Великому Алексѣевичу, въ случаѣ осады

Русскими Мариенбургскаго замка и, паче чаянія, сдачи онаго непріятелю.» Обѣщано. . . .

Жаль намъ Кеше Рабе. Что-жь дѣлать? Испорія велишь намъ веспи ее къ брачному алпарю. Скоро, скоро придется намъ легкое имячко ея замѣнишь полно-вѣснымъ именемъ Госпожи Вульфъ.



Глава Девятая



О С А Д А.

*Ужъ много болѣзъ упало въ городъ. . .
Весь Орлеанъ стоитъ надъ бездною
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзнется и вспыхнетъ. . .*

Дѣв. Орл. — Жуковский.

Вечеромъ того же дня пришло въ мѣстечко извѣстіе, что опрядъ Брандша, вышедшій изъ Маріенбурга, не нашелъ на Розенгофскомъ форпостѣ ничего, кромѣ развалинъ, и ни одного живаго существа, кромѣ двухъ, трехъ израненныхъ лошадей; что Брандшъ для добычи вѣстей послалъ мими за три впередъ надежныхъ людей, которые и донесли о слышанной ими

къ споронѣ Эмбаха переспрълкѣ, и что, въ слѣдствіе сихъ слуховъ, ошрядъ вынужденъ былъ возвратиться въ Менценъ и шамъ окопаться. Дней черезъ пять послышалась и въ Маріенбургѣ пальба къ споронѣ Менцена; она продолжалась нѣсколько сутокъ; но извѣстій ни откуда не было, какъ будто смерть оцѣпила сію страну. Наконецъ въ одинъ вечеръ показалось необыкновенное зарево, пальба утихла, и въ недолгомъ времени прибѣжалъ Шведскій солдатъ съ вѣстью объ осадѣ Менцена, разореніи мызы и взятіи въ плѣнъ ошряда.

Вздогнули сердца у жишелей мѣспечка; гарнизонъ приготовился къ оборонѣ. Ночь проведена въ ужасномъ безпокойствѣ. На слѣдующей зарѣ весь Маріенбургъ пронулся съ мѣста. Почешные жишели начали перебираться въ замокъ; надежда на милость Коменданша заставила и средній классъ шуда-жъ обратиться; многіе изъ жишелей разбѣжались по горамъ, а другіе, коимъ печего

было шеряшь, кромѣ невѣрной свободы, остались въ своихъ лачугахъ.

На главной улицѣ, и особливо къ мосту, была необыкновенная суматоха. Выбрасывали, выносили и перепаскивали изъ домовъ имущества; кричали, бѣгали, толпились, толкали другъ друга, рассказывали, что непріятель уже за милою опшъ города; иные едва не сажали его на носъ каждому встрѣчному и поперечному; и всѣ старались быть первыми у мосту, чтобы попасть въ замокъ, въ которомъ, казалось имъ, заключалось общее спасеніе. Мостъ прецалъ подъ тяжестью возовъ и людей; озеро было усыпано лодками, нагруженными такъ, что едва не зачерпывали воду. Всѣ проспирали руки свои къ спражамъ замка; всѣ молили на разные голоса о пропускѣ. »Отворите! это я!« говорилъ хриплымъ голосомъ толстый человѣчекъ съ важною фizioномією и еще болѣе важнымъ, чопорнымъ парикомъ, постукивая въ ворота натуральною шпостью съ золо-

шымъ набалдашникомъ, и перемѣшивая свои прѣбванія къ спражамъ замка успѣшеніями народу: »Что дѣлашь, дѣщи мои! Эшо жребій войны! Надобно поручить себя милосердію Бога. Не помѣспишься же вѣсмъ въ крѣпосщѣ; я совѣшоваль бы вамъ ворошиться. Видите, и я, вашъ Бургемейстеръ, съ шрудомъ шуда пробиваюсь.« — »А! эшо вы, господищъ дошпочтенный Бургемейстеръ?« спросилъ кто-шо изъ-за ворошъ, и не дожидаясь отвѣша, впустилъ важнаго челоувѣчка съ его семействомъ, челядинцами и шолною кліеншомъ разнаго возраста и роста, пошянувшимися за нимъ, какъ многочсленныя дѣщи Оедула. Надобно знать, что въ свѣшѣ каждый, немного значительный, челоувѣкъ сосшавляетъ средощочіе своего круга и ведешъ его всюду съ собою; другимъ уже въ эшомъ кругу и мѣста нѣшь. — »Посмотримъ, какъ меня не впустишь!« кричала вышянушая, сухощавая женщина, въ шелковой кофшѣ радужнаго цвѣша, въ чеп-

чикъ, смяпомъ на одинъ бокъ. »Меня! повшорила она, подперши руки въ бока: жену перваго шорговца въ Лифляндіи! меня, Сусанну Сальпешерь!« При эшомъ грозномъ имени вороша отворились. Сусанна Сальпешерь съ высоты своего величія гордо посмошрѣла на шолпу, покачала головою, помахала себѣ въ лице въеромъ, на кошоромъ рѣзвились Игры и Смѣхи, и шолкнувъ немплосердо впередъ несчастную, нахохлившуюся фигуру своего мужа съ привѣшешвиемъ: *foraus, mein Kätzchen!* вступила важно въ крѣпость. — Акредитованный погребщикъ Его Высокородія, Господина Коменданша!« кричалъ одинъ, поднимая вверхъ бушылку. И эшомъ проскользнулъ въ замокъ. Однако-жь не подумай, чипашель мой, чшобы въ сей роковой день шоржешшвовали шолько значительность сана, богатешство, заслуги или услуги; нѣшь! и дружба, безкорыстная, высокая дружба явила себя шакже во всемъ своемъ блескѣ. »Генрихъ! сказалъ жалобнымъ голосомъ. какой шо

голякъ съ фіалковимъ носомъ и небри-
скою бородой: »вспомни, какъ мы на Ива-
новъ день, подъ вивѣскою Лебеда, чок-
нули наши чары; что обѣщаль ты мнѣ
тогда?« — И эпомъ вопіющій голосъ
не былъ голосъ въ пустынѣ: усасмый
Орестъ пропашилъ своего Пилада сквозь
щель едва опворенныхъ ворошь. Тушь
началась полкошня, пискъ, крпкъ; нѣко-
торые съ моспа попадали въ воду. »Ma-
chen Sie keinen Spectakel!« закричалъ Шшыкъ-
юнкеръ, вышедши изъ замка съ опрядомъ.
Народъ былъ прогнанъ на швердую землю,
моспъ сломанъ и перенесенъ на дрова
въ крѣпость. Загремяли цѣни, упалъ за-
шворъ и двери спасенія замкнулись без-
возвратно.

На эту шревогу насунулись Владиміръ
и слѣпецъ. »Гдѣ домъ Пастора?« спро-
силъ первый у женщины, бѣжавшей рази-
ня рошь. — »Домъ? кто имѣешь пынѣ
домы!« опвѣчала она съ сердцемъ. Другой
прохожій былъ милоспивѣ къ нашимъ
пушникамъ; указалъ имъ на жилище

Глика и въ придачу объяснилъ, что они не найдуть шамъ хозяина, ибо онъ перенбрался еще прежде всѣхъ въ замокъ подъ крылышко своего будущаго зятя.

Владиміръ сѣлъ съ поварищемъ на берегу озера. Раздумье овладѣло имъ. Онъ зналъ, что Паспоръ и Цейгмейстеръ не откажутъ ему въ госпепринимствѣ. Но запереться въ крѣпости для цѣли невѣрной? започить въ ней съ собою спарца? выдерживать осаду? Кто знаетъ, какой конецъ ея? Подвергнуть Конрада ея жестокостямъ, можешь быть, насильственной смерти! И такъ уже спарику жить не долго: онъ видимо день ото дня гаснетъ. Владимиръ боялся также и за себя. Пожертвованъ, можешь спастись, собою, когда гошовилея увидѣшь родину; потеряешь плоды сполькихъ трудовъ и лѣтъ — эта мысль убивала его. Ни одного покровителя — всѣ исчезли: и Пашкуль, и маркишаншта Илза, и Фриць. Съ другой стороны какое-то предчувствіе побуждало его отправиться въ замокъ.

Объ эпомъ просилъ его и самъ Папкуль. Папкуль знаетъ Цейгмейстера; Владиміръ самъ имѣлъ случай въ долині мершвецовъ распознать его свойства, провидѣвъ его геройскій духъ. Онъ вспанешъ, эпомъ духъ, во всей силѣ и величіи своемъ, когда преданность къ опечесшву и Королю потребуешь опъ него подвига. Врагу, опасному для Русскихъ, надобно прошивопоставишь себя. Кто знаетъ? Можешъ бышь, и опъ него самага опчизна ждешъ послѣдней, очисшительной жертвы.

Рѣшишься па что нибудь надобно скорѣе. Русскіе въ шопъ-же день, или, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующій должны подойти къ Маріенбургу, и тогда опняша всякая возможность попасъ въ зѣмокъ. — »Другъ!» сказалъ наконецъ Владиміръ своему товарищу, пожимая ему руку: »намъ надобно перебрашъся въ зѣмокъ.« — »Что-жь мѣшаешъ?» спросилъ Копрадъ. — »Зѣмокъ будешъ осажденъ.« — »Иди, куда зовешъ тебя Провидѣніе. Мнѣ-ль

спарцу, попкою нишью привязанному къ землѣ, задерживать себя на пути шво-емъ? Разрѣшу, и полечу. Пора и мнѣ поспавишь въ уголокъ хрупкѣй носохъ. Гошово сердце мое, о Боже, гошово!« — »Для кого доспанешся тебѣ, можешъ бышь, пожертвоватъ собою! Знаешъ ли, кшо я?« — »Другъ мой.« — »Знаешъ ли, что я величайшѣй злодѣй?« — »Ты другъ мой.« — »Я Русской.« — »Давно это мнѣ извѣстно.« — »Я всегда скрывалъ это отъ тебѣ.« — »Не уже ли ты думаешъ, что слѣпцы ничего не видятъ? Сердце служишь имъ очами. Мое собрало тебѣ, разсѣяннаго въ осязаніяхъ, въ словахъ, въ пуши и на перепушьяхъ нашего десятильшняго спранспвія; оно соспавило себѣ изъ челоуѣка, которѣй со мною ходишь, копорого люди называюшь Вольдемаромъ, существо особенное, оплично отъ другихъ, но знакомое мнѣ до послѣдней ниши его бышя. Я люблю его; я привязанъ къ нему всѣми способностями души моей; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ему имени; онъ заклю-

чаешь для меня весь міръ, все человѣчество. Говори мнѣ, что ты преступникъ: я не вѣрю тебѣ. Преступникомъ могъ бытъ Вольдемаръ; но ты существо, мною созданное, чистъ, какъ Ангелы. Я поклонялся бы тебѣ, если-бъ не зналъ — Бога! Мнѣ-ль послѣ того не разумѣшь себя?.. Сколько разъ ловилъ я сердцемъ свои болезненные вздохи и читалъ въ нихъ повѣсть своихъ спраданій! Ты рассказывалъ мнѣ о Россіи, какъ о землѣ, тебѣ чуждой; но родина отзывалась въ словахъ своихъ. И ты самъ сколько разъ передалъ мнѣ въ тайнственныхъ опрыскахъ повѣсть своей жизни! Вольдемаръ самъ не зналъ этого; Вольдемаръ спалъ тогда; но ты — мнѣ все повѣдалъ. Москва, Софія, Князь Василій, родина, все тебѣ драгоценное, заключенное въ груди своей во время бдѣнія, вырывалось у тебя во снѣ и обличало тебя. Не рѣдко, при опасныхъ для тебя свидѣтеляхъ, спрашась, чтобы ты не измѣнилъ самому себѣ, я подсперегалъ роковыя имена

на своихъ успахъ, шолкаль шебя и прерывалъ превожныя свои сновидѣнiя. Тайну свою хранилъ я, какъ будто ты самъ мнѣ ее повѣрилъ. О! какимъ благомъ пожелъ бы я принестъ себя въ жертву, тебѣ полезную!»

Замолчалъ слѣпецъ. Владимiръ палъ на его грудь, и слезы счастья неподкупнаго оросили ее. Свяшой спарець ничего не говорилъ; но вмѣсто опѣша на челѣ его прикорнулъ Херувимъ радости. Молча поднялись они и побрели къ озеру.

Всѣ лодки, по приказанiю Коменданша, были попоплены или сведены на берегъ острова. Только-что заспали они ушлый чолнъ, и въ немъ переѣхали къ замку. Еще издали замѣшилъ ихъ Цейгмейстеръ и приказалъ спустить имъ со стѣны веревочную лѣстницу, по которой и перебрались они въ замокъ. Неизвѣстно, что открыли Вульфъ наши спранники; но видно было по движенiю въ крѣпостцѣ, что защитники ея приготавливались къ немедленной оборонѣ.

4-го Августа подошли Русские къ Мариенбургу. Въ слѣдующіе дни прорыты апроши съ трехъ сторонъ залива, въ коемъ споялъ островъ съ замкомъ; на берегу зашевелилась земля; поднялись сопки, выше и выше; устроены бапарей, и началась осада; 20 дней продолжалась она. Искусная оборона Цейгмейстера (ибо онъ распоряжалъ ею за старостью Коменданта) долго разспроивала усилія Русскихъ взмощиться на высоты, которыя могли бы господствовать надъ замкомъ. Убийственный огонь, высылаемый Вульфомъ, снималъ людей съ бапарей, какъ проворный игрокъ шашки съ доски, подрывалъ лафеты у мортиръ, разсыпалъ амбразуры, и въ нѣсколько часовъ уничтожалъ пруды нѣсколькихъ дней. Многихъ Русскихъ не досчитывали въ рядахъ: и теперь еще бугры свидѣтельствуютъ, что удары заржавленныхъ Мариенбургскихъ пушчонокъ были мѣшки. Не смотря на это, хладнокровіе Шереметева, принявшаго на себя управленіе осады, не измѣ-

нялось: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Наконецъ онъ внесъ главную бапарею на высопу, съ коей, окинувъ окрестность, могъ сказать: *Замокъ нашъ!* Съ сего времени островъ былъ осыпаемъ бомбами; одна сторона стѣны очень повредилась; но осаждаемые не сдавались. Такое ожесточенное мужество поколебало и хладнокровіе Шереметева; — вѣрно успрошишь клошы и бышь гошовыми къ штурму.

Въ започеніи своемъ Пасторъ и его воспитанница почиали приходъ гуслиста и слѣпца особеннымъ для себя благодѣяніемъ Неба. Владиміръ, мало помалу, незамѣтно, подспрекалъ самолюбіе Глика, предсавляя ему, сколько бы онъ полезъ былъ Преобразовашелю Россіи знаніемъ языка Русскаго и другихъ, какую важную ролю могъ бы онъ играть въ сей странѣ и какое великое имя прибрѣлъ бы въ потомствѣ своими ей заслугами. Что дѣлаешь онъ въ шемномъ, шѣсномъ уголкѣ Лифляндіи? оцѣнены ли его познанія Шведскимъ Правительствомъ?

Адресъ, надъ коимъ онъ сколько трудился, могъ ли, будешь ли имѣть ходъ? Все это говорилось шайкомъ ошъ Цейгмейспера, въ минушы задушевной довѣренности, и такъ оспорожно, что выговаривалъ сн жалобы не Владимірь, а оскорбленное самолюбіе Пастора. Надобно прибавишь, что и Цейгмейсперь, какъ бы передъ ужаснымъ переломомъ жизни, во всѣхъ спорахъ, зашѣваемыхъ Гликомъ, спалъ перпѣливъ, какъ писчая бумага, и оказывалъ ему нѣжную, уступчивую почтительность сына, даже и тогда, когда дѣло шло о переходѣ въ Русскую службу. Воображеніе Глика вмѣстѣ съ успѣхами осаждавшихъ такъ разгоралось, что онъ наконецъ не спалъ сходишь уже съ своего конька и написалъ, сидя на немъ, Царю адресъ, коимъ просилъ о принятіи пасыря и паствы Маріенбургской, особенно будущаго зятя своего, подъ особенное покровительство Его Величества. Адресъ обѣщано передать по принадлежности, когда пошребуютъ обстоятельства.

Каперина Рабе цвѣла и подь бурю. Заключенная непріяшелемь въ шѣсной за- садѣ и готовясь надѣшь новыя цѣпи, она безопасно ушѣшалась вкрадчивыми раз- сказами Владиміра о Россіи, и шушила по прежнему. »Настоящая жена храбраго Коменданша!« говаривалъ Пасторъ. Не рѣдко подь громомъ пушекъ составля- лось восхищительное шріо изъ Кеше, слѣпца и гуслиста.

Въ какомъ отношеніи былъ Цейгмей- стеръ къ Владиміру? О! его полюбилъ онъ, какъ брата, слушался даже его со- вѣтовъ, не рѣдко полезныхъ. Съ какимъ негодованіемъ внималъ онъ разсказу его о простодушіи и безопасности Шлиппен- баха, котораго, будто, Владиміръ зара- нѣе увѣдомилъ о выходѣ Русскихъ изъ Нейгаузена! Съ какимъ удовольствіемъ далъ онъ убѣжище въ своей пристани этому обломку великаго корабля, разби- таго бурю! »Скипаясь теперь безъ ку- ска хлѣба, безъ надежды!« говорилъ Вла- диміръ голосомъ оскорбленія. »Вошъ чѣмъ

заплашили за мои услуги! Ими не умѣли воспользоваться, а я терплю.» Попеченіями своими о доставленіи всѣхъ возможныхъ выгодъ нашему спраннику хотѣлъ Вульфъ вознаградишь неблагодарность къ нему своего главнаго начальника, неумѣвшаго во время обезнечишь благосостояніе чловѣка, столько для него сдѣлавшаго. Однимъ словомъ, Владиміръ спалъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Цейгмейстеру, въ какихъ прежде ходился къ Шлппенбаху.

Никогда еще молодой спранникъ не посковаль такъ сильно по опечесствѣ. Часто среди утѣшительныхъ надеждъ слышался ему приговоръ мнимаго опца его. »Опца моего?« спрашивалъ онъ себя: »нѣтъ; не можеть бытъ! Андрей Деппсовъ не опецъ миѣ. Слово это не говоришь моему сердцу; онъ только испугаль меня неожиданностію. Ничто во миѣ не двигалось къ нему: во миѣ нѣтъ ничего съ нимъ сходнаго! Когда-бъ опъ былъ миѣ опецъ, давно бы въ Москвѣ, въ По-

морскомъ скипѣ, гдѣ илбудь, проглянуло ко мнѣ чувство родителъское, хопя-бъ изъ-подъ веригъ пустосвящства. Отець не велъ бы на казнь сына, не оставилъ бы матери моей. Мать моя, кто бы она ни была, не могла полюбить это чудовище. После этого придется мнѣ самаго лукаваго призначь своимъ опцемъ! Пѣшь! пѣшь! съши! . . .» Такъ отражалъ Владиміръ мыслями и сердцемъ ужасное объявленіе ересіарха. Молчаніе Пашкуля при повѣркѣ завѣщанія Кроношова и отвѣшны яснovidящаго слѣнца, для коего несчастный не шайлъ долѣ исторіи своей жизни, ушвердили его въ мысляхъ, что Андрей Денисовъ не отецъ его.

Между тѣмъ въ лагерь осаждавшихъ случилось происшествіе, весьма близкое къ нашему Владиміру. Въ одинъ день, когда Русскій военачальникъ съ высоты, имъ ослениной, вперилъ орлиные взоры на башни Маріенбурга, уже не шакъ бойко поговаривавшія, пришли доложить ему, что одинъ раненый рядовой имѣеть объ-

явишь ему слово и дѣло. Фельдмаршалъ вошелъ въ свою спавку; туда-жь призванъ и солдатъ: это былъ пошъ самый, которому Андрей Денисовъ поручилъ отдать свое посланіе. Оно вручено Фельдмаршалу съ обыкновенными солдатскими шемпами уваженія и подчиненности. Величаво и проницательно взглянулъ Борисъ Петровичъ на служиваго и, прочтя на открытомъ его лицѣ одно смѣлое добродушіе, ласково спросилъ его: что это значитъ? Тутъ подробно разсказалъ ему рядовой о встрѣчѣ своей съ Денисовымъ, котораго называлъ переодѣвшимся Бояриномъ. Горестная дума осѣнила лице военачальника въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Въ семъ письмѣ давали знать, кто такой Владиміръ: довольно было этого объясненія, чтобы погубить его. Къ тому-жь Андрей Денисовъ присо-вокуплялъ, что въ то же время, какъ писалъ Фельдмаршалу, онъ увѣдомлялъ о злодѣѣ и Преображенскій Приказъ. По прочтеніи посланія, Борисъ Петровичъ

обратился къ солдапу, примѣшко удерживаясь отъ гнѣва. — Хвалю твое усердіе, сказалъ онъ сурово, отдавая служивому нѣсколько серебряныхъ монетъ... по поспѣшай въ Россію, куда ты опущенъ. Чтобы черезъ часъ духу твоего здѣсь не пахло! и... горько тебѣ будешь, если когда проговоришься объ этомъ письмѣ! Слышишь!..» Смущенный солдатъ спѣшилъ убраться изъ палатки Фельдмаршальской и тѣми же стѣпами изъ лагеря.

Долго задумавшись ходилъ Борисъ Петровичъ взадъ и впередъ по палаткѣ. «Эшо онъ! нельзя ошибиться!... Поймать!.. казнить!.. заплашить за важныя услуги отечеству!... надобно его спасти!..» были слова, вырывавшіяся у него по временамъ. Скука, грусть видимо означались на важномъ его лицѣ. Онъ приказалъ позвать къ себѣ Князя Вадбольскаго. Ему-то повѣрилъ онъ, какъ другу, тайну письма, свои опасенія на счетъ несчастливца, служившаго такъ

вѣрно Русскому войску, и желаніе свое спасши его отъ гибели, которая его ожидаетъ, если злодѣйскіе происки Денисова найдутъ себѣ путь въ Москвѣ. Только настоящее время дорого; въ послѣдствіи, при удобномъ случаѣ, самъ онъ, Фельдмаршалъ, можетъ быть ходатаемъ за несчастливца. Гонимый находится въ Мариенбургѣ: объ этомъ предупрежденъ Борисъ Петровичъ. Замокъ едва держится; онъ долженъ скоро сдаться. Надобно непременно спасти Владиміра. Примѣты его описаны въ письмѣ: не лѣзя ошибиться. Вадбольскій шѣмъ охотнѣе берется за сіе дѣло, что угадываетъ въ немъ и своего избавителя. Средства спасенія придуманы такъ, что никто объ исполненіи ихъ не будетъ знать, кромѣ третьяго лица, именно Мурзенки, много обязаннаго несчастному (что Пашкуль имѣлъ случай объяснить Фельдмаршалу и что мы узнаемъ со временемъ). Душа Татарскаго наѣздника скрышна, какъ дно морское.

Глава Десятая



СВАДЬБА И ПОГРЕБЕНІЕ.

*Уже я думалъ — вотъ приглася!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной. . .*

Ночь на 24-е Августа была мрачная. По временамъ только прорѣзывался сей мракъ огнемъ, вылепавшимъ клубомъ съ шрехъ бапарей Русскихъ. Казалось, его мешалъ съ неба самъ Громодержитель. Замокъ на островѣ извергалъ также съ шрехъ сторонъ огни: воды озера повшоряли ихъ. Въ сіи мгновенія рисовался и замокъ, опрокинутый въ водѣ, будто стеклянный дворецъ Фен, освѣщенный

Факелами лешающихъ духовъ. Огоньки, унизавшіе высоты, занятыя Русскими, казались висящими на воздухъ. Громъ орудій прокапывался по сзеру и отдавался по нѣскольку разъ берегами. Наконецъ къ полуночи все померкло и стало тихо, такъ тихо, что съ главнаго раската можно было слышать, какъ бѣжала волна и съ ропотомъ издыхала на берегъ. Часа два продолжалась тишина сія. Вдругъ съ берега что-то свиснуло и загремѣло: два огненные хвостика очерпили по воздуху полукругъ, и въ слѣдъ за тѣмъ въ замкѣ что-то съ ужаснымъ шумомъ рухнуло: поднялись крики и стонаванія.

Разсвѣтъ дня сбѣясилъ причину ихъ: главная стѣпа и одинъ болверкъ съ пушками пали. Фельдмаршалъ съ высоты любовался разрушеніемъ крѣпости. »Чистая работа! благодарствую!» сказалъ онъ, положивъ руку на плечо бомбардира, стоявшаго подлѣ него съ улыбкою самодовольствія.

Въ замкѣ все приуныло. У Коменданта составленъ былъ совѣщъ. Проломъ стѣны, недоспашокъ въ съѣстныхъ припасахъ, изготовленія Русскихъ къ штурму, замѣченныя въ замкѣ — все утверждало въ общемъ мнѣніи, что гарнизонъ не можетъ долѣ держаться; но что въ случаѣ добровольной покорности можно ожидать отъ непріятеля милосивыхъ условій для войска и жителей. Рѣшено, черезъ нѣсколько часовъ послать въ станъ Русскій переговорщиковъ о сдачѣ. Самъ Цейгмейстеръ, убѣжденный необходимосцію, не прошивился сему рѣшенію.

Съ веселымъ лицемъ явился онъ на кварширу Пастора. Последній одѣтъ былъ по праздничному; все въ комнатахъ глядѣло также торжественно. Подавъ дружески руку Вульффу, Гликъ спросилъ его о необыкновенномъ шумѣ, слышанномъ ночью. (За домами не видашь было сделаннаго въ стѣнѣ пролома.) Шутя отвѣчалъ Цейгмейстеръ: — »Московиты не такіе варвары, какими я ихъ воображалъ; они

знали, что нынѣ день моей свадьбы, и хотѣли еще заранѣе, съ полуночи, поздравить меня съ бабарей своихъ. Доннервешшеръ! нынѣ-жъ послѣдуешь сдача нашей крѣпостицы, и тогда мы расквитаемся съ ними.» — «Сдача? слава Богу!» воскликнулъ Паспоръ, и въ благоговѣніи сложилъ руки на грудь, прочиталъ про себя молитву. »Не опложишь ли намъ свадьбу до заключенія мира?» — «Ваше слово, господинъ Паспоръ, ваше слово должно бытъ свято. Я хочу, чѣобы Кашерина Рабе вошла съ моимъ именемъ въ списанъ Русскій. Гдѣ жъ моя невѣста?»

На зовъ Глика явилась его воспитанница. Сама богиня любви обольстительнѣе ея не выходила на свиданіе съ Марсомъ. Щеки ея пылали; грусть въ очахъ ея походила болѣе на тоску любви; черныя лсконы живописались на алебаспровыхъ, округленныхъ плечахъ; шея была опоясана золошымъ ожерельемъ съ бирювою; бѣлошласное платье, подаренное ей Луизой и сберегаемое ею на важный

случай, ласшилось около ея роскошныхъ формъ и придавало ей какое-то величіе; спань ея обнимала златошвейный поясъ; одинокая, пышная роза колебалась на бѣлоснѣжной, дѣвственнѣй груди. Только одну и могли найдши въ цвѣшникѣ Комендантскаго сада: казалось, она запоздала въ немъ для того только, чтобы кончить жизнь такъ счастливо. За невѣстою шель Владиміръ. Смуглое лице, черныя кудри, небрежно раскиданныя, пасмурный взоръ, бѣдная одежда, рѣзко отдѣлялись отъ блестящей, роскошной фигуры невѣсты.

Невѣста и женихъ спали на свои мѣста. Пасторъ съ благоговѣніемъ совершилъ священный обрядъ. Слезы поллились изъ глазъ его, когда онъ давалъ чепъ брачное благословеніе. Съ послѣднимъ движеніемъ его руки опдали въ спань Русскомъ кому-то чепъ барабаннымъ боемъ... и вслѣдъ за шѣмъ, въ компаншѣ, гдѣ совершалась церемонія, загремѣлъ паниспвечный пророческій голось, какъ торже-

спвенный звонъ колокола: *»и се на главѣ ея лежитъ корона!«* Всѣ невольно вздрогнули и оглянулись. На порогѣ двери стоялъ слепецъ. Онъ казался необыкновенно высокъ; грудь его колебалась, незрячія очи горѣли, какъ въ то время, когда онъ рассказывалъ свои видѣнія въ долинь мершвецовъ. Какимъ образомъ пришелъ въ комнату, гдѣ совершалось таинство, слепецъ, одинъ, безъ проводника, безъ посоха? кто былъ его пупеводитель? . . . Три дня уже онъ сильно перемогался. Съ изумленіемъ, молча смотрѣли на него, какъ на пришлеца съ того свѣта. Вдругъ онъ началъ колебаться, искалъ когони руками и произнесъ слово: *позванѣ!* грянулся на полъ. Владиміръ подбѣжалъ къ нему; онъ чувствовалъ еще пожатіе его руки; но черезъ мигъ улыбка смерти порхала уже на лицѣ старца. Владиміръ цѣловалъ его руку и орошалъ ее слезами.

Ужась объялъ всѣхъ. Новобрачные спѣшили въ другую комнату, а на встрѣчу

имъ — Шшыкъ-юнкеръ Гопшлингъ, особенно преданный Цейгмейстеру, съ извѣстіемъ, что Комендантъ съ нѣсколькими офицерами перешелъ уже на ту сторону и прислалъ сказать, что у него идутъ переговоры о сдачѣ замка на выгоднѣйшихъ условіяхъ: гарнизону и жителямъ мѣстечка предоставленъ свободный выходъ; имущество и честь ихъ обезопасены; только солдаты должны сдать оружіе побѣжденнымъ и выйти изъ замка съ пулями во рту. Румянецъ вспыхнулъ на лицѣ Вульфа; видно было на лицѣ его, что онъ удерживался отъ негодованія.

»Скажи Коменданту« отвѣчалъ онъ довольно спокойно, »что я даю свое согласіе; но пребуду шести часовъ для выпровожденія отсюда жителей Мариенбурга. Залогомъ въ выполненіи условій можешь послужить господинъ Комендантъ съ товарищи!« прибавилъ Вульфъ, коварно усмѣхаясь. Потомъ переговоривъ что-то съ Шшыкъ-юнкеромъ шепотомъ, крѣпко пожалъ ему руку, опустивъ его

и, увлекаая съ собою новобрачную, пошелъ съ нею опыскивать Глика.

Пастора нашли они въ цвѣшникѣ. Дрожащею рукою осыпалъ онъ пескомъ свѣжую могилу и произносилъ: »миръ тебѣ въ селеніи праведныхъ!« Въ глубокой горести, опершись на заступъ и качая головой, споллъ подлѣ него Владиміръ: слезы струились по его щекамъ; взоры его, какъ будто, выражали: »Одинъ онъ только въ мірѣ не покидалъ меня, и его у меня опили!« Новобрачные посыпали также песку въ могилу — и скоро земляной бугоръ, возвысившійся надъ нею, скрылъ навѣки останки вдохновеннаго старца.

Свадьба и похороны были такъ смѣжны, неизвѣстность, окружавшая нашихъ друзей, такъ страшна, что не лзя было имъ не задуматься надъ бѣдностью здѣшняго міра. Шпыкъ-юнкеръ Гопплигъ вывелъ ихъ изъ сей задумчивости, донеся Цейгмейстеру, что волю его обѣщали исполнить; но что, пропивъ чайня, ког-

да оны Гопшлигъ причалилъ лодку свою къ берегу острова, войска Русскія начали становиться на плоты, вѣроятно, для штурмованія замка. »Мы встрѣшимъ ихъ!« сказалъ Вульфъ, проснулся съ Гликомъ и своею супругою, и опираясь принять гостей, не впору пожаловавшихъ.

Въ самомъ дѣлѣ Русскіе на нѣсколькихъ плотахъ подѣхали съ разныхъ сторонъ къ острову. Встрѣча была ужасная. Блеснули ружья въ бойницахъ, и осаждавшіе дорого заплатили за свою неосторожность. Сотни ихъ пали. Плоты со мпожествомъ убитыхъ и раненыхъ немедленно возвратились къ берегу. Изъ спана посланъ былъ офицеръ Шведскій переговорить съ Вульфомъ, что Русскіе не на штурмъ шли, а только ошибкою, ранѣ назначеннаго часа, готовились принять въ свое завѣдываніе островъ. »Въ другой разъ не будешь ошибаться!« сказалъ хладнокровно Цейгмейстеръ. »Я пребую, чтобы изъ этихъ самыхъ плотовъ сдѣлали мостъ для пере-

хода Мариенбургскихъ жишелей, копорыхъ я взялъ подъ свою защиту.»

Съ торжественнымъ лицомъ явился Вульфъ къ Глику и заспалъ его въ большихъ прудахъ. Онъ высиживалъ рѣчь, которую хсѣлъ произнести передъ Русскимъ военачальникомъ, когда послѣдуетъ сдача замка. Госпожа Вульфъ въ глубокой задумчивости сидѣла неподалеку отъ него. »Друзья мои!« сказалъ Цейгмейстеръ: »я все хлопочу о вашемъ благополучіи. Бездѣльники вздумали-было неисполнить своего слова: но кто побывалъ въ моей школѣ, научился держать его. Московитскіе плоты къ вашимъ услугамъ, и я заставляю побѣдителей переправить васъ на ту сторону.« — »Э, э, любезный! гдѣ-жъ у васъ, позволите сказать, Минерва?« говорилъ Пасторъ, заглядывая безпрестанно въ бумагу, передъ нимъ лежавшую, перемѣшивая суежливо свой разговоръ на Нѣмецкомъ сбрывкамъ Русской рѣчи и ударяя рукою по столу: *»Высокоповелительный Вождь Россійскихъ*

побѣдоносныхъ. . . Да, да, мой любезнѣйшій другъ, берегитесь, чшобы не. . . Пали подѣ стопы ваши грозныя твердыни крѣпкаго града Мариенбурга, какѣ нѣкогда Троя. . . чшобы не опилашили вамъ, говорю я! Бррь, брь. . . Не забудьте своего слова. . . Минерва несла передѣ вами эгиду свою. . .» — «Объ ней-шо хошѣль я съ вами переговорить» перебилъ Вульфъ, пожавъ плечами, и почти насильно опшелъ Глика въ другую комнашу. Здѣсь подѣ кляшвою опкрылъ онѣ великую шайну. — «Только вамъ, Вольдемару и Шпыкъ - юнкеру» прибавилъ Цейгмейстеръ, «повѣрилъ я эшу шайну. Спасайте себя, мою Кеше и шѣхъ, кшо захочешъ за вами слѣдовать.» — «И вы шакъ жестко обманули меня? вы оставяете вдовой шу, съ кошорой шолько-чшо сочешаль васъ Богъ?» произнесъ горестно Паспоръ: «зачѣмъ же не любя ее. . .» — «Другому, кшо бы мнѣ эшо сказалъ, я раскроилъ бы черепъ» перебилъ Вульфъ. «Нѣшъ, мой добрый отецъ, я любилъ ее

слишкомъ много : эту слабость могу только теперь исповѣдать. Но моя любовь была чиста и возвышенна, какъ любовь древняго рыцаря: таковою и останешся. Я хотѣлъ только, чтобы бѣдная, незначущая сирота носила мое имя — кажется, благородное! въ этомъ, допервешперь, порукою нынѣшній день. Въ шкапулкѣ, которую ввѣрилъ я вамъ вчера, найдешь вдова Цейгмейстера Вульфа, чѣмъ обеспечишь будущность. Исполнивъ обязанности дружбы и любви, я имѣю еще высшія обязанности: пришло время заплащить долгъ мой Королю и опечеспву.« Гликъ убѣждалъ, умолялъ его именемъ дружбы, любви, Бога, оставить свое намѣреніе; но Цейгмейстеръ былъ неумолимъ. »Мое слово неизмѣнно, какъ самъ Богъ!« — сказалъ послѣдній — »въ этомъ клянусь Его святымъ именемъ!« Оставалось уступить ему не безъ большаго неудовольствія.

Опъ новобрачной скрыли ужасную тайпу. Только при разставаніи съ

мужемъ она замѣтила въ словахъ его и во всѣхъ движеніяхъ что-то необыкновенное. Разлука ихъ должна быть часова, какъ ей сказали; а между тѣмъ глаза его были мокры, когда онъ прощался съ нею и ея воспитателемъ. Этого никогда съ нимъ не бывало; это не даромъ! Еще сильнѣе возродились ея подозрѣнія, когда Вульфъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ съ особеннымъ чувствомъ: »будь счастлива!« Невольно содрогнулась она отъ сихъ словъ, заплакала и бросилась къ нему на грудь. Она не чувствовала къ нему особенной любви; но привыкла къ нему, уважала его, какъ покровителя, брата, друга; знала, что онъ къ ней привязанъ; носила уже его имя — и потерявъ его было для нея тяжело. Разными обманами старались ее успокоить. Друзья разспались.

Началось шествіе Мариенбургскихъ жителей изъ замка по мосту, составленному изъ сдвинутыхъ плотовъ Русскихъ. Впереди всѣхъ медленно и важно выступилъ

Пасторъ въ праздничномъ одѣянн. Подъ левою мышкою несъ онъ Славянскую Библию, нерѣдко покашливалъ и бормоталъ про себя, зашверживая привѣтственную рѣчь. За нимъ слѣдовала, опустивъ печально голову, воспитанница его, въ брачномъ одѣянн, котораго не успѣла скинуть. Занятая мыслями о своемъ хозяйствѣ, Грете шла за нею не въ меньшей горести. Она несла узель, въ коемъ заключены были, едва выглядывая на бѣлой свѣтъ, Квинтъ - Курцій, Юлій Кесарь, Езопъ и прочіе великіе мужи древности, удостоенные по милости Пастора преобразиться изъ Римской и Греческой шогги въ Русскую одежду. Полный презоги и непернѣнія посиѣшалъ за ними Владиміръ. Медленность шествія досаждала ему; если-бъ можно, онъ перебросился бы въ станъ Русскій. Клятва, которую онъ далъ Вульфѣ хранить роковую тайну, можешъ и должна бытъ нарушена для блага его соотечественниковъ. Допустимъ ли онъ своихъ брашьевъ бытъ обманутыми

Шведами и погибнуть нечаянною смертію?

Въ слѣдъ за нашими друзьями высыпали изъ ворота замка граждане Мариенбургскіе, какъ овцы, выпущенныя въ красный день изъ овчарни. Часъ гарнизона спустилась также, малая часть осталась въ замкѣ по условію до сдачи онаго и всѣхъ военныхъ снарядовъ Русскимъ. — Долго стоялъ Вульфъ на берегу острова, пока не потерялъ изъ глазъ Пастора и ту, которую онъ называлъ такъ долго сестрою своею и такъ мало своею женою. Вблизи моста, на авансценѣ Русскаго сцана, стоялъ благородный представитель своихъ соотечественниковъ, Князь Вадбольскій. Ему поручено было распорядиться о пріемѣ дорогихъ гостей, выступавшихъ изъ замка. Неподвижный, закованный въ одну думу, въ одно чувствованіе, онъ устремилъ свои взоры на подходившую къ нему толпу. Позади, въ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, находились, верхомъ знаменитый Мурзенко,

близъ него два конныхъ Ташарина, изъ коихъ одинъ держалъ осѣдланную лошадь, и чешверо спѣшенныхъ драгунъ. Всѣ они внимательно спорожили движенія Вадбольскаго; самыя лошади ихъ, навоспривъ уши, поднявъ головы, казалось, одинаково чего-то выжидали. Лишь только Владиміръ, въ слѣдъ за Паспоромъ и его домочадцами, спустилъ ногу съ моста на берегъ и взглядъ его сошелся съ наблюдательнымъ взглядомъ Князя Вадбольскаго, какъ почувствовалъ себя схваченнымъ за руку могучею его рукою. »Тебя щущь!« шоропливо сказалъ ему Князь: »спасайся отъ бѣды неминучей.«— »Я самъ иду! пора къ концу!« отвѣчалъ Владиміръ, хотѣлъ еще говорить; но Вадбольскій гаркнулъ: сюда! — налѣтели Ташары и драгуны, окружили ихъ; поднялось около нихъ облако пыли, сквозь которое ничего не лзя было видѣть изъ Русскаго спана и Маріенбургскому коршежу. Сильныя руки схватили Владиміра, не давъ ему образумишься, поса-

дими кое-какъ на лошадь и шуго привязали къ ней. Мурзенко свиснулъ, и былъ шаковъ; за нимъ помчались два Ташарина и лошадь, къ кошорой прикрѣпленъ былъ узникъ. Горы, лѣса, мелькали мимо ихъ. Наконецъ они оспановились. Разбитый ѣздою, исперзанный крѣпкою перевязью, изнуренный душевными спраданіями, Владиміръ полуживой оглянулся. Все вокругъ его ходило. Что съ нимъ сдѣлалось, гдѣ онъ былъ, гдѣ теперь, не понималъ онъ. Его развязали, сняли съ лошади, посадили на мураву и дали ему выпить воды. Онъ очнулся, и увидѣлъ себя у калишки Blumenшросовой мызы; передъ нимъ стоялъ Мурзенко; два Ташарина ухаживали за нѣсколькими лошадыми.

Мурзенко замѣшивъ, что онъ пришелъ въ себя, подаль ему бумагу. Владиміръ взялъ ее и прочелъ на ней слѣдующія строки, рукою Фельдмаршала написанная: »Спасайся; бѣги въ Чудь, въ Польшу, куда хочешь; только въ Россію не

» показывайся. Не снесешь шамъ головы
 » своей. Злодѣй Денисовъ ищешь швоей
 » погибели и пишешь объ тебѣ въ Мо-
 » скву, въ Царскую Думу. Спасши тебя
 » шеперь не могу: ты — *Послѣдній Но-*
 » *викъ!* Молимъ Бога и всѣхъ Свяшыхъ
 » Его подашь намъ случай оказать тебѣ
 » нашу благодарность. Будемъ узнавать о
 » тебѣ на извѣстной мызѣ. Нашъ послан-
 » ный вручишь тебѣ знакъ нашей при-
 » знательности, какой можешь тебѣ по
 » времени пригодиться.»

— И такъ, Господи, Ты судимъ мнѣ
 родины не видашь!... сказалъ Влади-
 мѣрь, прочинавъ записку, и зарыдалъ
 такъ горько, что привелъ въ жалость
 Татарскаго наѣзника. Мурзенко, не по-
 нимаая причины его горести, старался
 однако-жъ по своему утѣшить его и по-
 далъ ему кошелекъ, шуго набитый золо-
 томъ. — »Опдай сей даръ назадъ шому,
 кто прислалъ его!« сказалъ съ негодо-
 ваниемъ Владимѣрь, опшолкнувъ руку Та-
 тарина: »объяви ему, что я не наемщикъ.

За деньги не дѣлають того, что я сдѣлалъ. Господи! о, Господи! почто лишилъ меня поварища, родителей, опеченства? почто отвергаешь и смиреніе мое и мое раскаяніе? . . . Не лиши меня хоть послѣдней милости, молю Тебя: содѣлай, чтобы, когда узнають о смерти Последняго Новика, Русскіе, братья его, совершили по немъ поминовеніе и помолились о спасеніи души того, кто любилъ такъ много ихъ и свою родину! «Тутъ Владиміръ, закрывъ глаза руками, опять горько заплакалъ; но немного погодя, вспрепенулся и сказалъ Мурзенкъ: — Можешь бышь, еще не поздно! . . . Скачи назадъ, иди прямо къ Шеремешеву, и скажи ему, чтобы Русскіе не входили въ замокъ. Тамъ Офицеръ Шведскій зажжешь пороховой погребъ; взорвешь себя, Шведовъ, Русскихъ! Понимаешь: взорвешь! . . . — Пуфъ! вскричалъ Мурзенко, показывая движеніями, что онъ понялъ Владиміра. Бездѣльника! Собака Шведъ! Понимай моя. . . . Добре, добре! прибавилъ онъ,

обнявъ Владиміра и уперевъ кулакомъ слезу, навернувшуюся на щели одного глаза. Моя швоя не забудеть. По швоя милости моя Пулковникъ. Авось, моя швоя добръ сдѣлаешъ.

Съ послѣднимъ словомъ кликнулъ онъ своихъ Ташаръ, сѣлъ на коня и, какъ вихрь, взвился по дорогѣ къ Маріенбургу.

Проводивъ на мызу Г. Блуменшпроса Владиміра, съ которымъ судьба шакъ жестоко поступила въ минушы его величайшихъ надеждъ, мы возвратимся къ мосту Маріенбургскому. Незапное похищеніе его нѣсколько разспроило церемониальное шествіе, предводимое Гликомъ. Послѣдній едва не перемѣшалъ въ головѣ частей рѣчи, составленной по масштабѣ порядочной хрип, отъ коей отступившъ считалъ отъ уголовнымъ преступленіемъ. (Въ эшомъ и черезъ сонню лѣшъ нашлись бы у насъ подъ масшъ вишинъ.) Князь Вадбольскій, управившись съ Владиміромъ, поспѣшилъ къ Пашпору и, узнавъ, что онъ говоритъ по Русски,

обласкалъ его; на принесенныя же имъ жалобы, что такъ неожиданно и прошивъ условій схваченъ человекъ, ему близкій, данъ ему утѣшительный отвѣтъ, что это сдѣлано по волю Фельд-маршала, именно для блага человека, въ которомъ онъ принимаешь такое живое участіе; и потому Паспоръ убѣжденъ молчать о семъ происшествіи, какъ о важной тайнѣ.

Гликъ съ своими прихожанами и безоруженными Шведскими офицерами, вышедшими изъ замка съ частью гарнизона, опведенъ былъ въ спань Русскій: Тамъ, въ богатой спавкѣ, которую мы уже прежде описали, ожидалъ ихъ Фельдмаршалъ, окруженный многочисленнымъ шпашомъ. Почетные жители Мариенбурга были введены въ нее, и взоры воиновъ Русскихъ обратились на прекрасную воспитанницу. Не смотря на присутствіе главнаго начальника, многіе единодушно вскричали: вошь пригожая дѣвка! *Das ist ein schönes Mädchen!* Самъ Фельдмаршалъ

невольно охорошился, призвалъ улыбку на важное лице свое и не разъ взглянулъ на нее глазами, выражавшими то, что уста другихъ произнесли. Г-жа Вульфъ, краснѣя отъ общаго вниманія, на нее обращеннаго, и отъ похвалъ, которыми была осыпана, казалась отъ того еще прелестнѣе. Сіе вниманіе, не ускользнувшее отъ глазъ Пастора, и ласковый пріемъ, ему Фельдмаршаломъ сдѣланный, придали ему бодрости. Кашлянувъ и поправивъ на себѣ парикъ, онъ спѣшилъ изумить своихъ слушателей рѣчью, произнесенною на Русскомъ языкѣ. Въ ней собрана была вся ученость его, подпертая столбами краснорѣчія и любовію его къ славіи Петра I-го — любовію, зажженною взглядомъ на него Великаго Монарха подъ Нейгаузеномъ, пишаемою Русскими переводами, которые намѣревался посвящать Ему, и надеждою основать въ Москвѣ первую знаменишую Академію, *Scholam illustrem*. Въ заключеніи просилъ ораторъ повергнуть къ стопамъ Его Величества

адресъ, имъ заготовленный, о принятіи, ужь не Маріенбурга — цѣлой Лифляндіи, подь свое покровительствво. По окончаніи рѣчи, Гликъ подавъ Фельдмаршалу Славянскую Библію въ огромномъ форматѣ, которую держалъ доселѣ подь мышкою и которая мѣшала ему порядочно размахнуться. Ободренный лестнымъ вниманіемъ и признавательностію высокаго Русскаго сановника, обѣщавшаго ему свое покровительствво и денежное пособіе на учрежденіе въ Москвѣ училища, и завѣрившаго его въ милостяхъ Царя, умѣвшаго цѣнить истинную ученость, Пасторъ почиталъ себя счастливымъ увѣчаныхъ въ Капитоліи. Всѣ мечты, всѣ грезы его самолюбія сбывались!.. Вслѣдъ за Библіею представлены великіе члены его семейства, исторгаемые одинъ за другимъ изъ смиреннаго убѣжища, въ коемъ держала ихъ Грете, а за ними его воспитанница, офицеры Шведскіе и почешные жители Маріенбурга, которыхъ воспорженный орапоръ принялъ, волею

ихъ или неволею, подъ свое покровитель-
ство. Всѣхъ опрекомендованныхъ Гли-
комъ Фельдмаршалъ оставилъ у себя объ-
дашь. За столомъ радушный хозяинъ такъ
ободрилъ ихъ, что они забыли свое горе
и казались дорогими гостями на веселомъ
пиршествѣ. Говорили и объ Вульфѣ, не
смотря на желаніе Глика опспранишь
отъ себя печальную мысль объ немъ. Ког-
да узнали, что онъ мужъ и только-что
нѣсколько часовъ мужъ прелестной вос-
питанницы — Фельдмаршалъ сказалъ по-
Нѣмецки: »Вашъ зять порядочно *натру-*
билъ намъ въ уши: при педѣли не даль
онъ намъ покоя своею музыкою и недавно
еще задалъ намъ порядочный концертъ.
Надобно бы опплащивъ ему нынѣ шѣмъ
же, — прибавилъ онъ, смотря значи-
тельно на Г-жу Вульфъ: — но мы не
злопамятны. Пусть увѣнчаютъ его въ
одинъ день и лавры и мирры, сполько
завидные!« — Г-жа Вульфъ покраснѣла и
— прибавляетъ Хроника — вздохнула. . .
Комментаріи не объясняютъ сего вздоха.

Извѣстно намъ только, что съ того времени называли ее прекрасною супругою неснаго *трубача*...

Послѣ обѣда госпи были опущены по домамъ. Пастору обѣщано доставить его съ честію и со всѣми пухевыми удобствами въ Москву, какъ скоро онъ изъявитъ желаніе шуда отправиться. Всѣ разошлись довольны и веселы.

Наспалъ условный часъ приема замка. Сначала посланъ былъ къ Цейгмейстеру Шведскій Офицеръ съ предувѣдомленіемъ, что Русскіе идутъ немедленно занять островъ. »Все готово къ приему ихъ!« опвѣчалъ хладнокровно Вульфъ. Нѣсколько баталіоновъ Русскихъ пронудось изъ стана съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Голова колонны поржественно входила въ замокъ; хвостъ тянулся по мосту. Гарнизонъ Шведскій опдалъ честь побѣдителямъ, сложилъ оружія, взялъ пули въ рошъ и готовъ былъ выступить изъ замка... Дѣло спало за Цейгмейстеромъ, котораго

не могли сыскашь. Поднялась пыль за мѣспечкомъ по дорогѣ изъ Менцена, быспровилась клубомъ, исчезла въ мѣспечкѣ; уже на берегу видѣнь Татарскій всадникъ — эпо Мурзенко. Онъ махалъ рукою и кричалъ что-то изо всей силы; слова его заглушены музыкою и барабаннымъ боемъ....

Въ сію самую минушу среди замка вспыхнулъ огненный языкъ, который, казалось, хотѣлъ слизать ходившія надъ нимъ тучи; дробный, сухой прескъ разорвалъ воздухъ, повторился въ окрестности тысячными перекатами и наконецъ превратился въ глухой, продолжительный сшонъ, подобный тому, когда ураганъ гулишь Океанъ, качая его въ своихъ объятіяхъ; островъ обхватило облако гуспаго дыма, испещреннаго черными пятнами, предспавлявшими неясные образы людей, оружій, камней; земля задрожала; воды, закипѣвъ, опхлынули опъ береговъ острова и, показавъ на мигъ дно свое, обрисовали около него вспѣнен-

ную окраиницу; по озеру начали ходить бѣлыя косы; мостъ разлепился — и вскорѣ, когда эпошъ адъ закрылся, на мѣстѣ, гдѣ стояли замокъ, кирка, домъ Коменданша и прочія зданія, курились только груды щебня, разорванныя спѣны и надломанныя башни. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Послѣдовала такая же кратковременная пишина, и за нею слышались раздирающіе душу стоны раненыхъ и ушопавшихъ, молившихъ о спасеніи или смерти. Немногіе изъ Шведовъ и Русскихъ въ замкѣ чудесно уцѣлѣли. Не скоро также были посланы люди съ берегу, чтобы дать имъ помощь; ибо опасались еще какого-либо адскаго дѣйствія изъ уцѣлѣвшей башни. Испуганное войско Русское высыпало изъ спана на высоты и приготоуовилось къ бою съ непріателемъ, котораго не видѣли и не знали, откуда ждашь.

Вульфъ сдержалъ свое слово: и мершвеца съ эшимъ именемъ не нашли непріатели для иоруганія его. Его могилою

быль порохъ — спихія, коею онъ жилъ.
Память тебѣ славная, благородный Шведъ,
и отъ своихъ и отъ чужихъ! ..

Исторія не позволяеть мнѣ скрыть,
что месь Русскаго военачальника за
погубленіе бапаліона пала на бѣдныхъ
жишелей мѣсечка и на Шведовъ, нахо-
дившихся по договору въ станѣ Русскомъ,
не какъ плѣнныхъ, но какъ госней. Все
они задержаны и сосланы въ Россію. Не
избѣгли плѣна Гликъ и его воспитан-
ница, можетъ спасться, къ удовольствію
перваго. Шеремевъ опправиль ихъ въ
Москву въ собственнй свой домъ. Мѣ-
сечко Маріенбургъ разорено такъ, что
слѣдовъ его не оспалось.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ

ВЪ 3-й ЧАСТИ:

Стр.	Слр.	Слр.	Исправлено:	Исправлено:
55	8	смѣшиваешся	смѣшивается	
54	9	Бъ зацишу	Бъ зацишу	
39	10	ие мало	не мало	
110	7	съ удоволь-	съ неудоволь-	сшвѣемъ;
		сшвѣемъ;		
111	19	при служи-	прислушивашь	
		вашь		
288	22	бомбандира	бомбардира	
290	8	сложиль	сложивъ	
202	16	произнося	произнеся	
295	15	немедлено	немедленно	
501	23	— въ	исключить	
—	24	знеменишый	знаменишый	
